

КОНТР@БАНДА

Ежемесячный журнал о современной русской литературе

Журнал «Контрабанда» основан в ноябре 2007 году на Седьмом форуме молодых писателей в Липках участниками литературного Интернет-журнала «Точка Зрения» (<http://lito.ru>) Алексеем Караковским, Анастасией Яковлевой-Помогаевой и Андреем Белозёровым. Генеральные партнёры журнала — издательство «Современная литература в Интернете» (<http://litseries.ru>), веб-студия «Web-техника» (<http://webtechnics.ru>) и фестиваль современного искусства «Пересечение границ» (<http://frontier-fest.ru>).

Журнал приглашает к сотрудничеству литературных критиков и публицистов. Приветствуются юмор, дерзость, интеллект. Не приветствуется академичность, официальность. Публикация литературных произведений осуществляется на коммерческой основе (1 страница — 500 рублей). Заявки на публикацию принимаются по адресу karakovski@gmail.com. Редакция оставляет за собой права отказа в публикации любых текстов.

«Контрабанда» является участником журнальных Интернет-порталов «Читальный зал» и «Мегалит», а также номинатором литературных конкурсов «Заблудившейся трамвай», «Илья-премия», «Премия П» и литературной премии имени Казакова.

Официальный сайт журнала: <http://zhurnal.lito.ru>
Сообщество: http://community.livejournal.com/ru_kontrabanda
E-мэйл: karakovski@gmail.com

Главный редактор — Алексей Караковский.
Выпускающий редактор — Анна Герасимова.
Заместитель главного редактора — Екатерина Сергацкова.
Заместитель главного редактора — Павел Соломатин.
Верстка — Алексей Караковский.
Фото — Наталья Караковская.

Редакционный совет:

Эмилия Галаган (Санкт-Петербург) — прозаик.
Анна Герасимова (Москва) — переводчик, эссеист.
Алексей Караковский (Москва) — прозаик, музыкант, переводчик, эссеист, издатель, член Союза писателей Москвы.
Андрей Моисеев (Москва) — критик, эссеист.
Екатерина Сергацкова (Волгоград) — критик, публицист.
Дэн Шорин (Тула) — писатель.

Организационная группа («Совет контрабандистов»):

Сергей Алхутов, Алексей Ануфриев, Сусанна Армянян, Александр Вишнёв, Алексей Караковский, Рустам Карапетян, Мария Полянская, Сергей Савоськин, Павел Соломатин.

Общественный совет:

Кирилл Ковальджи (Москва) — поэт, прозаик, переводчик, секретарь Союза Писателей Москвы.
Ирина Медведева (Москва) — руководитель литературного конкурса «Илья-премия».
Елена Рышкова (Франкфурт) — руководитель конкурса «Согласование времён» и лигагентства «Русский автобан».
Евгений Степанов (Москва) — кандидат филологических наук, главный редактор журналов «Дети Ра» и «Футурум-Арт».

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.

Номер подписан в печать 20.05.11 в 18:40. Заказ № 19

Издатель Воробьёв А.В. 117321, Москва, ул. Профсоюзная, 140, корп. 2. E-mail: gorkom11@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Мульти Графика», 105483, г. Москва, ул. Никитинская, 5а, (495) 749-61-68

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Роскомнадзором, ПИ №ФС77-38426 от 15.12.2009.

В НОМЕРЕ:

Попытки некоторых «литераторов» и «историков» протащить контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам должны встречать со стороны большевиков решительный отпор.
И.С. Сталин, 1931 г.

Телега	2
Как Ной и Ясон предотвратили непредотвратимое.	
Доктрина	3
Василий Гамов. Чем дышит молодёжь Andrenalin.Ru	
Рецепты чтения	4
Библиотека Атлантиды. Написанные и ненаписанные книги Фонотека Атлантиды	
Перечитываем классику	6
Виктор Кузнецов. Нина и Александр Лариса Бау. Влияние Г. В. Ф. Гегеля на отдельно взятую душу Олег Комраков. Излечение от алкоголизма по методу доктора Атоса Лина Гимпельсон. Всё лучшее — детям? Сандро Мейпариани. Радуга предубеждений или ересь толпы	
Исторический слой	12
Грэйл Маркус. Неоплаченные долги Инквизиции. Из книги «Следы губной помады»	
История песен	16
Алексей Караковский. Полли Джин Харви: «Dress» («Платье»)	
Консонанс	17
Наталья Редозубова. Божественная Нино	
Технология культуры	18
Культурные нации, национальные культуры. На вопросы журнала «Контрабанда» отвечают Лала Амирбекова (Азербайджан), Елена Шуваева-Петросян (Армения), Гурам Сванидзе (Грузия), Сандро Мейпариани (Грузия)	
Кают-компания	21
Елена Шуваева-Петросян. Дорога к Богу. Интервью со священниками Еревана	
Точные координаты	24
Стихи поэтов Закавказья: Лала Амирбекова, Эла Гочишвили, Отар Чиладзе, Елена Шуваева-Петросян, Анна Полетаева, Сусанна Армянян, Дмитрий Лоскутов. Александр Ступников. Русские евреи Азербайджана. Мария Эксер. Смородиновое лето Лейла Мамедова. Кадры, втопанные в слякоть Елена Шуваева-Петросян. Рассказы Сандро Мейпариани. Как долго тянется последняя любовь... Гурам Сванидзе. Окно Александр Эксерджян. Маркос	
Контрабандное чтение	54
Алексей Коротяев. Последнее пари актрисы Павел Маслов. Нет Екатерина Белых. Девочка мая Алексей Караковский. Долина Андрей Лукьянов. Стихотворения Елена Барина. Стихотворения Виктор Харин. Хранители сказок. Глава 7. На краю земли	

КАК НОЙ И ЯСОН ПРЕДОТВРАТИЛИ НЕПРЕДОТВРАТИМОЕ

Как повествуют древние источники, в XIV веке до нашей эры на территории современной Грузии, Армении и Азербайджана произошла ужасающая катастрофа, обстоятельства которой во многом остаются загадкой до сих пор. Всё, что известно — это то, что в 11 день лунного месяца Улулу божественная колесница Тейшеба столкнулась со священными башнями-близнецами Тишенир. После этого местное население, прежде стоявшее друг у друга на головах, наконец спустилось на землю, в качестве языка общения избрав ужасающий жаргон, получивший в историографии название «арго».

Чудом оставшиеся в живых хронисты полагали, что это была божья кара Кавказской Албании за создание олбанского языка или Шоте Руставели за тигровую шкуру. Не сумев оценить происшедшей катастрофы, они полагали, что олбанский разложился на несколько тысяч самостоятельных и совершенно невразумительных, на их взгляд, диалектов — немецкий, испанский, латынь и другие. «Звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром. И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих» (Откр., 6:13,14). И всякая прочая хрень!!!

Вне всяких сомнений, начинался Апокалипсис, грозящий глобальной отменой history и, возможно, аварийной перезагрузкой объективной реальности. Чтобы разобраться в ситуации, в Урарту с частным исследовательским визитом отправился специалист по языкознанию Ной. Решив действовать наверняка, он взял на борт Ковчега, освящённого патриархом московским и всея Руси Кириллом, по паре каждого представителя языкового сообщества планеты. Не терпящий опозданий судостроитель начал свой великий Исход загадя — примерно за полторы тысячи лет до конца света. Первым от Апокалипсиса скончался царь Урарту Аргишти — ещё в начале пути.

Чтобы скоротать время плавания, пассажиры ковчега учились иностранным языкам — собачьим наречиям семейства псовых, кошачьим диалектам самодийской группы, голубиным полисинтетическим говорам. Одни лишь вавилоняне серые обыкновенные ничему не учились, паразитируя на волосяном покрове доверчивой и наивной команды корабля, особо предпочитая для своих разрушительных действий судового врача Вишневого, меланхолика и мизантропа.

Как достоверно известно от армянского радио, Арарат — это метафизический афедрон горнего мира, самая устойчивая часть Земли. Именно на него ориентировался Ковчег, напичканный генетическим материалом и лаборантами. Для того, чтобы вести дневник наблюдений, Вишневскому требовалось лишь время от времени включать в него новые анамнестические данные. Постепенно перед Ноем открывался прекрасный, почти утерянный под обломками башен-близнецов мир народов и обычаев Закавказья. Незримая нить, связывающая внутреннюю Колхиду Грузии и Джорджии, вела его на этом полном опасностей пути, усеянном вставными челюстями Сцилл, Харибд, гигантскими моллюсками и симулякрами питекантропов.

Тем временем на другом конце земли, в Гардарике, началась работа шифровальной машины «Энигма», построенной в начале плейстоцена нашими могущественными добрыми предками из созвездия Волосы Вероники. Благодаря ей стало известно, что навстречу Ною движется галера греческого императорского флота «Арго». Встреча двух прославленных кораблей произошла, разумеется, на Эльбе — крупном левом притоке Риони.

Ной подозревал, что совпадение названий не случайно, и произошедшая катастрофа как-то связана с «Арго», возможно, представляющим угрозу. Врач Вишневецкий, одолеваемый серыми вавилонянами, носился как ошпаренный по палубе и орал, что, дескать, второй фронт уже открыт, и вообще Карфаген должен быть разрушен. Однако дальнейшие события показали, что «Арго» выполнял мирную миссию, и подозрения Ноя не подтвердились. Знаменитый мореход Ясон был всего лишь законспирированным греческим контрабандистом, отправившимся в Грузию за нелегальной партией табака «Золотое руно», а арго — оказался всего лишь жаргоном людей его профессии.

Сигналом для Ноя служил голубь с генетически облегчённой оливковой веткой в клюве. «К берегу!», — скомандовал он. Там в условленном месте его уже ждали представители греческой делегации аргонавтов. «Γεια σας!», — воскликнул Ясон. «הָלֵךְ הָאֵלֶּיךָ?», — подумал Ной, но вслух говорить ничего не стал.

Колхида, уже отреставрированная грузинской ремонтной бригадой Давида Строителя, организовала достойную традиционного кавказского гостеприимства встречу. Не будет преувеличением сказать, что она затмила такие корпоративы, как Потсдамская и Ялтинская конференция. Обросшая к этому времени по второму разу Вероника лично приготовила сациви, чахохбили, лобио и даже коньяк «Арарат» в фирменных бутылочках. Давид Строитель взял на себя обязанности тамады. После торжественного обеда Ясон и Ной закурили трубку мира, набитую как раз «Золотым руном», и погрузились в анализ ситуации.

Прошло несколько часов. Двое мужчин, лучшие представители своих народов, никак не могли прийти к взаимопониманию. Арго контрабандистов не укладывалось в схемы классического языкознания. Наблюдавшие за процессом жители с ужасом ожидали, чем всё закончится; некоторые делали ставки. И тут слово взял Давид Строитель.

— В одном селе двое братьев никак не могли поделить наследство. Пришли они к мудрецу, и тот говорит: «Если не можете разделить, может, и вовсе не делить?». Послушались его братья и были счастливы. Так давайте поднимем бокалы за то, чтобы все были просто счастливы, и хрен с ним, с языкознанием!

Ной и Ясон вскочили со своих мест и захлопали в ладоши, а вслед за ними захлопали в ладоши все-все люди и в Айке, и в Сакартвело, и в Азербайджане. Тут Ясон сказал: «Поехали!», взмахнул рукой и создал небо и звёзды. Ной топнул ногой и создал землю, море, а кое-где — ещё и нефть. А после этого они поднапряглись ещё немного, и, пока поднапрягались, серые вавилоняне создали из глины с соломой Сталина, который придумал национальную политику, СССР, ЗСФСР и ВСНХ, Вероника вышла замуж за Давида Строителя, а про доктора Вишневецкого сняли пятый и шестой сезоны сериала «Доктор Хаус». После этого Счастье как-то подзабылось, в зале включили свет, и ничего так и не понявшие зрители разошлись по домам.

P.S. К написанию этой, бесспорно, рекламной заказной статьи не имеют отношения следующие организации: РПО «Арго» (Новосибирск), автомобильная компания «Арго» (Москва), рекламное агентство «Арго Лайнс» (Москва), школа астрологии «ARGO» (Нидерланды), ООО Арго (Санкт-Петербург), ООО «Аргон» (г. Балаково-1), магазин одежды «Марго» (Москва) и ресторан «Арго» на Ленинском проспекте (тот, что за Канатчиковой дачей).

ЧЕМ ДЫШИТ МОЛОДЁЖЬ?

Мы относимся к немногочисленным изданиям, которые с удовольствием публикуют манифесты и воззвания молодых людей, нашедших смысл жизни и желающих поделиться им с Вселенной. Может быть, из таких маленьких кирпичиков складывается жизненный опыт человека или даже мировая философия — а может быть, и нет. В любом случае, в этих текстах что-то есть. То, что больше чувствуешь, чем осознаёшь.

Это небольшое эссе Василий ГАМОВ посвящает всем людям старшего поколения.

Тем двум в раю был предоставлен выбор: или счастье без свободы или свобода без счастья, третьего не дано. Они, олухи, выбрали свободу, и что же: понятно — потом века тосковали об оковах.

Е.И. Замятин «Мы»

Однажды моя бабушка спросила меня:

— Чем дышит молодёжь?

Да, именно так: не чем живёт, не что её интересует, а чем дышит. Помнится, я тогда, не задумываясь, ответил, мол, молодёжь дышит углекислым газом и живёт в отравленном мире.

Мы ещё долго болтали с ней на разные темы, но именно эта часть разговора вонзилась в моё сознание, как иголка в подушку, и теперь доставляла определенное неудобство. Теперь, спустя некоторое время, я мысленно возвращаюсь к этому разговору. Так чем же всё-таки дышит молодёжь, во всех смыслах этого слова?

Безусловно, помимо углеродных соединений, это и тонны других химикатов.

Это пепел первого и одиннадцатого сентября.

Это хлор первой мировой и газовые камеры второй.

Это «черёмуха» милиции на митингах.

Это пыль магистралей.

Это дым бумажных фабрик.

Это страх и ужас.

Это ненависть и боль.

Это чисто механический процесс. Я сейчас о дыхании. Оно не должно причинять нам боли, но почему-то порой причиняет. А как иначе в мире, отравленном радиацией? В мире, где люди не знают, что такое счастье? В мире, где любовь — это всего лишь химическая реакция?

Разве такое «светлое будущее» рисовали в своём воображении наши бабушки и дедушки? Я полагаю, нет. А чем наша эпоха отличается от прошлых? Чем мы лучше наших родителей?

Мы свободны! Свобода — наш главный аргумент. Мы познали мир до такой степени, что нам уже не интересно жить. Мы не верим в Бога, потому что, если бы он был, люди бы так не мучились. Мы всему можем найти объяснение. Мы — это просто мы. Мы — всего лишь маленькие дети, которые заново учатся жить в мире, полном хаоса и технологий. В мире сумасшедших писателей и безумных гениев. В мире прогнивших мозгов и систем. В мире, где каждый волен выбирать сам.

Но стоит на секунду остановиться, вдохнуть воздух, смешанный с углеродом и пылью, посмотреть на окружающий хаос, почувствовать биение своего сердца и тогда ответ придёт сам. Главное в этом мире не химия любви, не пепел истории, не даже сжимающие твою голову тиски разума. Главное — простое слово «счастье».

Василий ГАМОВ

- Умереть легче, а не лучше. И не легче.
- Москва — это вам не Питер, здесь нельзя хамить в общественном транспорте. То есть можно, но нужно помнить, что в любой момент за это могут убить. Позволить себе хамство могут только совсем уж крутые, или отмороженные, или просто глупые. К сожалению, таких много.
- Интересно, задумывались ли делавшие хакари о том, какой пример они подадут детям? Полагаю, да. Ножи для хакари передавались по наследству.
- И грузины, и молдаване — наши православные братья. Братьев не выбирают. Мы тоже не сахар.
- Любимый менеджер будет гореть в аду. Это его профессия.
- Не моя идея, но хорошая. Обнести всю страну стеной до неба и так жить. Никого внутрь не пускать. У нас самих все есть, и, кстати, при таком порядке все у нас и останется. Думаю, стена изнутри должна быть приятного песочно-янтарного цвета, а снаружи — плевать. Да, а если кто-нибудь залезет к нам в Сибирь, мы можем снова взорвать Тунгусский метеорит. Это уже мое.
- Если люди будут умирать в тридцать лет, переиздавать «Лед Зеппелин» будет незачем, а женщины сохранят относительную привлекательность. Я не говорю, что это было бы хорошо. Но это было бы неплохо. Тещи ликвидируются сами собой. Газеты закроются за ненадобностью. Футболисты будут играть до самой смерти.
- Если суп испортился, значит, испортился весь суп.
- Если продавец богаче покупателя, они должны поменяться местами.
- Да, а еще настоящего москвича можно узнать по тому, что он всегда улыбается, как идиот. Да, а настоящего питерца — что он никогда не улыбается. Как идиот.
- Подходите к моему гробу с осторожностью. В кого-то могу и плюнуть.
- Навсегда — это не навсегда.
- В миг, когда ты надел турецкие джинсы, ты погиб как личность.
- Когда я узнал, что Твардовский поляк, я понял, что все поляки русские.
- Сперва дать мыслью по башке, а потом засадить прямо в сердце тоненький хнык.
- Мне нужны только фанатичные поклонники. Если вы обычный поклонник, не фанатичный, немедленно прекратите это читать.
- Тем, кто хочет славы и денег, я бы не давал ни того, ни другого.
- Интернет — огромный мозг. И, как всякий мозг, он на девяносто процентов состоит из полнейшей белиберды.
- Выпив бутылку водки с утра, разумный человек может на какое-то время лечь поспать.
- Москвич — это не национальность. И не профессия. Москвич — это должность.
- Путин не похож на Бога, потому что его существование недоказуемо.
- Понятие «сходить налево» ввел Маяковский. Спасибо, сволочь.
- Женщины в нашей стране живут на тридцать лет дольше, но в четыре раза хуже.
- Меня не интересует, плохо или хорошо. Меня интересует как.
- Самое неприятное в правде то, что она всегда неприятная.

ANDRENALIN.RU

БИБЛИОТЕКА АТЛАНТИДЫ

Не все эти книги написаны, но каждую из них мы рекомендуем!

В.И. Ленин. Техники эффективных продаж

Лениздат, 1924 г.

Скандальная книга-мистификация известного в прошлом торговца недвижимостью. Владимир Иосифович начал свою яркую карьеру аж в 19-м веке, продавая школьные оценки, и не закончил её до сих пор, так как на бюджет по содержанию мумии менеджера безбедно живут все его многочисленные потомки в 35 странах мира.

В своей книге Ленин вывел три главных закона продаж, которые сегодня знают все — от улыбочивых таджиков на китайском рынке до родственников Мавроди по кремлёвской линии.

Закон 1. Продать можно всё.

Закон 2. Продавать нужно за деньги.

Закон 3. Продавать нужно немцам.

Свою первую крупную сделку талантливый автор совершил, когда в 1913 году обменял шалаш в Шушенском на Дрезденскую галерею. Чтобы замазать дело, Ленин поручил своим пиарщикам развязать войну.

Следующая сделка, которая прославила менеджера, состоялась четырьмя годами позже: Ленин загнал Зимний Дворец большевикам. На эти деньги он приобрёл Кёльнский кафедральный собор, все труды Альберта Эйнштейна и смачный поцелуй Фанни Каплан. Чтобы замазать дело, пришлось пару раз стрельнуть из «Авроры»: оба снаряда били Олимпийского мишку, и про большевиков на время забыли.

В книге автор увлекательно рассказывает историю своей главной сделки: он продал своей жене собственную фамилию, сделав её самым известным брендом на Земле. Впоследствии права на использование бренда перекупили иностранные конкуренты — Черчилль и Рузвельт, но, следуя заветам Иосифовича, всё свалили на немцев.

Несколько глав книги посвящены техникам продаж таких необычных «товаров», как Родина, партия, честь и совесть. Опытный Ленин утверждает, что на недвижимости можно лишь научиться торговле, а чтобы разбогатеть, необходимо выходить на продажу того, чего нет: юридически все законы будут бессильны. А что касается налогов, то в конце книги автор изрекает мудрую мысль: налоги не надо платить — на них надо жить.

Книга рекомендована широкому кругу читателей.

Алексей САМОЙЛОВ

С.Г. Кара-Мурза. Идеология и, мать её, наука

Москва, 2010. Издание исправленное и дополненное

В предыдущее издание увлекательного лингвистико-философского исследования, вышедшего в 2002 году в издательстве «Эксмо», вкралась досадная ошибка, из-за которой истинный смысл этой выдающейся работы Сергея Георгиевича Кара-Мурзы был долгое время недоступен читателям. По вине корректора из заглавия книги исчезли две запятых, которые придавали особую экспрессивность названию и проливали свет на ход мысли автора. Предваряя лингвистические выкладки, известный историк с горечью цитирует философа науки М. Фуко: «Как математика в Греции родилась из процедур измерения и меры, так и науки о природе

родились из техники допроса в конце средних веков». Каким же образом, удивляется автор, произошла эта мутация, отразившая разрыв слова и вещи и заменившая в культурном обиходе исконно научную или, другими словами, обценную лексику на так называемую «научную терминологию», которую автор метко называет словами-«амёбами»? В связи с этим, Кара-Мурза как бы между делом цитирует Хайдеггера: «Язык под господством новоевропейской метафизики субъективности почти неудержимо выпадает из своей стихии». Живой, сочный язык, родившийся в жаркой атмосфере позднего средневековья, во всей полноте выражавший как жажду познания отцов естественных наук, господ инквизиторов, так и боль невежества их жертв, в процессе разрушения привычного для средневекового человека Космоса, постепенно проходит через процесс десакрализации, превращается в «безличный, неодухотворённый инструмент». Постепенно создаётся выгодный властью имущим «правильный» язык, на котором и строится идеология Нового времени. Слова-амёбы — прозрачные, не связанные с контекстом реальности — делятся и размножаются, не привлекая к себе внимания, но, как сеть, запутывая наше представление о мире. Обращаясь к теории классовой борьбы К. Маркса, автор видит выход из тупика в лингвистической революции, в возврате к исконному языку, мать её, науки.

Александра МОРОЗОВА

Политология в комиксах для дебилов за полчаса

Москва, издательство «Шпора-Плюс», 2010 г.

Специальное учебное пособие для ускоренной подготовки неуспевающих студентов высших учебных заведений. Рекомендовано всеми сайтами для скачивания рефератов и сервисами по присылке SMS с правильными ответами, продаётся на всех станциях метро Москвы и Петербурга.

Издание базируется на нескольких сериях комиксов, изданных в США в 1990-2010 годах. В комиксах подробно излагаются причины и ход войны в Персидском заливе, история демократизации в Афганистане, Вьетнаме и других приусадебных участках. Отдельная глава посвящена любовной истории Билла Клинтона и Моника Левински (благодаря этому книга запрещена к продаже лицам моложе 18 лет). Вторая глава, проникнутая традиционной американской эротикой для пенсионеров, посвящена администрации Джорджа Буша-младшего. В третьей части книги читателям предлагается ответ на вопрос, почему роль губернатора Калифорнии исполняет Терминатор, а роль президента США Барака Обамы — Человек-Паук (по другой версии, Чёрный плащ).

Книга состоит из одних картинок, без подписей — для того, чтобы облегчить понимание студентам, владеющим лишь основными знаниями по русскому языку. Для читателей, не понимающих пиктографическую символику, к сборнику приложена аудиокнига на 115 языках народов России и Ближнего зарубежья.

Единственным недостатком оригинального издания является почти полное отсутствие ответов на экзаменационные билеты по политологии Российской Федерации. Впрочем, ещё в советское время на примере предмета «политэкономика стран социализма» было убедительно доказано, что придумывать ответы на риторические вопросы бессмысленно. Тем более, если всё равно рано или поздно любой экзамен будет сдан.

В ближайшее время в издательстве также выйдут «Советы для домохозяек. 200 самых лёгких способов» и «ПЕННОРОЖДЕННЫЕ. Полный справочник родственных отношений персонажей мыльных опер».

Эдуард АБРАМОВ, Дмитрий БЕБЕНИН, Ник ЛОГИН

ФОНОТЕКА АТЛАНТИДЫ

Музыка, которую никто не услышит, но все о ней узнают

Zhмот Zorro — Стрела любви

Арт-рок и фьюжн группа «Zhмот Zorro», посвятившая себя интерпретации музыки успешных исполнителей в виде концептуальных альбомов, после записи четырёхдискового «Take your Brain Police off when you're Severyanin» на музыку Френка Заппа и стихи Игоря Северянина через год порадовала нас новым релизом. В этом году суровые мурманские парни, выступающие, как и их тёзки по аббревиатуре, ZZ Тор, с бородами по пояс и в чёрных очках (все двадцать участников оркестра), выпустили рок-оперу «Стрела Любви» на основе песни Андрея Макаревича «Между тем, что было, и тем, что будет...», взятой с альбома «Медленная хорошая музыка» группы «Машина времени» 1991 года. Автор мюзикла, лидер «Zhмота» Афедрон растащил песню на куски, сделав каждый из них отдельным действием такой рок-оперы.

Между тем, что было, и тем, что будет —
Времени тетива
От «было» к «будет» шагают люди,
Явившись на свет едва...

Первое действие показывает переход от метафизической стадии к экзистенциальной: оформление сцены решено в мистических тонах. В толпе выделяется человек, такой же безликий как все остальные, но с печатью амбиций на лице. Показана неудачная любовная сцена...

А время вновь над нами смеется —
Шаги и дни сочтены
На золотом циферблате Солнца,
Над маятником Луны

Бридж песни совпадает с духовным рождением главного героя: сначала он показан в толпе ему подобных, на собрании партии (на стенах висит пестрый флаг, видимо партийный, играет «У свободы недетское злое лицо»), освищенный, потом рядом с девушкой (сцена завершается конфликтом, она уходит к другому), затем в библиотеке, находящий ошибку в толстенном томе Дональда Трампа.

Но дни кораблями уйдут от причала
вовеки, но знаю я —
Как всё, что было, начать сначала,
Вернув на круги своя...

Далее персонаж показан в мастерской: он наматывает проволоку на катушку, делает химические опыты...

Я стрелу любви вынимаю
и поднимаю лук...
И прямизну тетивы ломаю,
и лук сгибается в круг...

Герой показан снова на заседании партии, его обвиняют. Хотят его арестовать, его любимая кидается им на помощь, её бойфренд уво-

дит её, и только стараниями председателя главный герой остаётся на свободе... Исполняется «Ветер всё сильнее».

Вот ближе и ближе, было и будет
И вроде моя взяла...
Но пальцы сорвались, как в пропасть люди,
И в небо ушла стрела...

Герой показан в момент, когда он производит взрыв: в этот момент его голос прерывается, вместо него поёт другой голос, на октаву ниже:

Но пальцы сорвались, как в пропасть люди,
И в вечность ушла стрела...

Рок-опера не имеет хэппи-энда: главного героя и ещё нескольких персонажей, оказавшихся поблизости, в том числе его соперника, уносят со сцены.

Анонсы релизов: Любимые песни Сергея Мавроди, Виктор Черномырдин и Casta, Сергей Шойгу и Оркестр МЧС «Cantata Profana», Судебный архив «Ambient», Эдисон «Нановоск», Песни венгерских гондольеров «Мой маленький плот», Эйфийтлайёкудль «А мне летать охота...», Шарм-Эль-Шейхский молот «Тонкий шрам на любимой попе».

Сергей САВОСЬКИН

Agony of Nature — The best of

Финский этно-фолковый коллектив «Агония природы» (Agony of Nature) распался, не протянув и трёх с половиной часов после создания. Однако единственная работа коллектива «Полная тишина» несомненно придётся по вкусу поклонникам направления нью-эйндж и прочей медитативной нудятины. Ибо по времени длится бесконечно и расслабляет неимоверно.

Александр ВИШНЁВ

Алексей Андреев — Песни за свободу (1990-2010)

Алексей Андреев — музыкант, родившийся и проживший всю жизнь в городе Александров Владимирской области, никогда не играл в составе рок-групп, выступая под одну гитару. Наибольшее влияние на него оказали три блатных аккорда, служба в стройбате, а также радио и телевидение. Аудиторией Алексея были местные алкоголики, для которых он и писал свои смелые, бескомпромиссные произведения — «Два по полста», «Вобла», «С утра нажрусь я», «Пустые бутылки», «В жопу ментов и долой КГБ» и др. При жизни Андреев пользовался огромной популярностью как среди своих слушателей, так и среди александровской милиции, частенько заводившей на него уголовные дела по таким статьям, как хулиганство, дебош, мелкие кражи. Впрочем, это не могло сломить истинного творца. Первый альбом — «Жизнь без похмелья» — был записан на мобильный телефон заезжим владимирским гастролёром Сергеем Зарубиным, перед третьей судимостью завещавшим запись родственникам Алексея Андреева, к тому времени уже умершего от алкоголизма. Те, присовокупив к этой записи материалы нескольких уголовных дел, переиздали альбом под новым, более коммерческим названием. Единственный экземпляр релиза доступен на мобильном телефоне Владимира Андреева, племянника александровского барда, обретающегося в тех же культовых пивных, где ещё недавно бухал и сам автор.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

НИНА И АЛЕКСАНДР

«Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?» Эти пронзительные слова на памятнике трагически погибшему мужу начертала скорбная вдова, которой не исполнилось и семнадцати лет...

Нина Александровна Грибоедова, урожденная княжна Чавчавадзе, одиноко умерла потом в сорок пять, отвергнув за 28 лет вдовства немало заманчивых предложений о повторном замужестве — ее руки добивались и губернатор Тифлиса Петр Завелейский, и другие не менее завидные холостяки... Но она до конца дней своих носила траур и осталась верна тому, которого при жизни самоотверженно любила и с кем совсем недолгое время была беспредельно счастлива.

«Счастливые часов не наблюдают»

«...После тревожного дня, вечером уединяюсь в свой гарем; там у меня и сестра, и жена, и дочь — все в одном милом личике... Полюбите мою Ниночку! — обращался осенью 1828 года счастливый новобрачный к писательнице Варваре Миклашевич, жене своего близкого друга драматурга Андрея Жандра. — Хотите ее знать? В *Malmaison*, в Эрмитаже, тотчас при входе, направо, есть богородица в виде пастишки Murillo. Это она».

С семьей князя Александра Чавчавадзе Грибоедов познакомился 6 лет назад, вернувшись на Кавказ из первой своей поездки в Персию. Нина выросла на его глазах. Он нередко беседовал с княжной, занимался музыкой, и в его душе зарождалось глубокое чувство; смущала лишь большая разница в возрасте. И вдруг во время обеда в доме генерал-майора артиллерии Федора Ахвердова Грибоедов со словами «Пойдемте, мне нужно вам что-то сказать» увлек девушку в комнату, где стояло фортепиано. И там, по собственному признанию, «...повис у нее на губах». А потом повел суженую к ее матери и бабушке просить благословения.

Нина открылась, что давно питала душевную склонность к Грибоедову. Потому-то несколько месяцев назад отказала сватавшемуся к ней атаману Донских казачьих полков генерал-лейтенанту Василию Иловайскому. И не подала никаких надежд полковнику Муравьеву-Карскому, будущему наместнику на Кавказе...

Во время венчания в Сионском соборе Тифлиса Грибоедов, едва оправившийся от жестокой лихорадки, потерял обручальное кольцо. Несмотря на плохую примету, уже через две недели он с женой и ее матерью выехал к месту своей службы в Персию.

«Жена Грибоедова, — вспоминал те дни Карл Аделунг, секретарь российской миссии, погибший в Тегеране вместе с «вазир-мухтаром» (так персы называли русского посланника при дворе шаха), — была необычайно хороша. Красота ее грузинская, но одета она по-европейски, очень хорошо воспитана, чисто говорит по-русски и по-французски, занимается музыкой...»

По пути в Персию миссия посетила Армению, где наместником был грузинский поэт и российский генерал-майор Александр Чавчавадзе, не сумевший прибыть в Тифлис на свадьбу дочери. Рядом с ней и новоиспеченным зятем, давним своим товарищем и почти ровесником, князь постоял под сводами древней обители в Святом Эчмиадзине.

Словно предчувствуя трагическую кончину, Грибоедов оставил жену в Тавризе и в Тегеран выехал один... Из Казбина, что в четырех днях конной езды до персидской столицы, он отправил Нине ока-

завшееся последним письмом: «Бесценный друг мой, жаль мне тебя, грустно без тебя как нельзя больше. Теперь я истинно чувствую, что значит любить. Прежде расставался со многими, и крепко был связан, но день, два, неделя — и тоска исчезала, теперь чем дальше от тебя, тем хуже. Потерпим еще несколько, ангел мой, и будем молиться Богу, чтобы нам после того никогда больше не разлучаться». 15 января 1829 года из Тегерана он послал жене, с нетерпением ожидавшей в Тавризе завершения дипломатической миссии мужа, свой последний подарок — чернильницу с гравировкой на французском языке: «Пиши мне чаще, мой ангел Нина. Весь твой А. Г.», которая хранится в Литературном музее Грузии.

Весть о разгроме российской миссии в Тегеране 30 января быстро пришла в Тавриз. Тамошний правитель Наиб-султан, наследник шахского трона, поручил французженке де ла Мариньер, жившей при его дворе, препроводить юную вдову, бывшую на последнем месяце беременности, в Тифлис. Подчеркнутое внимание окружающих казалось Нине странным и таинственным. Смутные догадки терзали ее, и она со слезами на глазах умоляла сказать ей правду — как бы та ни была ужасна. Но о тегеранской трагедии несчастная узнала только дома, когда проговорилась жена кавказского наместника Елизавета Паскевич — двоюродная сестра Грибоедова. Нина рухнула в обморок, билась в истерике, и у нее на другой день родился недоношенный мальчик, который прожил всего час... Ребенка все-таки успели окрестить, и новорожденный Александр Грибоедов в раю соединился с отцом.

... Как раз в те дни на пути в Тифлис у низвергающегося со скал водопада Пушкин встретил запряженную волами арбу. «Откуда вы? — спросил поэт сопровождающих повозку казаков. «Из Тегерана». «Что везете?» «Грибоеда», — ответили ему.

Останки, прибывшие в Тифлис, были преданы земле у монастыря Святого Давида на горе Мтацминда 18 июля 1829 года. Редкую неделю не поднималась потом статская советница Грибоедова по крутой дороге к собственной эмблеме — памятнику, изображающему плачущую перед распятием женщину...

Она до конца дней приязненно относилась к друзьям покойного мужа. И взяла на воспитание осиротевшую дочь издателя газеты «Тифлисские ведомости» Павла Санковского.

За год до своей кончины Нина Александровна побывала в Москве и смотрела в Малом театре спектакль «Горе от ума».

Страсти и обстоятельства

О своем друге и полном тезке Пушкин оставил в дневнике такую запись: «Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств... Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна. Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...»

Мы ленивы настолько, что до сих пор не знаем точной даты рождения национального гения. Многие из биографов утверждают, что автор «Горе от ума» родился в 1795 году. Но в паспорте, выданном Грибоедову при оставлении военной службы, годом рождения на-

● ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

зван 1794 год, а в послужных списках (подобии теперешней трудовой книжки) — даже 1790-й.

Есть нелогичности и в записях о его учебе в университете. В одной говорится о выдаче Грибоедову диплома кандидата словесности, в другой — что он занимался на этико-политическом отделении как «сторонний посетитель» и экзамена на кандидатское звание не сдавал. . .

Главное же противоречие заключено в оценке причин тегеранской трагедии. Советские историки видели их исключительно в интригах англичан, советовавших шахиншаху Фетх-Али ликвидировать Туркманчайский договор между Персией и Россией. А официальной точкой зрения царского правительства была «... уверенность, что и шахиншах, и наследник престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу, и что сие происшествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, не соображавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской. . .»

Конечно, та и другая точки зрения крайне политизированы и не отражают всех реалий. И было бы несправедливым не отметить анти-российскую позицию Персии, которая, например, оказывала покровительство беглым ханам Дагестана и Закавказья. Но все-таки вторая точка зрения ближе к истине, чем первая.

Упомянутый выше полковник Николай Муравьев-Карский, службист и педант, уверяя, «... что Грибоедов в Персии был совершенно на своем месте и заменял нам там единым своим лицом двадцатитысячную армию», не может скрыть и неприятных обстоятельств. Низшее звено российского посольства по пути в Тегеран словно бы специально навлекало на себя недовольство подданных шаха. Слуга Грибоедова Александр Грибов (барин звал его «однофамильцем») пристал к армянкам, которых русская миссия против воли первого министра Персии Аллаяр-хана (и возможно даже — их собственной!) извлекла из гарема этой важной особы. Женщины выскочили на улицу, стали кричать и звать на помощь. . . Начальник охраны посольства Рустам, человек великанского роста, расхаживая по базарам, грубо расталкивал толпившихся там. . . Есть сообщения и о вымогательстве российских чиновников, о рассыпаемых ими угрозах, об оскорблениях религиозных чувств мусульман. . . История русской миссии в Тегеран в 1829 году, возможно, еще один пример того, как доброе дело, начатое сверху, вдрызг погублено исполнителями низшего звена. Их вина в случившейся трагедии несомненна.

...Истерзанное тело российского посланника три дня подвергалось надругательствам бушевавшей тегеранской черни. Оно было опознано по скрюченному мизинцу левой руки, за 11 лет до этого простреленной на дуэли пульей из пистолета.

Говоря об облаках, затемнявших жизнь Грибоедова, Пушкин как раз и имел в виду историю этой дуэли. Которая связана с именем балерины Авдотьи Истоминой — той самой, чьи «блистательность, полувоздушность и послушность волшебному смычку» воспеты им в «Евгении Онегине».

По свидетельству современников, ведущая танцовщица петербургской балетной труппы была грациозной брюнеткой с огненными черными глазами под невероятно длинными ресницами. Естественно, что обожателями или просто поклонниками 19-летней красавицы были все светские львы Санкт-Петербурга.

А она, как казалось многим — в том числе и самому счастливцу — была склонна ответить взаимностью только блестящему кавалергарду Василию Шереметеву. . . Так, возможно, и сложилось бы, не

будь молодой князь бесконечно ревнив и подозрителен. . . Трагическую роль в его судьбе — вероятнее всего, неожиданно для самого себя — сыграл Грибоедов.

Поэт и дипломат снимал квартиру вместе со своим приятелем графом Александром Завадовским, тоже оказывавшим всяческие знаки внимания красавице-балерине. В один из осенних вечеров 1817 года Грибоедов после спектакля пригласил Авдотью Истомину к себе попить чайку. Опасаясь возбудить подозрение в ревнивом Шереметеве, балерина предложила Грибоедову подождать ее возле Гостиного двора, пообещав подъехать туда в казенной театральной карете. В условленном месте она пересела в сани Грибоедова и поехала к нему.

Ревнивец, однако, пристально следил за ней и решил, что Грибоедов увез балерину на квартиру Завадовского. . . Кавалергард в сопровождении своего приятеля уланского штаб-ротмистра Александра Якубовича, записного театрала и повесы, немедленно примчался туда. Истомина вся в слезах тут же уехала домой, Шереметев вызвал на дуэль Грибоедова, а Якубович пожелал стреляться с Завадовским. Грибоедов в ответ на вызов расхохотался: «Нет, братец, я с тобой стреляться не буду — не за что. А вот если угодно драться со мной господину Якубовичу, то я к его услугам». Тогда Шереметев вызвал Завадовского, и обе дуэли должны были состояться одна за другой.

Первыми по жребии стрелялись Шереметев и Завадовский — на самых жестких условиях: с шести шагов. И Шереметев, не дав противнику дойти до барьера, выстрелил первым. Пуля оторвала край воротника на сюртуке графа. Тот был взбешен, но секунданты, стремясь избежать кровавой развязки, стали уговаривать Завадовского пощадить жизнь князя. Шереметев воспринял это как оскорбление и стал кричать Завадовскому, чтобы тот целился вернее. Граф выстрелил, и Шереметев рухнул, обливаясь кровью. . .

Дуэль между Грибоедовым и Якубовичем была отложена, так как им пришлось отвезти раненого домой. После трехдневных страданий молодой князь скончался.

Авдотья Истомина тяжело переживала нелепую смерть поклонника. Его отец просил императора Александра I простить участников дуэли. Завадовский был выслан за границу, Якубович — на Кавказ. Грибоедов отделался легче всех, но его мучили угрызения совести (непрестанно виделся умирающий Шереметев). А дуэль с Якубовичем все-таки состоялась — в октябре следующего 1818 года в Тифлисе. Грибоедов, стрелявший первым, промахнулся, а Якубович прострелил ему ладонь левой руки. В итоге у Грибоедова свело мизинец, и это через 11 лет помогло распознать его труп в груди изрубленных тегеранской чернью тел.

Окажись иначе, в окрестностях Тбилиси знаменитой могилы с щемящей сердце надписью на памятнике могло бы и не существовать. . .

Виктор КУЗНЕЦОВ

КУЛЬТУРА ЧТЕНИЯ

Влияние Г. В. Ф. Гегеля на отдельно взятую душу

Публичные массовые искусства всегда вызывали у меня страх, тоску и недоумение. Они требовали от моего разума снисхождения в смысле логики поступков. Конечно, если часто водить меня в поющие и танцующие заведения, наряжать и баловать пирожными, можно разжалобить меня на приличное поведение и даже некоторое участие в аплодисментах. Но все равно ум и сердце занимали тихие, камерные, как принято говорить, искусства, если не поэзии, то размышлений.

Чтение художественной литературы огорчало меня до слез. Вот такие же как я, дураки, простодушные зайцы и мишки. Буратина-неуч. Витязь в тигровой шкуре — обоих жалко. Калевала, от которой страшно так, что лучше не закрывать глаза даже в темноте. Крысолов. Танцы сиротки в чужих туфлях с часами в руках, а то всё отнимут. Шайтан на ишаке. Талер слезами отмывать! Ведь столько страшного надо претерпеть, что можно не дожить до счастья. Или настроение будет так отравлено, что никакого принца уже не нужно.

Куда лучше читать сложенную по правилам игру, отдельную от жизни, написанную уродским зломордным дядечкой с чудесным неторопливым именем: Георг Вильгельм Фридрих Гегель, которого унесла холера, и даже без холеры он, видимо, жил как я. У меня появилась уверенность, что все уже написано этим одинокого сердца человеком, на любой вопрос есть ответ, надо только его вовремя найти.

Он подчеркивал необходимость обеспечения всякой новой жизни старыми правилами. Как я у Гегеля прочла тогда: «Любому человеку, чтобы не погибнуть, нужно понять, что мир существует самостоятельно и в основном закончен». Если слово «закончен» понимать как кислый кефир на ночь, баня, поход к зубному — то, может проказы злых волшебников по ночам действительно не существуют. Но слово «в основном» настораживает необходимостью участия, пока не умер от ужаса. А насчет «самостоятельно» это каждому ребенку понятно и почти каждому взрослому, если не считать революционеров.

Бабушке мои увлечения леденили душу. Дедушка считал, что стоит вдохновляться примером его старшего брата Султана, который тоже увлекался книжной мудростью с самого детства, а потом закончил Харьковский университет, будучи татаринном еще до революции, знал много языков и пользовался уважением в ученых кругах. Но бабушка кричала, что меня, бедную сиротку, надо замуж выдать, а брат Султан — не пример для подражания, особенно, конец его жизни в Соловецком лагере.

Для утешения у бабушки был детский психиатр Вазген Арутюнович — толстенький дяденька.

— Ну, как дела, младогегельянка? — спрашивал он весело, выпроваживая бабушку решительным жестом.

Не то чтобы он всегда со мной соглашался, но и не сердился, он поглаживал потрепанного Гегеля по обложке и пытался всучить Буратину, от имени которого сейчас ответ и должен придти. От Буратины? Деревянного дурака? Он считал необходимым населить Гегеля привычными Емелями на печи и шайтанами на арбах...и постепенно эти чудовища обретут нестрашность через логику, а без них в детстве ну никак нельзя, это они закаляют к свершениям, самосоплеутарианию, сухим глазам и ярости праведной смерти во имя человечества.

Но Вазгена Арутюновича не хотелось огорчать, он не был сторонником, как сейчас говорят, карательной психиатрии. Он не разрешал

бабушке отнять у меня Гегеля насовсем, чтобы меня не травмировать, поэтому приходилось терпеть гегельянство Буратины.

И бабушка, и Вазген Арутюнович провидчески надеялись на школу (но в армию меня отдать после школы никто не предлагал). Сам Гегель был в этом подмогой. Вы послушайте, что он написал, предатель: «Скорее следует считать пустой, бессодержательной болтовней то утверждение, что учитель должен заботливо сообразовываться с индивидуальностью каждого из своих учеников... На это у него нет времени. Свообразие детей терпимо в кругу семьи; но с момента вступления в школу начинается жизнь согласного общему порядку, по одному, для всех одинаковому правилу».

Ну, это, конечно, запальчиво сказано, но доля правды в этом есть. Его, Гегеля, портрет должен висеть в каждой школе. Очень дисциплинировало бы, почище лысого Ленина, к которому уже все привыкли везде, и никто его не боялся... Недавно я прочла у Гегеля: «Чтобы стать свободными... народы должны пройти через страшную дисциплину и подчинение воли господина». А прав был, противный злыдень...

Лариса БАУ

Излечение от алкоголизма по методу доктора Атоса

С годами начинаешь по-другому смотреть на героев книг, прочитанных в детстве. Я это особенно остро ощутил на примере Атоса. В детстве и юности он казался таким романтическим героем — благородным, печальным, с загадочным прошлым, все как положено. А вот потом, когда я начал лучше понимать смысл финала романа с казнью миледи, тут-то я и начал Атоса понимать гораздо лучше. Ведь по сути эпизод с судом и казнью миледи — это самая настоящая психодрама, задуманная и поставленная Атосом для самоизлечения от депрессии и алкоголизма. То, что для такого излечения потребовалось не символически, а реально убить человека, Атоса не остановило. Впрочем, у него в данной ситуации было оправдание — миледи все равно рано или поздно достала бы д'Артаньяна, так что получается — Атос спасал не только себя, но и своего друга.

К сожалению, Дюма не стал подробно расписывать, что произошло между Атосом и его женой на той злосчастной охоте и как будущей миледи Винтер удалось ускользнуть из веревочной петли. Мы знаем, что для Атоса эти воспоминания мучительны и непереносимы. Еще мы знаем, благодаря сцене в трактире, что безжалостная и коварная миледи боится Атоса так, как не боится даже кардинала Ришелье, боится до дрожи, до паралича. Похоже, тогда она увидела в Атосе что-то такое, что он старается никому и никогда не показывать. Романтический, наивный влюбленный юноша у нее на глазах превратился в жестокого зверя, отдавшего приказ повесить ту, которую он обещал любить вечно.

А сам Атос — понятно, что его как человека умного, самолюбивого и сдержанного правда о жене страшно потрясла. Его не просто обманули, его обманули перед лицом слуг, друзей, соседей; его красивый, благородный поступок — женитьба на девушке из «простых» — обернулся гнусным, издевательским фарсом. Но думается мне, не только это терзало душу графа-мушкетера, не меньший стыд он испытывал при мысли о том, что в той ситуации он потерял контроль над собой и поступил худшим из возможных способов и тем самым дважды «потерял лицо».

Как должен был поступить Атос, обнаружив клеймо на плече своей жены? Он должен был провести расследование, узнать ее историю, собрать свидетелей обвинения против нее. Затем организовать неофициальное судебное заседание, на котором четко и ясно доказать, что обвиняемая есть воплощение коварства, лжи и подлости, что она вос-

● ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

пользовалась благородством и влюбленностью графа, обманула его и за свои прегрешения несомненно заслуживает смертной казни. Желательно при этом добиться раскаяния подсудимой «в прахе и пепле», но в любом случае, раскается она или нет, перед эшафотом обязательно надо громко, перед всей аудиторией сказать ей грустным, благородным голосом «прощая зло, которое вы мне причинили», и только после этого — повесить!

Но юный граф де Ла Фер ничего этого не сделал, он настолько разозлился, что приказал вздернуть ее на дереве тут же, и тем самым упустил единственный возможный шанс восстановить свое доброе имя перед лицом света и, что гораздо важнее, перед самим собой. Надломленный этим двойным ударом, он поступает в полк мушкетеров, где ищет смерти на дуэли, в бою или от перепоя.

Неожиданно провидение дает ему еще один шанс, который Атос упустить не намерен. Он мог бы заколоть миледи еще в трактире. Но вот так — тихо, быстро и без свидетелей, он ее уже один раз убивал — не помогло. Нет, теперь ему нужна торжественная церемония — суд, приговор, казнь; нужны свидетели, нужен палач. Все должно быть как можно больше похоже на королевский суд, который, как известно, есть образ суда небесного.

Атос тщательно готовит сцену. Сыграть трагедию можно будет только один раз. Никаких репетиций, никаких заранее расписанных ролей, все держится только на воле режиссера и его уверенности в том, что его друзья поддержат его замысел и сыграют то, что он хочет. Но Атос в этой трагедии не только режиссер и актер — он одновременно еще и психотерапевт, и пациент; цель этой психодрамы — вернуть ему душевное равновесие, избавиться от стыда за совершенную некогда двойную ошибку, вернуть самоуважение, дать пережить катарсис, который вернет его к жизни, зачеркнет прошлое и даст будущее.

Замысел смелый, что и говорить. Смелый и очень рискованный. Но решительность и хладнокровная расчетливость Атоса не подводят его, и, как это порой бывает, провидение приходит ему на помощь, помогая ему найти миледи и дополнив его спектакль еще двумя персонажами — лордом Винтером и лильским палачом. Их обвинения окончательно формируют образ миледи как чудовища, исчадия ада, так что Атос и его друзья выступают против нее как инквизиторы, как вершители божественного правосудия, избавляющие людей от беса в человеческом облике.

И вот финальный акт: Атос, д'Артаньян и лорд Винтер благородно прощают миледи ее прегрешения (лильский палач, конечно, не прощает — простолыдину такие жесты не положены по статусу) и отдают на казнь. Психодрама завершилась катарсисом. Атос восстановил «лицо» и перед своими друзьями и перед самим собой, избавился от терзающего его душу стыда. Теперь он может покинуть ряды мушкетеров... и бросить пить.

Такие вот дела. Должен сказать, чем дольше я над всем этим думал, тем меньше мне нравилось благородство Атоса. Инквизиторское оно какое-то. Доказать виновнику, что он кругом виноват и вообще исчадие ада, затем его простить... и казнить. Как бы говоря «ну ты же понимаешь, простить мы тебя простили, но правосудие должно быть совершенным». Какое-то это «прощение» странное, не христианское. Очень уж напоминает «1984» Оруэлла — сначала заставить человека раскаяться и признать правоту Партии, отпустить, а затем уже окончательно забрать.

Кстати, мне кажется очень симптоматичным увлечение Стругацких «Тремя мушкетерами» и персонально Атосом. Понятно, что они восхищались смелостью, хладнокровием и умом Атоса, но что-то и от вот этого «благородства» перешло на героев Стругацких. Есть в некоторых из них жесткая решимость, готовность пожертвовать отдельным человеком или людьми для торжества «благородства», и склонность видеть себя чистыми и заме-

чательными на фоне окружающих кровопийцев и бездарностей. Собственно и Румата в «Трудно быть богом» — во многом Атос, только Атос, вынужденный вести себя как д'Артаньян и очень от этого страдающий.

Олег КОМРАКОВ

Всё лучшее — детям?

Всю зиму болеет старший ребенок, с наслаждением читая «Гарри Поттера». На середине седьмого тома, выпихивая ее в школу, понимаю, что через два дня максимум ляжет обратно: дочитать. Но не выпихивать как-то не педагогично. Тем более в промежутках она рвется на всяческие репетиции. Даже насморк ненадолго проходит. Идет в школу, наслаждается восторгами соскучившихся одноклассников (70% в классе — мальчики). Я в это время судорожно наслаждаюсь «одиночеством». Строю планы о свободной жизни... Приходит. С температурой. Протягиваю книжку, чай и гоно в детскую — болеть. Завидую.

Меня приучали читать долго и мучительно — я не желала и норовила пошляться где-нибудь «под заборами», как говорила моя мама. Ну, по деревьям ползать, с гаражей попрыгать, и все такое... Мама применила гениальный педагогический прием: однажды, таки поймав меня за мучительным (программным) чтением, сказала как бы про себя: «Ребенок читает» и папе (многозначительным шепотом): «Не трогай ее, она ЧИТАЕТ!» Я сразу поняла, что мне все можно. Ну, то есть, можно много чего не делать, и даже спать ложиться попозже, если я ЧИТАЮ... Понравилось ;) Выросла, безусловно, тем еще убоищем: что бы ни происходило в жизни, если у меня начинается «читательский запой», то никакими ответственными мероприятиями сдвинуть меня с места невозможно. Могу читать с грудным младенцем под мышкой, на ходу, в процессе приготовления блинчиков и салатов, если нет возможности избежать моего участия... короче, понятно, у многих бывает.

Есть такой умилительно-слезный советский мультяш «Варежка». Там про девочку, которая хотела собаку. По степени слезности сравним разве что с воплем из «Карлсона»: «Папа, а собаки не будет?!» Рыдаем всегда, даже когда у нас есть собака... Так вот. В этом поучительном мультяшке имеется мама девочки, которая, приходя с работы, рассеянно берет книжку... и дальше все как в «см. предыдущий абзац». И как-то даже становится стыдно. Мне, по крайней мере. Вот ведь, думаю, пришла, понимаешь, и сразу морду в книжку прячет. Интеллигенция!.. А ребенок, понимаешь, страдает!.. И все такое.

А у меня трое детей. И я все время прячу морду, если не всегда в книжку, то в очередной безумный проект, или дизайн-ремонт, или даже в ребенка, но только в одного — одновременно во всех я не умею. Но книжки — если уж я себе разрешу — это самое стыдное. Я читаю их ночами, чтобы дочитать до утра и заняться... ну, «семьей», например. Просыпаюсь, с не открывающимися глазами, как наркоман, нашариваю себе следующую дозу, долго с собой торгуюсь, что отложу счастье до вечера, но уже не могу остановиться. Одним словом, запой. И все вспоминаю эту мамашу из мультяшки. Да. Это ужасно.

Но как жить? Ведь читать — это важно. И с этой параллельной мыслью я не замечаю, как абсолютно маминим приемом подсаживаю своих детей на чтение. Правда, второго ребенка даже уговаривать не пришлось — она сразу сообразила, что это очень круто, раз маме можно вопреки всему. Такой вот вундеркинд.

И вот я думаю: а нафига? То есть, я заведомо программирую таких же несчастных, задерганных людей, как я сама. И они будут жить в мире, где это еще гораздо менее принято (оправданно?), чем в мире моей юности. То есть, уже. Поздно. Но, может, можно что-то поправить?

Лина ГИМПЕЛЬСОН

РАДУГА ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ, ИЛИ ЕРЕСЬ ТОЛПЫ

... Они сбрасывают паутину предрассудков, чтобы превратиться в ядро кометы, шлейф которой — сонм почитателей.

Звезда. Структура лучей

Нет ничего более постоянного, чем толпа, в ее пристрастиях и предрассудках. Взгляните на взбалмошенную непогодой поверхность океана. Ревущие волны в клочьях уносимой ветром пены калечат его лик. Однако на глубине всего лишь нескольких метров царит полнейший штиль. Толща воды, кажется, неподвластна сумятице стихии, и живет своей невозмутимой жизнью.

Так и людская масса, если разобраться, статична и однообразна в главном — она увлекаема лишь идеями, почитает воплощающих их гениев, пастырей и вождей. Вернее, их образы, сложившиеся в ее представлении. Именно представления, символика легенды, слагаясь в формулу успеха, овладевают косными умами. Сияющие образы, подобно глюкозе, легко усваиваются инфантильным сознанием обывателя.

Средневековый простолюдин, европейский бюргер, горьковский мещанин, незабвенный простой «винтик» — homo soveticus, вплоть до сегодняшнего потребителя телевизионного сериального «мыла» и всяческих социальных пиаров — все они обольщались и обольщаются, в сущности, единими доходчивыми стереотипами. Сильные личности, равно как и истории о масштабных антигероях-злодеях, устойчиво востребуются толпой. Они извечно внушают благоговение на фоне заурядной повседневности жизни маленького человека. Не на этом ли выстроен успех верно схваченного рецепта голливудского культа звезд?

Во все времена кумир, фетиш, если он претендовал на магнетизм, непрекаемый жреческий статус, должен был дистанцироваться от исповедующих его поклонников на расстояние символа, полубогства, а то и культа. Никому нет дела до подлинных качеств лидера или слов учения. Герои обречены на успех лишь в случае совпадения с тем, что готовы воспринять миллионы почитателей. При этом толпа устремляет жадные взоры не к людям или явлениям в их реальной ипостаси. Она благоговеет перед химерой, харизмой, видимостью, скроенными раз и навсегда заведенным способом. А способ этот — есть чуткий резонанс к инстинктам восприятия или отторжения требующей жертвоприношений своим вкусам алчной публики.

Еще древние правители принимали правила этой игры. Они прекрасно видели залог спокойствия и гармонии государства — никогда не отказывая в «хлебе и зрелищах». Порой тираны опускались до лицедейских ужимок фиглярствующего перед плеском Нерона. Быть любимым и ложами, и галеркой — не этим ли бредили властители? Нет, не дум, а, прихотей и пристрастий жадно внемлющей аудитории. Обернемся — во все времена массы пылко и бездумно поклоняются, по сути, одному и тому же — лишь видимости. Только она через молву и толки тешит воображение толпы.

Как правило, в слухах отсутствует достоверность, а значит, они работают на иллюзию, для которой только и открыты легковерные сердца. Тем самым люди реализуют сокровенную жажду лицезреть на пьедестале в снопах лучезарного света доходчивый образ, слышать утешающие и одновременно возвеличивающие слова для человека толпы.

Толпы, именуемой «народ», который немедля воздает за это от полноты сердца народной же любовью. А она, добавим, порой так же безотчетна и противоречива, как страсть между мужчиной и женщиной.

Итак, природа вещей, сообразно своим законам, наделяет всеобщих любимцев видимыми атрибутами порождающей известность полубогства. Она-то и трогает душу отзывчивой публики. Будь то власть, доблесть или литературная репутация, хотя бы они того или нет, в своих притязаниях на популярность, им надлежит быть сообразными закону Великой Иллюзии. Люди увидят и воспримут в облике кумиров лишь то, что заранее способны, загодя желают разглядеть и, возможно, запечатлеть в памяти эпоса, мифа, в который эпоха облакает своих героев.

Очертания скипетра

Новоявленная жреческая каста — средства масс-медиа, торовато освоив ремесло крысолова из Гаммельна, дрессирует паству на распознавание лишь одной мелодии — гимна потребления видимостей. Медиа виртуозно манипулирует полированным гламуром общественным сознанием, вбивает свои имиджи: от банального суррогата ширпотреба до стиля жизненных воззрений. СМИ способны в мгновение ока натравить общество на нечитанных Сахарова или Солженицына, либо, напротив, возвести на подиум славы никчемного исполнителя, покрытого чешуей имплантантов с транзисторами вместо голосовых связок.

Пребывая в агрессивной среде идейно-духовного маскарада, парада виртуальных муляжей, рефлексующее сознание мыслящего индивидуума в изнеможении обращает свой взор в прошлое. Именно там оно надеется обрести забвение в идеализируемой эпохе неведения, лишенной привычного нашему взору серпантина гламурных блесков. В этом смысле предшественники, возможно, вели более здоровую, уравновешенную жизнь. Скажем так, они, казалось, могли обходиться в своем духовном рационе без привычных ныне доз технологий тотального медиазомбирования.

И что же — уже в русском обществе 19 века мы обнаруживаем внушительную фигуру гениального «безумца» Чаадаева, с его полуэпической «историей». О, Боже, неужто все неизменно в подлунном мире?!

В эпоху эмбрионального — в сравнении с современной электронной всеохватностью — уровня прессы роль вестника сыграли, увы, все те же пресловутые людские толки. Из автора передовиц изустного листа московских салонов Петр Яковлевич в одночасье стал всеимперской притчей во языцех, предав гласности всего одно (!) свое философское письмо. Кстати, оно служило лишь введением к так и не получившим печатного воплощения главным положениям автора.

В итоге — ошарашивающий эффект, нечто вроде всероссийской истории! Рукопись, написанная в оригинале на французском языке, до того ходила по рукам, вполголоса, глухо обсуждалась избранным кругом чаадаевского общения. Но лишь факт обнаружения неудачного русского перевода в «Телескопе» — тотчас запрещенном, уничтоженном и уже раритетном издании: каралось даже упоминание крамольной публикации — повсеместно вызвал форменное светопреступление.

Не снисходя до вникания в заумь первого диссидента монархии, стяжавшего вселенскую славу антигероя (и кто там его читывал?), верноподданные массы, особенно обойденные просвещением слою населения, пригвоздили окаянному супостату — творца «идеи высшего синтеза» — вопиющей репутацией «католика и русофоба».

Современники отмечают: «Статья, вследствие которой запрещался журнал, приобрела несусветную популярность не только между

читающим меньшинством, но даже и среди легиона полуграмотных, которые придавали ей бог знает какие невежественные толкования».

«Ему стали приписывать то, чего он никогда не говорил... Всякий знает, что такая известность, вследствие... непроницаемости, всегда и везде, а в России особенно, сопровождается догадками и предположениями, их очень увеличивающими и видоизменяющими».

«Здесь остервенение продолжается, а паче молва бывает...» «Никогда ни одно событие, наверное, со времени появления письменности на Руси, не вызывало такого шума... не разносилось с такой скоростью. Не было места в Москве, где не обсуждали чаадаевского письма».

Обратим внимание — парадокс ситуации заключается в убийственной оперативности оповещения почти поголовно безграмотной страны о заметках, порожденных сублимацией последних достижений европейской духовности. От обеих столиц до захолустных уездных городишек и имений, от сиятельных аристократов до последних горемык смердов — все, заходясь в пароксизмах праведного гнева, в один голос кляли отпетого вольнодумца и его мерзкую эпистолу!!!

И важно ли, что ничтожный по нынешним временам тираж «Телескопа» было не сыскать, а рукописный «самиздат» грешил чудовищными ошибками — сущая безделица для тех, кто так и не сподобился одолеть теперь уже подметную писанину выжившего из ума московского баламута.

Так или иначе, эпоха получила феномен знаменитого сочинителя без книг — литературную репутацию, подобную былинам о легендарных сказителях. Оглушающая и всеохватная для рядового современника она была, вместе с тем, призрачной и эфемерной, словно ускользающий от пристального взгляда узор предания.

Рамки и портреты. *Exegi monumentum*

Пушкинское речение о народной восприимчивости к «любезному» автору, видимо, в первую очередь, отдавало дань литературной традиции, идущей от времен Горация. Оно было высказано на Руси, бескрайние пространства которой в своих культурных запросах довольствовались, увы, лишь доходчивым лубком, сказанием или прибаутками на сельской околице. («Две нации — две культуры» — В.И.Ленин).

Да, были усвоенные с детства сказки Арины Родионовны. Но человек света, каковым, несмотря ни на что и в первую очередь, ощущал себя Александр Сергеевич, жил все-таки по другим правилам, исповедовал иной канон.

Европейская утонченная образность и рафинированность выношенного Пушкиным нового литературного языка для легиона сограждан-рабов, доведись им каким-то чудом приобщиться к нему, была бы воспринята как «заграманичное» экзотическое диво. Да... увы лишь как чудачество и птичий говорок, бесконечно далекие от живущих в другой системе уклада и эмоциональных координат «Иванов да Марий».

Противоречивый, но бесконечно плодотворный симбиоз — поэт и непосредственная среда обитания его творческого и brutального «я» — дворянское общество, магнетизируя друг друга, все же оставалось отдельным полисом среди бескрайней пестроты имперского люда.

Конечно, можно было смириться с беспросветной реальностью: с одной стороны, могильная плита зловещего ведомства державника-Бенкендорфа, согласно Высочайшей воле методично давившая ростки привнесенного заразного вольнодумия. С другой — «безмолвие» вечной мерзлоты простолудин, с праздным любопытством лузгая семечки, наблюдавших за избием декабристов на Сенатской пло-

щади. И все это подпирается безмолвным колоссом мира крепостных рабов. А меж этих глыб лишь призрачная пленка, вымываемый репрессиями круг единомышленников поэта, самоотверженных чудных аристократов, идущих под картечь за свое право добровольно пожертвовать привилегиями правящего класса.

Во же время честолюбие в хорошем смысле, пылкое воображение искушают поэта. Они неустанно влекут его отдаться мечте, возвышенным канонам, навсегда усвоенного с лицейской поры гражданского романтизма. Не разделяя утопизма и прожектерства декабристов, Пушкин тем не менее создает в своем литературном воображении умозрительную конструкцию «интеллектуальных пейзажей». Не их ли подразумевал автор «Памятника» под многолюдным ходом народа к своему обелиску? Ведь люди его круга обычно предпочитали экипаж, были относительно немногочисленны, и один мог стоить многих. А «Современник» поэта выходил тиражом не более тысячи (!) экземпляров. Да и то не всегда был распродан. И что уж совсем трудно представимо по нынешним временам — автор лично знал большинство своих читателей! Какой уж там «многолюдный ход»...

Одновременно, считая себя прежде всего профессиональным сочинителем, Пушкин продолжал твердить о «клетке обстоятельств», вынуждающих «делать деньги для жены». Добавим от себя, отнюдь не в ущерб художественному совершенству творений.

Запросы супруги, первой красавицы Петербурга, несусветные траты и бесконечные картонные долги самого поэта неумолимо подталкивали его к погоне за большими гонорарами во имя гонораров, как ни прозаично это звучит. То есть, соглашаясь с требованиями издателей — к поиску многочисленных новых читателей. Тем самым он вынуждено отдалялся от непреложной истины о несоответствии идеального читателя, человека своего культурного круга — соперничающего, вдумчивого, почти соавтора, гурьбе полуграмотных служивых, дьячков, купчиков, разбирающих на ярмарочных развалах «книженции» модного петербургского стихотворца.

Итак, в его земной юдоли смыкались категория, в известном смысле, гражданская, литературно-риторическая (очередь к монументу) с насущной, вынужденной житейской потребностью в диалоге с массовой аудиторией. И в том и в другом случае усматривается заявка на обманчивые лавры популярности, которая во все времена вряд ли сопутствует подлинному проникновению в сокровенную эзотерику магии высокого искусства, пресловутую «башню из слоновой кости».

Повторимся — подлинное понимание художественного послания гения в своих высших проявлениях всегда остается «штучным» феноменом гурманов изящной словесности. И надо быть отъявленным литературным популистом, чтоб отдать его на откуп мелкотравчатой шелухе культпросвета, варьирующего идеологическое разумение творца от мелодраматического позерства до скороговорки школярского «прохождения». Это тем более справедливо в литературных «историях» его «жесточкого века». Эпохи, когда просвещение всеобщего невежества мыслящими современниками рассматривалось на уровне религиозной панацеи от «мирового зла».

А казалось, этот печальный удел, эта горькая чаша не минет и возвышенную поэзию Пушкина, и он останется, несмотря ни на что, поэтом для избранных, подобно его современнику, Баратынскому, Творцу не меньшего литературного градуса, чья сокровенная лира с отливом матового серебра интересовала и была доступна лишь проницательному взору знатока.

• ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

Однако произошло чудо! Сюжетобразующий механизм мифа сработал! Титул первого пиита на Руси сделал свое дело. Насколько можно судить по свидетельствам очевидцев, хоронить Пушкина, помимо нескольких десятков друзей ближнего круга, заявили несметные толпы городского люда (sic!). Опасавшееся массовых манифестаций, переходящих в политические волнения, правительство срочно распорядилось о тайном погребении.

К слову сказать, похороны Баратынского, так и не ставшего общественной фигурой, но, еще раз повторюсь — литературное наследие которого немногим уступает пушкинскому — прошли почти в полной неизвестности, так и не став культовым Событием! Как и его жизнь, мерцавшая ритуальным огнем в Храме высокого вкуса искусства для искусства.

Так кого же хоронили участники грандиозного шествия во время отпевания Пушкина? Притом, что всего-то грамотных на Руси по тем временам набиралось не более десятка тысяч. Виртуоза стиха, кудесника художественного слова? — они, так ли уж разбирающиеся в тонкостях литературного процесса? Поэта-гражданина? Но вряд ли «коллективное сознание» толпы коренным образом изменилось с тех времен, когда те же обыватели тупо и равнодушно глазели на декабристскую бойню перед зданием Сената.

А может, разгадка лежит на поверхности. Так уж получилось, что имя Пушкина уже в глазах многих тысяч современников было окружено харизмой атрибутики литературного лидера. Он был страдальцем, преследовался властью имущими, что всегда находило отклик в простом народном сердце. Русский гений смолоду заставил о себе говорить, с годами став общероссийской знаменитостью. Был приближен ко двору. Добавим слухи о первостатейной красавице жене, удостоенной внимания первого лица империи — во все времена подобное заставляло трепетать сердца обывателей, да и просто любопытных. Вот этот общероссийский «пиар» и складывал прижизненный образ Пушкина в грандиозную фигуру национального масштаба, обзримую даже с глухих окраин державы.

И так ли уж важно, что незабвенный Александр Сергеевич считал главным в своей деятельности литератора? Для всеимперской публики, от провинциальных поместных барышень до приказчиков и гарнизонных унтеров, имя Пушкина обреченно связывалось прежде всего не с высочайшими порывами его новаторского гения или творческими изысками тончайшего слога, а с его звездным, знаковым в сегодняшнем понимании статусом.

Важно понять следующее: любая мыслимая аудитория, от вопящих толп перед дворцом Ирода («Распни его!..») до сегодняшних беснующихся поклонников рок-групп или делегатов партсъездов, слагает оды или предает анафеме, лишь находясь во власти восприятий культового толка. Заблуждается тот, кто, будучи политиком либо поэтом, проповедником или просто сильным мира сего, короче, возвышаясь над окружением — претендует на самовыражение, и при этом надеется быть увиденным, услышанным в своей подлинной ипостаси. Его поймут, увидят, расслышат лишь в соответствии с Законом универсальной мембраны, которая только и проницаема для образов и понятий, надлежащим способом демонтированных до уровня распознавания публикой.

Искушенная и девственная, алчная и индифферентная, толпа поклоняется божествам, взыскует авторитетов и вместе с тем живет лишь постоянной ротацией понятных ей кумиров, слывших еще вчуже владыками ее тщеславных помыслов и наивных упований.

Сандро МЕЙПАРИАНИ

• ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОЙ

ГРЭЙЛ МАРКУС. НЕОПЛАЧЕННЫЕ ДОЛГИ ИНВИЗИЦИИ

Продолжаем публикацию глав перевода книги Грейла Маркуса «Следы помады: Тайная история XX века» (1989). Для более основательного знакомства с текстом произведения мы рекомендуем обратиться к блогу переводчика Александра Умняшова — gileec.livejournal.com.

В январе (окончание)

На писанную историю XX века можно смотреть сквозь ее помарки: сквозь убийства людей, сквозь уничтожение материальных объектов, существующих или возможных индивидуумов, похожее на вырубку леса. И успех этих деяний может быть обнаружен в том факте, что у нас нет ни искусства, ни языка, чтобы выразить это — потому что когда мы пытаемся подумать о тех, кто был уничтожен в Европе в 10-е и в 40-е годы (Гитлер в 39-м: «Кто сегодня помнит об армянах?»), или в СССР в 20-е и 30-е, или в Китае в 50-е, в Индонезии в 60-е, в Камбодже в 70-е (из пепла, Новый Человек), то мы не можем думать об этих людях как таковых. Мы можем видеть Албена Баркли, но мы не видим то, что увидел он. И когда Балл писал о необходимости уничтожения всего написанного, когда Тцара говорил, что его не волнуют те, кто существовал до него, когда Хюльзенбек скандировал свой «Конец света», дадаисты подпитывались именно этим импульсом, даже если их отвращение к прошлому и есть то, что породило их самих.

Дада, как и само столетие, превратился в право срать и срать разными цветами: белыми, желтыми, черными и красными. В первые годы нацистского режима гестапо неоднократно наведывалось к Хюльзенбеку. «Это дом дадаиста Хюльзенбека?» — «Нет — отвечала супруга — это дом доктора Хюльзенбека». Спасшись в Америке, он не устал цитировать нюрнбергскую речь Гитлера 1936 года, в которой тот заклеил дада как «шламоотстойник» — цитировать в доказательство безвредного могущества дада. Но совсем нетрудно предположить, что Гитлер, сам в прошлом выходец из божемной среды и оставшийся живописцем, художником, выступил против дада с такой яростью потому, что дада его задел, потому что он чувствовал его влияние так же, как Балл ощущал нигилизм “Parole in liberta” Маринетти, как Сюрлай учуял смерть в «Глории», исходившей от Эмми Хеннингс, как Хюльзенбек трепетал от тотальной власти, декларируемой в «Что такое дадаизм и чего он хочет в Германии?» Карл Юнг, выступая в Лондоне в том же году, что и Гитлер в Нюрнберге, не видел здесь никаких противоречий; он знал, что влияние это взаимосвязано:

Личностная психология, сводящая все только к личностным проблемам, лучше всего использует свои наработки для отрицания существования архетипических мотивов, и даже пытается их уничтожить посредством личностного психоанализа. Я рассматриваю это как довольно опасную тенденцию, которую невозможно оправдать с медицинской точки зрения. Сегодня намного лучше, чем двадцать лет назад, видна природа задействованных сил. Мы являемся свидетелями того, как целая нация возрождает старинную символику, древние религиозные ритуалы, и того, как эти массовые настроения ката-

строфическим образом влияют на жизнь отдельно взятой личности, «революционизируя» ее. И сегодня человек прошлого жив в нас в такой степени, какая нам и не снилась до войны; ведь, в конечном счете, в чем заключается судьба великих народов, как не в суммарном результате индивидуальных психических перемен? (Здесь и далее цитируется по «Концепции коллективного бессознательного» — прим.пер.)

Что было аргументом Балла, в той же степени могло быть и аргументом Гитлера: «я не мог бы жить без убеждения, что моя личная судьба представляет собой аббревиатуру всего народа». И не важно, что при всей своей мании величия Балл вполне мог прийти в ужас от нацизма — который как свершившийся исторический факт для Юнга мог переплетаться с версией Нормана Кона, высказанной в его книге 1957 года «Поиски тысячелетнего царства». Версия Кона о том, что импульсы к уничтожению в XX веке могут иметь свои истоки в неоплаченных долгах, которые в первую очередь стоит взыскивать со средневековых еретиков и инквизиторов, была встречена с недоверием — для Юнга же это было очевидно:

Люди, ставшие жертвой воздействия архетипа, способны на любое безумие. Если бы тридцать лет назад кто-нибудь осмелился предсказать, что наше психологическое развитие направлено к возрождению средневековых преследований евреев, что Европа вновь содрогнется перед римскими фасциями и поступью легионов, что люди вновь будут отдавать честь по римскому обычаю, как два тысячелетия тому назад, и что архаическая свастика вместо христианского креста будет увлекать вперед миллионы воинов, готовых на смерть, — такой человек был бы освящен как несостоявшийся мистик.

И Юнг поясняет:

Архетипов существует столь же много, как и типичных ситуаций в жизни. Бесконечное повторение запечатлело эти опыты в нашей психической системе не в форме образов, наполненных содержанием, а вначале лишь в формах без содержания, представляющих просто возможность определенного типа восприятия и действия. При возникновении ситуации, соответствующей данному архетипу, он активизируется и появляется побуждение, которое, как и инстинктивное влечение, прокладывает себе путь вопреки всем доводам и воле.

Таково видение Юнгом нацизма. В нем заключалось то основное положение, за которое мог бы ухватиться Ги Дебор: двусторонний связующий фактор, идея, что бессодержательные повторения современной жизни, работы и спектакля могут быть направлены на конструирование ситуаций, направлены на абстрактные формы, которые можно наполнять любым содержанием. Но ситуационистская идея лежала на дне идеи дада, а юнговское видение нацизма нуждалось лишь в иссечении его специфичных примеров, чтобы приложить его к тому, чего добивались дадаисты в «Кабаре Вольтер». Дада был протестом против времени, птичкой на носороге, чирикающей и пищущей, оглядывающейся вокруг с любопытством. Дада был пророчеством, не имеющим понятия, что пророчит — и сила его была в том, что ему это было совсем неинтересно.

Дада был дорожным происшествием; он был культом. Дада был маской, глазами без лица. Дада был религией, порождением древних ересей. Дада был войной, но не за тела — за души. Как, впрочем, все войны.

Семьдесят

Семьдесят лет дада поддерживали словно священный огонь. Одни и те же цитаты, одни и те же фотографии появлялись тут и там снова и снова. Трюк состоял в утверждении дадаистских банальностей (вечера русских народных песен, фолианты антологий «Новой поэзии» на пергаменте) наряду с таинственностью дада (бремя беспомощности Хюльзенбека, бесконечные интерпретации); в утверждении очевидного и недостижимого. Хюльзенбек подчеркнул это самолично, вступив вместе с Карен Хорни в сообщество нью-йоркских психоаналитиков по линии дидактического психоанализа: «я преуспел как доктор, — написал он в 69-м, за пять лет до смерти, — но как дадаист (что для меня гораздо важнее) я провалился». И суть здесь не в том, что он имел в виду — это было его дело. Суть в том, каково это — жить с таким фантомом в сердце.

Странные вещи творились в «Кабаре Вольтер». Члены группировки изображали самих себя, но шаманским ритмом они вызвали к жизни чудовище Франкенштейна, который превратил их в свою игрушку — любимую игрушку. Рауль Ванейгем приложил это к ситуационистам в «Революции повседневной жизни»:

Работая с большей последовательностью, чем Фрейд, над самоизлечением и над излечением своих современников от отвращения к жизни, дадаисты возвели первую лабораторию по оздоровлению повседневной жизни. Их действия вышли далеко за пределы мысли. «Что имеет значение», сказал художник Гросс, «так это работа, так сказать, в самой крошечной темноте. Мы не знали, что мы делали». Дадаистская группа была воронкой, в которую засасывались бесчисленные банальности, огромное количество незначительных вещей этого мира. С другой стороны, всё было преобразованным, оригинальным, новым. Существа и предметы оставались теми же, но всё же они приобретали новое значение. В магии вновь обретенной реальной жизни началось обращение перспективы вспять (цит.по русскому переводу).

Рассматривая это положение в свете теории Ги Дебора о двустороннем связующем факторе, Ванейгем не интересовался, чем же таким был дада. Подобно дадаистам, пытавшимся объяснить свои действия, он также искал границы их возможностей. Отталкиваясь от основных принципов ситуационистской теории — о том, что природе социальной реальности и смысл ее трансформации следует искать не в исследованиях о власти, но пристально вглядываться ясным взором в кажущиеся заурядными жесты и акценты обыденного опыта, — Ванейгем приукрасил то, что когда-то случилось, не вдаваясь в детали. Он писал руководство по революции в современном обществе, революции, к которой приложимы методы, известные любому, кто дома чувствует себя туристом. Своим приукрашиванием Ванейгем призывал читателей, кто бы они ни были, бастовать, выйти за свои пределы. Он напроорочил май 68-го, когда многие строчки его книги оказались на стенах Парижа, затем по всей Франции, а потом — когда прошли годы и слова пустились в свободное плавание, а книга затерялась в потоке литературы и моды — и по всему миру. «ДЕЙСТВУЙ ЛОКАЛЬНО, МЫСЛИ ГЛОБАЛЬНО» — могу я сегодня прочитать на наклейке на улице моего города. Это слова Ванейгема, хотя тот, кто купил эту наклейку, может никогда об этом не узнать.

**ESQUISSE D'UNE MORALE
SANS OBLIGATION NI SANCTION**

« La seule matière première que n'a pas encore expérimentée notre époque expérimentale, c'est la liberté de l'esprit et des conduites » (I.S. n° 8). L'unité du monde apparaît dans l'unité des conditions oppressives d'aujourd'hui ; sa crise est également unitaire. Partout cette unité fondamentale de l'aliénation se traduit en *ségrégations*, en *divisions*, en *incohérences*, en *contrôles latéraux* (le contrôle de l'art rejoint nécessairement le contrôle général du pouvoir, à mesure que les idéologies en même temps s'affaiblissent et, par doses toujours plus massives, doivent « programmer » chaque détail de la vie). La cohérence de la liberté, celle de l'oppression, exigent comme *premier mouvement* de démasquer toute incohérence personnelle, qui est l'abri et la technique des ennemis de la liberté. Un exemple : les cinq amours des écoliers chinois sont clairement la devise : « Travail - Famille - Patrie » améliorée ici de l'amour du patron (appelé « peuple »). Raymond Borde, qui a été pendant des années le « bon stalinien » protégé par les surréalistes, s'est maintenant déstabilisé au point de publier un pamphlet (*L'Extricateur*) qui mélange du surréalisme et de l'humour littéraire assez conventionnel à quelques remarques plus actuelles. Borde ne fait pas mystère de vomir le travail et la famille, de ne attendre rien que de la révolution et de l'érosiner conjointement réalisés. Le même Borde est en même temps militant pro-chinois. Qui est idiot ? Qui en tire des conclusions ?

Le tribunal du Gap a lancé deux mandats d'arrêt contre un musicien blanc sud-africain, Stanley Glasser, trente-cinq ans, et une chanteuse métisse, Maud Damons, vingt-six ans, accusés d'avoir enfreint l'*Immorality Act* interdisant les rapports sexuels entre Blancs et Noirs ou Métis. Les deux inculpés se sont enfuis dans le protectorat britannique du Bechouanaland, d'où ils pourraient gagner le Tanganyika.

Le Monde, 6-1-63.

Les jeunes Danois ont désormais leurs bars à eux, interdits aux adultes. Ce sont les « Pops », équivalent du mot « pub » anglais. On y boit des cocktails, mais tous à base de lait. Une discothèque fournit les derniers succès. Les jeunes Danois peuvent s'y rendre de dix heures du matin à dix heures du soir. Il y en a trois d'ouverts à Copenhague. Ils ont un succès fou. Garçons et filles y discutent, font leurs devoirs et sont surtout contents de se retrouver entre eux.

France-Soir, 6-5-64.

Je ne suis pas seulement compétent pour les questions d'industrie et d'agriculture : je suis également compétent pour les questions culturelles parce que je suis président de la République et secrétaire général de la Ligue des Communistes.

Tito, *Nasa Stampa*, février 1963.

La presse littéraire soviétique a dû récemment protester contre l'application à un émule d'Evtouchenko, le poète Brodski, accusé de mener la vie de bohème, de la loi n° 273, adoptée en 1961 par le Praesidium du Soviet Suprême pour réprimer le parasitisme social et l'oisiveté.

L'Express, 25-6-64.

La proposition de remplacer la carte d'identité actuelle (improprement appelée « passeport »), valable à l'intérieur de l'U.R.S.S., par le livret de travail, a rencontré un très large écho dans la presse soviétique, qui publie de multiples lettres de lecteurs favorables au projet. Le nouveau livret de travail, devenu « passeport de travail », que chacun devrait garder sur soi, comporterait des indications beaucoup plus détaillées que n'en contenait l'ancien sur les diplômes du titulaire, les étapes de sa carrière laborieuse, ses passages d'une entreprise à l'autre, sa tenue professionnelle et morale, ses « activités sociales » pendant ses loisirs, etc.

Cette discrimination semble approuvée sincèrement par une importante catégorie de lecteurs qui écrivent aux journaux : les ouvriers âgés et d'âge moyen, notamment ceux qui travaillent depuis longtemps dans la même entreprise. Le projet les favorise. A lire les commentaires de la presse, ces ouvriers à bon passeport de travail deviendraient des citoyens prioritaires pour les logements, les meilleures vacances, les taux des assurances sociales, les procès, les contestations diverses, etc. Un lecteur de *Trouad* écrit : « Il ne sera pas mauvais que les fiancées jettent un coup d'œil sur le passeport de travail de leurs futurs. Les bons travailleurs font les bons pères de famille ».

France-Observateur, 12-3-64.

Nombre de ces activités ne sont pas essentiellement différentes de celles classiquement organisées par l'appareil du Komsomol. Ce qui les caractérise, selon la presse soviétique, c'est que les jeunes « communistes » en règlent eux-mêmes les modalités. De plus, les « clubs de jeunes communistes » tiennent des « réunions à cœur ouvert » où ils discutent de l'attitude de chaque adhérent envers le groupe...

что если бог сотворил людей, то и люди сотворили бога, и кто бы ни постиг это знание, становился «не христианином, но Христом». Корень зла и страдания лежит в незнании истинного принципа человеческой жизни — и такое невежество есть единственный грех. Большинство пребывает в нем, потому что это не то знание, которому обучают, но то, которое проживается. Это знание может быть открыто, но не может быть исчерпано. Это был тот миф, который дада превратил в игру, в неопровержимый афоризм: он может быть понят, но никогда — истолкован.

Когда

Когда в 1924 году Анри Лефевр отзывается о дада как о псевдо-волшебстве, исключительно как о призраке, говорящем «нет», пустой декларации о суверенности мгновения, он знал, что он прав, но он также знал, что он не был в удачное время в нужном месте. Его нападки были вызваны ревностью: какие-то восемь лет — и он все пропустил.

Спустя полвека Лефевр уже не ревновал. Цара умер, Балл умер, Арп умер, Хюльзенбек умер, Эмми Хеннингс умерла, а Янко был забыт. Правда, даже собрав все кусочки воедино и назвав это «Теорией мгновений», Лефевр позабыл, что он пропустил. Воскрешая легенду в 1975 году, отвечая на вопросы журналиста, он не помнил, как всего лишь двумя годами ранее проклинал эту легенду: «непрерывная полоса неудач, саморазрушение и роковое заклятие» — лучшая характеристика его собственной судьбы: начиная со знакомства с Цара и заканчивая дружбой с Ги Дебором. Он забыл, что в 1925 году поставил свою подпись под «Революцией теперь и навсегда» — под тем, к чему уже в те времена он относился как к карьеристской подделке. Он был еще подростком, когда дадаисты вышли на сцену и теперь, будучи стариком, делом всей жизни которого было исследование «современности», он говорил — так странно это было слышать — по-настоящему современные вещи о современности, что было актуально и ново, что было по-настоящему интересно, не о достижениях современности — технологиях, изобилии, государстве всеобщего благосостояния, массовой коммуникации и так далее — а о странной сути противодействия, порожденного самой современностью вопреки самой себе: это противодействие Лефевр по-прежнему называл «дада».

Это было, пытался сказать он, творение, стоящее на голову выше всех остальных. Он видел это и как всякий, слышавший эту историю, он побывал там. Ему было всего лишь пятнадцать лет, он помощник официанта, никто не знал, как его зовут, никто не обращал на него внимания, но он понимал все это. И как всякий другой, он поднимался на сцену Teen 'n' Twenty disco. Его стаскивали со сцены за ноги, когда он выкрикивал свое «Значение Коммуны», танцевал никогда не опубликованный манифест «Вы все будете ситуационистами», изображал свою «Материалистическую диалектику»: шаг влево, шаг вправо, потом он валился на сцену и полз за кулисы, пока Балл исполнял «Аппассионату» в аранжировке оркестра Longines Symphonette, как о том объявил TV Guide. В конце каждой фразы Лефевр кричал «умба-умба»; его били. Он выплюнул те кусочки, которые дробил на мелкие части. Он убил четверть века, уничтожил несколько столетий ради того, что получилось — или ради того, чтобы проверить: получится ли это у него безнаказанно. Таким было обещание религии дада — «против идеи, даже самой дурацкой, все орудия бессильны».

**Перевёл Александр УМНЯШОВ.
Продолжение в следующем номере**

Дада был

Дада был не более чем теорией и практикой в удачное время в нужном месте. Что было новым, так то, что и время, и место могут создаваться из ничего: это была легенда о свободе. Старым оставалось непонимание того, что творение вечно превосходит своих творцов. Эта интонация проскальзывает в любых дадаистских воспоминаниях: ощущение, что присутствующие не замечали призрака, возвышающегося над всем происходящим — и это есть доказательство чего-то такого случившегося в XX веке, что невозможно понять или контролировать, это есть гностицистский миф.

Обоснование социального контроля в современном мире утвердилось еще в древности: люди грешны — вот почему на Земле существуют зло и страдание. Люди грешны из-за того, что первородный грех отлучил их от бога и в этом отлучении содержались повсеместность и постоянство греха — неизменный принцип человеческой жизни. В нем заключался источник остальных отлучений: патриархата, власти, иерархии, разделения человечества на управляющих и управляемых, на собственников и рабочих, отлучения одного человека от другого, отлучения человека от самого себя. Но гностицизм в своих бесчисленных формах тысячелетиями отвергал, что так должно быть. Нет никакой необходимости в отлучении человека от бога, говорили гностики, потому

ПОЛЛИ ДЖИН ХАРВИ: «DRESS» («ПЛАТЬЕ»)

Полли Джин Харви, более известная как Пи Джей Харви родилась в городке Бридпорт в британском графстве Дорсетшир в 1969 году и все юные годы прожила в деревне. Мать Полли была скульптором, отец — каменщиком; под их влиянием девушка научилась играть на гитаре, скрипке и саксофоне. Первые песни Полли написала в семнадцать лет.

Начав выступать в малоизвестных фолк-группах, Пи Джей Харви постепенно собрала группу единомышленников, с которыми в 1992 году записала альбом «Dry» («Влажный»). Музыка, хоть и была исполнена в основном на акустических инструментах (гитара, виолончель, скрипка), мало чем напоминала фолк, и Полли стала звездой инди-рока: уже через год она играла на разогреве у «U2». Кроме этого, Пи Джей Харви известна совместной работой с такими непохожими музыкантами, как Ник Кэив и Марианна Фэйтфул.

Песня «Платье», созданная в соавторстве с барабанщиком Робом Эллисом, была записана в Йовиле, на родине певицы, и выпущена в конце 1991 года — как раз накануне выхода первого альбома. Композиция приглянулась известному британскому радиоведущему Джону Пилу, который с восторгом писал: «Стиль Полли Джин кажется раздавленным весом песен и аранжировок, как будто воздух буквально высосан из него... это восхитительно, даже если не всегда приносит удовольствие». Как и весь альбом «Dry», песня была благосклонно принята критиками, но всё равно провалилась в чартах. Позднее на песню было снято два чёрно-белых видеоклипа, подчёркивающих драматичность лирической темы.

Put on that dress
I'm going out dancing
Starting off red
Gleam and sparkling he'll see me
Music play make me dreamy for dancing
Must be a way that I can dress to please him
It's hard to walk and the dress is not easy
I'm swinging over like a heavy loaded fruit tree
If you put it on, if you put it on...

It's sad to see
Lonely or this lonely
Close up my eyes
Dreamy dreamy music make it be alright
Music play make it good for romancing
Must be a way I can dress to please him
Swing and sway everything will be alright
But he's feeling so down tight tonight
If you put it on, if you put it on...

You pretty thing — my man says
But I bought you beautiful dresses
You pretty thing — my man says
But I bought you beautiful dresses
Filthy type your dress is filthy
I'm falling flat and my arms are empty

Get away better get it out of this room
A fallen woman in dancing costume
If you put it on, if you put it on...

Надо платье надеть,
Я хочу пойти на танцы.
Начинаю краснеть,
Строить глазки, улыбаться.
Это нежные очень танцы,
Я пришла сюда, чтобы понравиться,
Очень трудно ходить в этом платье,
И к земле ветка яблони тянется —
Если буду в нём, если буду в нём...

Без печали нельзя
Видеть тех, кто один сегодня.
Закрываю глаза,
Я вальсирую, я свободна.
Это нежные очень танцы,
Я пришла сюда, чтобы влюбляться
Я кружусь, я у платья во власти,
Мой мужчина сегодня несчастен —
Если буду в нём, если буду в нём...

Он сказал: «Ты красивая — кстати,
Я купил тебе хорошее платье»,
Он сказал: «Ты красивая — кстати,
Я купил тебе хорошее платье»...
Грязен танец, и платье в пятнах,
Не за что схватиться, я падаю.
Уберите тело с дивана
Падшей женщины в платье бальном,
Если буду в нём, если буду в нём...

Комментарий и перевод
Алексея КАРАКОВСКОГО

БОЖЕСТВЕННАЯ НИНО

О концерте Нино Катамадзе

Теперь-то я смотрю на рекламу нового концерта, появившуюся на днях в Интернете, и улыбаюсь. Улыбаюсь и напеваю. А всего лишь полгода назад...

Мне было некогда. Подруга попросила узнать, кто это приезжает на гастроли. Нино Катамадзе. «Божественная Нино», — прочитала я в первой подвернувшейся строке поисковика — и подумала: до чего еще не добралась реклама? По-моему, до всего. Фолк-джаз. Не моё. Но надо было, наконец, встретиться с подругой — преподавателем мировой художественной — за лето не собрались — как-нибудь отметить этот день — Учителя в Год учителя, и выбраться куда-то с мамой...

Нино Катамадзе родилась 21 августа 1972 года в Аджарии, в городе Кобулету (Грузия). Поёт на сцене с четырех лет. В 1990 году поступила на вокальный факультет Батумского музыкального института и сразу вышла на любительскую сцену. В 1994 году создала благотворительный фонд для помощи инвалидам и социально незащищённым артистам. Профессиональная карьера Нино началась в 2000 году с сотрудничества с основателем группы Insight Гочей Качеишвили. Записала альбомы с Insight: «Ordinary Day» (2003), «Nino Katamadze & Insight» (2004), «Black» и «White» (2006), «Blue» (2008).

Чёрный, белый, голубой... Новый альбом певицы назывался «Red». На афише — темпераментная дива в красном средневеково-фантазийном платье.

...Певица просила зрителей не уходить. Тем не менее смельчаки-одиночки пробирались к выходу. «Девушки, ну зачем уходите? Я сейчас другую песню спою...», «Останьтесь, мужчина, после концерта вас ждёт подарок...», «Устали?» Она хотела петь: час, другой, третий...

На первой песне я подумала: не более чем фон. Декорации к моим сюжетам. Буду поглядывать изредка на сцену, а думать о своём. На второй повернула голову: удивилась. Чудачка: совсем не думает о зрителях, стоит спиной, бегаёт, прыгает... Голос. Выходит за пределы, вырывается, заполняет пространство, затягивает в своё...

Награждена в номинациях «Лучшая певица года» (премия «Овация», Россия, 2002), «Лучший автор-исполнитель (Россия, 2002), Лучшая оригинальная музыка (Россия, 2002), «Лицо года в сфере шоу-бизнеса» (премия «Лица года», Россия, 2003), «Лучшая певица года» (премия «Мега», Россия, 2003), «За выдающийся вклад в развитие грузинской музыки» (специальная премия «Одзела», 2004, Грузия). В 2006 г. — XVII премия клуба «16 тонн» «Золотая Горгулья» (номинация World music, Россия).

Какие телевизионные каналы отразили эти события, в какое общедоступное время? Что-то не припоминаю.

...На четвёртой — мы заплакали. Не сговариваясь, почти синхронно, каждый о своём: я, мама, подруга... И уже не сопротивлялись, и оборвали счёт. Не было номеров, песен, концерта. Была стихия, а ты в ней. И она — тоже в ней. Пытается совладать, уговаривает, умоляет, подчиняет себе. Руки поют: осязают невидимое, нащупывают гармонию и движутся в ней: «Olei, olei, olei...»

Откровенничает, но как-то не по-актёрски, простодушно: «Всё, что я могу сказать, я пою, мои чувства невозможно рассказать, ими можно только делиться через музыку». И вот потрясающей красоты меццо-сопрано опять плывёт над залом, сливаясь и контрастируя с импровизациями музыкантов группы «Insight». Нино и сама — то играет на небольшой дудочке, то позванивает в колокольчик, то солирует на барабанах.

И вдруг сбегает в зал: бросает микрофон, поёт, просит подпевать, играет с детьми, дарит конфеты, цветы. Рассказывает, что назвала сына в честь Николая Чудотворца, которому усердно молилась о личном. И действительно, вскоре она встретилась с любимым человеком, ставшим её мужем. Во время беременности Нино была в Киево-Печерской Лавре, и там, гуляя по двору, думая об имени для ребёнка, вновь увидела икону святителя. Да и сын родился 25 мая, после 22-ого — «Никола Вешнего».

Когда её спрашивают об источнике её мощной согревающей энергии, она показывает вверх, к небу. А находясь в зале и пытаясь определить жанр исполнения, ловишь себя на том, что язык, жанр — вне — всё ни при чём: второй час концерта идет на одной ей ведомом наречии, которое — когда распахивается сердце — вдруг становится знакомым каждому. Потому что Нино слушает и считывает свою душу, любовь, Бога. Плачет, ликует.

«Ведь когда душе бывает очень больно, ты уже знаешь, как это — и не сделаешь больно другому, — признаётся, улыбается беззащитно: может ли быть по-другому? — Я желаю вам любить всегда. Это выход.»

Она совсем как ребёнок, и так близка к совершенству — божественная Нино.

Наталья РЕДОЗУБОВА

КУЛЬТУРНЫЕ НАЦИИ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ

В этом номере журнала (а когда ещё?) мы решили задать одинаковые вопросы нашим друзьям — поэтам и писателям из Грузии, Армении и Азербайджана. Каждый отвечал на заданные вопросы самостоятельно. Признаться, результаты опроса нас поразили — в первую очередь контрастом между мнением грузинских писателей и их коллег из Армении и Азербайджана. Почему так? Давайте почитаем.

ЛАЛА АМИРБЕКОВА (Азербайджан)

Родилась в 1984 году в Баку. В 2000 поступила на филфак института русского языка и литературы, в 2006 защитила магистерский диплом по русской и зарубежной антиутопии. С детства рисует, долгое время работала дизайнером. Любимцы от литературы — Франц Кафка и Кобо Абэ. Активно писала и публиковалась в течение нескольких лет, начиная с 2003 года. Редактор литературного Интернет-журнала «Точка Зрения» (www.lito.ru).

ЕЛЕНА ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН (Армения)

Родилась в 1978 году в Волгоградской области в селе Большой Морец, училась в Москве (МИПК им. И. Фёдорова). С 2001 года живёт в Ереване, закончила Институт международных отношений им. И. Лазаряна, работает журналистом. Член ряда армянских, российских и международных писательских организаций. Член правления Общественной организации «Наш дом — Армения». Автор четырех книг стихов и прозы, а также многочисленных публикаций в армянской и российской прессе.

ГУРАМ СВАНИДЗЕ (Грузия)

Родился в 1954 году в Тбилиси. Детство провёл в провинциальном городке Зестафони. В 1971–77 гг. учился в Тбилиском государственном университете на отделении журналистики. С 1979 г. работает в различных социологических службах Тбилиси. В 1984–1988 гг. учился в аспирантуре Института социологических исследований АН СССР в Москве, где получил степень кандидата философских наук. Сейчас работает в Комитете по гражданской интеграции Парламента Грузии, защищает права меньшинств.

САНДРО МЕЙПАРИАНИ (Грузия)

Родился в 1962 году в Тбилиси. Окончил тбилисский госуниверситет. Писал театральные пьесы, которые шли на всесоюзных подмостках. С 1994 г. был главным редактором газеты русской Общины Грузии «Речь». Пьесы Сандро Мейпариани отмечены на Всесоюзном конкурсе драматургов (1990), американском конкурсе киносценариев Хартли-Мерилл (1997) г. В 2001 году киносценарий «The Testament» («Завет») попал в двадцатку американского киноконкурса New Century Writer Awards (число участников — 1790).

Во все времена культура делилась на «экспортную» и «для населения». Про первую мы иногда можем прочесть в СМИ. Какие культурные события и явления в стране, на ваш взгляд наиболее значительны — т.е. сочетают в себе «раскрученность» и культурную ценность?

Л. АМИРБЕКОВА: Конечно, мугам¹ — он включен в список нематериального наследия ЮНЕСКО и представляет собой народное искусство, которое в настоящее время приобрело эту самую «раскрученность» и стало визитной карточкой именно национального, народного азербайджанского искусства. Это довольно редкое сочетание экспорта и народности, которое стало популярным в зарубежье. Еще приходит на ум книга Курбана Саида «Али и Нино», также популярная на западе, но являющаяся явлением национальной литературы.

Е. ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН: Чаше «раскрученность» и культурная ценность несовместимые понятия. Раскручивается то, что «хаваается», а «хаваается» всякий «фастфуд», в том числе и культурный. Вместо того, чтобы человеку прививать изысканный вкус, идет потакание каким-то низким пристрастиям. Недавно у меня состоялась беседа с одним молодым армянским писателем, который вырос на русской культуре и языке книг. Он написал замечательный роман, который оценили в рукописи известные писатели и критики. А издатели сделали замечание — мол, на таком языке уже не говорят и не пишут, нужно поработать над стилистикой языка, обогатив его сленгом, жаргонизмами и всякими «извращениями», чтобы читателю было понятно. Вот

¹ Мугам — жанр азербайджанской музыкальной устной традиции наряду с песенно-танцевальным фольклором.

именно поэтому современные школьники, которых пичкают такой литературой, не понимают ни Толстого, ни Тургенева, ни Достоевского.

Г. СВАНИДЗЕ: Грузины были вполне искренни и не делали различий между культурой для внутреннего потребления и для гостей. «Отца солдата» — яркий этнический тип — любили одинаково и иностранцы и грузины. Сегодня, увы, «такое кино» у нас не раскрутить. Причина простая — нет средств.

Между прочим, русскоязычный фактор вполне справлялся с миссионерской миссией и даже льстил местным культурам, возможности которых переоценивал. Они так и оставались партикулярными, поэтому столь милыми в своей эндемичной этнической первозданности. Не более того. Запад в этом смысле жесток. Здесь он создаёт рынок сбыта своей культуры. Он разрушает базовую стилистику этих партикулярных культур, которые основывались на маскулинных ценностях, и не допускали гламурности. Т.е. если и была любовь, то без эротики. Ныне в спросе гламурные девицы, пидарковатые портняжки, визажисты, стилисты. У нас даже появились свои секс-символы, но на деле эти девицы свои способности не проявляют. Выйти замуж непорочной остаётся требованием местного стандарта. Так что не гламур у нас, а онанизм.

А. МЕЙПАРИАНИ: Парадоксом является то, что динамика упадка общекультурного контента наших вроде полярно противоположных стран, пора сермяжного ледникового упрощенчества гумуса развлекаловки — абсолютно идентична. Схожий обмен веществ. К примеру, эпоха окончательно перестала носить литературоцентричный характер. Молодое поколение — а оно определяет вектор развития — воспринимается условными потомками самодостаточной небезыз-

вестной Элочки Людоедочки с ее тезаурусом в 20 слов и соответствующим «гламурным» мышлением. Увы, увы, кажись, вкатываемся в новое средневековье...

Теперь поговорим о повседневной жизни страны. Расскажите, пожалуйста, о тех явлениях национальной культуры, которые по каким либо причинам не пользуются пристальным вниманием прессы, но тем не менее очень важны.

Л. АМИРБЕКОВА: Как ни странно, в последние года пресса уделяет исключительное внимание национальной культуре: музыке, живописи, театральному искусству, памятникам архитектуры. Например, ежегодно в Баку проводится фестиваль мугама, театральные фестивали, музыкальные фестивали, которые обойти вниманием никак невозможно. Правительство вышло за пределы столицы, крупные культурные мероприятия проводятся и в регионах, например, музыкальный фестиваль в городе Габала, столице древней Кавказской Албании.

Е. ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН: Пристальным вниманием прессы пользуется лишь эстрада и околокулуарная дребедень. Все остальные сферы как бы за бортом. К счастью, в Армении этот перевес не так резок. На страницах прессы мелькают и новости литературы, и театрального искусства, и живописи, и науки. Можно, конечно, сетовать на недостаток внимания, но все культурные мероприятия в Армении в большей или меньшей мере освещаются. Это же хлеб журналистов.

Г. СВАНИДЗЕ: Деинтеллектуализация общества — уже состоявшийся факт. Западные эксперты наказали: «Тяжелые науки» не про вас, принимайте туристов». К нулю сведена вся система академии наук. Теперь редкий грузин добивается научного признания на Западе. Раньше на научное признание могло претендовать гораздо больше нашего народа.

А. МЕЙПАРИАНИ: Когда развеялся сумрачный дым 90-х годов, интерес к рассудительной неторопливости художественного текста подменился лихорадочным спросом на политиканскую публицистику, развлекаловку желтой прессы. Что касается тбилисской русскоязычной словесности, главного предмета нашего разговора, то тут ситуация, даже в сравнении с другими литературными сегментами, приобрела поистине кромешные черты. В силу упомянутых объективных причин миграции основного авторского костяка его место незамедлительно занял поток графомании.

Укоренение практики изданий за свой счет — а другой возможности публиковаться попросту не было — открыло шлюзы для самиздатовской псевдолитературы. Повсеместно как грибы после дождя возникли полупартизанские брошюроподобные журнальчики, неряшливо распечатанные мини-тиражами убогой ксероксной полиграфией. Заметим, что забиты они были исключительно поэтическими текстами! Многие отставные инженеры, домохозяйки, студенты, пенсионеры, да просто обыватели, оказавшиеся не у дел в эпоху слома привычной жизни, в одночасье почувствовали авторский зуд. На этом прискорбном фоне усилиями редактора Михаила Айдинова, руководителя ассоциации русскоязычных журналистов Грузии, был дан старт полноформатному литературному журналу “На холмах Грузии” с профессиональной издательской идеологией. В основе работы редакции заложен принцип серьезного отбора и тщательного редактирования поступающих текстов. Скрупулезная работа с авторами незамедлительно дает свои результаты — качественный и разножанровый литературный продукт. Кроме того, необходимо упомянуть поэтический журнал “АБГ”,

издаваемый молодежным поэтическим объединением “Молот0к”. Его высокому уровню в немалой степени способствуют онлайн-тренинги и мастер-классы, которые проводят с членами литобъединения его руководителем Михаил Ляшенко и Анна Шахназарова.

Ну и напоследок — тбилисский международный союз “Русский клуб”, возглавляемый Н. Свентицким, регулярно издает глянцево-общественно-художественный одноименный журнал. Его страницы полны статей, посвященных тем или иным деятелям русскоязычной культуры. Изредка попадаются и оригинальные тексты, принадлежащие перу русскоязычных тбилисских литераторов. Но главный успех союза — проведение на регулярной основе русско-грузинского поэтического фестиваля, мероприятия которого — словно глоток свежего воздуха с “большой земли”.

С какими странами в вашей республике наиболее тесные культурные связи? Какие события, связанные с культурой других стран, происходили в последнее время? (примеры из российской реальности: Год Франции в России и год России во Франции, фестиваль японской культуры «Ниго но кокоро» и т.п.). Насколько выражены культурные связи с Россией — на официальном и неофициальном уровне?

Л. АМИРБЕКОВА: Ну, во-первых, ежегодно по всему миру проводятся дни культуры различных стран: Азербайджан также принимает у себя дни культуры других стран и проводит свои. Например, во Франции фонд Гейдара Алиева ежегодно проводит дни культуры Азербайджана, где широко представлена в первую очередь музыкальная культура, национальная и классическая — в исполнении азербайджанских музыкантов, выставки азербайджанских художников. Разумеется, наиболее тесные связи исторически сложились со странами бывшего СССР и тюркского мира.

Что касается связей именно с Российской Федерацией, то можно сказать, культурный обмен между нами происходит наиболее интенсивно. Можно привести массу примеров мероприятий, проводимых на официальном уровне: например, российско-азербайджанский форум по гуманитарному сотрудничеству под патронатом Президентов двух стран. События, проводимые на неофициальном уровне, — это гастроли российских театров, музыкальных коллективов, организацией которых занимаются частные продюсерские компании.

Е. ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН: Армения не отстает от других стран — здесь также проводятся мероприятия, именуемые как «Год», «Месяц» или «Дни», посвященные культуре каких-либо стран. Конечно, наиболее тесное сотрудничество налажено с Россией, так как с этой страной Армения связана исторической дружественной поддержкой. Хорошую работу проводит Представительство Россотрудничества в Армении во главе с Виктором Кривопусковым. Ежегодно проводятся Дни русского слова, по итогам издаются сборники. В планах Российского центра науки и культуры культурный обмен — представление армянских художников, писателей в России, российских — в Армении. Ну а что касается неофициального уровня, то здесь хорошим показателем является конкурс «Армянские мотивы», который я провела при поддержке издательства «Поверенный» и портала «Что хочет автор». Очень много русскоязычных писателей разных стран знакомы с Арменией не понаслышке — кто-то побывал в советское время, кто-то сейчас. И эта страна храмов произвела на них впечатление, которым они не смогли не поделиться в своем творчестве. В итоге получился

прекрасный сборник, в который вошли произведения современных поэтов разных стран, посвященные Армении. Скоро он выйдет при поддержке Союза писателей Армении. Подобное наследие оставили представители Серебряного века, которые были своими на Кавказе и в Закавказье и не щадили перьев на описание кавказских красот. Тут невольно думается, что еще не все потеряно в нашем поколении, и мы сможем оставить свой след.

Г. СВАНИДЗЕ: Проводить месяцы, недели пропаганды культуры стремятся все посольства. Одно можно отметить — в смысле культуртрегерской активности посольство Ирана было заметнее российского. В результате Грузия как край ойкумены русскоязычия разбилась на отдельные робинзоны. Сегодня английский язык доминирует. В страну приглашены тысячи англоязычных преподавателей. Знание этого языка является важнейшим условием для успешной жизненной карьеры в Грузии. Ловлю себя на желании — встречу на проспекте Руставели приезжего русского человека и тут же беру его в оборот, чтоб не упустить случая поговорить на родном ему языке. Хотя не упускаю случая поговорить и с «native» американцем или англичанином.

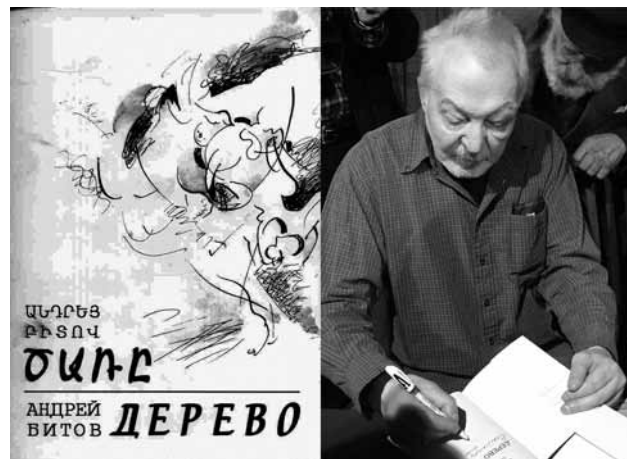
А. МЕЙПАРИАНИ: Каким-то чудом в условиях отсутствия дипотношений с Россией и прочих прелестей межгосударственного спорадического крошечного кошмара тбилисский международный союз «Русский клуб», возглавляемый Н. Свентицким, регулярно издает глянцево-общественно-художественный одноименный журнал. Его страницы полны статей, посвященных тем или иным деятелям русскоязычной культуры. Изредка попадают и оригинальные тексты, принадлежащие перу русскоязычных тбилисских литераторов. Но главный успех союза — проведение на регулярной основе русско-грузинского поэтического фестиваля, мероприятия которого — словно глоток свежего воздуха с «большой земли». Хотя, на мой взгляд, это все равно что организовать в 30-е годы в Берлине фестиваль поэзии иврита... В заслугу вышеупомянутой структуре можно отнести и недавнюю толстовскую конференцию в Тбилиси. Кстати, также международную...

Насколько большой след оставила советская история в национальной культуре вашей страны? Что от этого следа осталось в данный момент?

Л. АМИРБЕКОВА: Развитие азербайджанского искусства пришлось именно на период нахождения Азербайджана в составе Советского Союза. Соответственно, истоки того, что мы имеем сейчас, находятся в тех годах. Сейчас, учитывая мировые тренды, мы стараемся брать все лучшее и из прошлого, и из настоящего.

Е. ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН: Такие имена, как Арам Хачатурян, Арно Бабаджанян, Егише Чаренц, Паруйр Севак, Грант Матевосян, Мартирос Сарьян и многие другие просто исключают расхожее мнение о незначительности армянской культуры в шкатулке общей советской культуры. Эти деятели стали хорошим, добротным камнем-постаментом и памятником для Армении, и, конечно, их след останется на века.

Г. СВАНИДЗЕ: След глубочайший и не стираемый. Величие русской культуры никто не отменял и не сможет отменить. Сопричастность к историческим событиям, пришедшим на советский период не зависимо от их содержания, их эпический масштаб не мог не расширить ментальный горизонт грузин... Но вспоминается ситуация с режиссером Тарковским. Я считал его гением, но в советской прессе о его гениальности не писали. Я даже думал, а не ошибаюсь ли я с оценкой

Писатель Андрей Битов и его книга на армянском языке. Фото Елены Шуваевой-Петросян.

его творчества. Не изменяет ли мне вкус? Когда он умер, о нём заговорили как о гении.

А. МЕЙПАРИАНИ: След советской истории — это руины взорванного памятника героям Отечественной войны в Кутаиси и тбилисский музей советской оккупации.

Какую политику в области культуры ведёт правительство вашей страны? Можно ли сказать, что национальная культура в вашей стране сейчас переживает расцвет или, наоборот, упадок?

Л. АМИРБЕКОВА: В целом культурной сфере правительством уделяется достаточное внимание, успешно функционируют и капитально реставрируются театры, музеи, концертные залы, открываются новые публичные библиотеки, деятели культуры удостоиваются персональных премий и стипендий Президента республики, не обходят вниманием и молодые дарования. Так что никак нельзя сказать, что наша культура переживает упадок, а наоборот, скорее, стремится к расцвету.

Е. ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН: Если посмотреть на положение в сравнении с 90-ми годами — годами развала, упадка, когда страна, еще не успев отойти от разрушительного землетрясения, была ввергнута в войну, прозябала без хлеба, света, воды, то можно сказать, что Армения возродилась из пепла. В который раз. И возрождению, конечно же, способствовали культурный хлеб и ответственность перед великим армянством. В холодных, неотопляемых помещениях собирались писатели и обсуждали творчество друг друга, издавали литературные журналы, серенькие книжонки, художники проводили выставки, а в театральных залах мало-мальски, но присутствовали зрители, которые, возможно, в тот вечер остались без хлеба, но посмотрели новый спектакль. Хочется верить, что правительство Армении и в дальнейшем будет делать ставку на культуру.

Г. СВАНИДЗЕ: Увы, маркет правит бал, а в бюджете страны нет средств, чтобы невыигрышные в коммерческом плане, но воистину эстетически ценные проекты поддерживать. Иногда, правда, какой-нибудь грузинский миллиардер с деньгами поможет. Так, с помощью меценатов удалось спасти грузинский театр. Но миллиардеров мало и денег у них на всю культуру не хватает.

А. МЕЙПАРИАНИ: Фарватер тотального глобализма является сегодняшним и, видимо, завтрашним днем грузинского национально-культурного мейнстрима.

Продажа сувениров на проспекте Руставели, в 300 метрах от парламента Грузии. Фото Карена Маркаряна (Латвия).

Какие перспективы Вы видите у национальной культуры вашей страны? (Вопрос сформулирован чудовищно, но мне хотелось бы, чтобы Вы сформулировали какое-то резюме).

Л. АМИРБЕКОВА: Перспективы развития национальной культуры самые благоприятные: у нас есть что развивать, есть на что развивать и есть, что самое главное, понимание руководством страны того, что культура должна быть одной из приоритетных сфер внутренней политики государства.

Е. ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН: Нынешняя Армения — это лишь осколок великой империи, великой культуры, но, несмотря на все перипетии судьбы, выпавшие на долю этого древнего народа, им удалось сохранить свою культуру, значительно приумножив наследие. Очень хорошо об армянской судьбе написала украинская поэтесса Лина Костенко:

Сгорели их поселки, пропали у них мулы,
Бредут, бредут изгой. Не близок путь в тоске.
Чтоб дети свой армянский в дороге не забыли,
Им буковки выводят армянки на песке.

При татарских и арабских набегах армяне первым делом спасали книги, поэтому сейчас в хранилище древних рукописей Матенадара не хранится такое наследие. Что же касается сегодняшнего дня, то, к сожалению, армянский язык — это язык маленькой страны, национальная литература, в отличие от изобразительного, театрального, музыкального искусства, может выйти за пределы только посредством перевода на другие языки, чему и способствует Форум переводчиков стран СНГ и Балтии, который в этом году пройдет в пятый раз.

Г. СВАНИДЗЕ: Я верю в то, что первоисточник неисчерпаем. Я имею в виду народную культуру. Если сохранить её, то можно рассчитывать на расцвет в будущем. Пусть она кажется провинциальной, она поможет сохранить самобытность народа, и если к тому же в ней есть импульс к саморазвитию, то он даст о себе знать.

Подготовил Алексей КАРАКОВСКИЙ

ДОРОГА К БОГУ

Пожалуй, впервые наш журнал публикует интервью, в котором священнослужители в доверительной беседе рассказывают о том, каким был их путь к Богу. К сожалению, из-за большого объёма этих текстов мы не могли опубликовать их полностью, и для номера были выбраны наиболее живые, непосредственные фрагменты двух бесед.

Отец Александр (Грузинская православная церковь)

В Армении, где так много церквей, мало кто знает о существовании в Ереване Грузинской Православной церкви (храм Воскресения Иисуса Христа), затерявшейся в отдалённом районе Норагавит. Как бы там ни было, но храм есть, он действует. Настоятель Грузинской Православной церкви Протоиерей Александр Шкарбаненко рассказывает о деятельности храма, вере, жизни и многом другом.

— Отец Александр, вы, русский по национальности, родились в Армении и возглавляете Грузинскую церковь... Расскажите, как вы пришли к Богу?

— Если будем основываться на словах Господа, в частности на Евангелии от Иоанна, то Господь говорит Апостолам: «Не вы меня — я избрал вас». Для каждого человека приход к Богу осуществляется через какое-то страдание, потому что этот путь нам показал сам Господь — придя на землю ради спасения рода человеческого, он прошёл через крестные страдания, смерть и воскресение. Да, я по воле Божьей родился в Ереване в 1958 году в семье летчика. С материнской линии у меня потомственные кубанские казаки, с отцовской — донские. С детства познания о Боге были весьма смутные. Видел, конечно, иконы, когда посещал родину своего отца город Батайск Ростовской области. В детстве мне никто не мог дать ответ на вопрос, кто есть Бог, для чего мы пришли в этот мир, но помнится мне одно детское впечатление — будучи мальчиком в день Святой Пасхи я всегда чувствовал какое-то особое пробуждение всей земли — щебетание птиц, яркое солнце... Во всем этом есть какое-то Божественное проявление. У меня была сложная жизненная ситуация: первая семья (невенчаный брак) распалась. Первый раз я обратился к Богу в 1983 году, когда пришел с моим сыном-первенцем в церковь Сурб Геворг и принес свою коллекцию старинных икон в дар. Конечно, я потом понял, что иконы коллекционировать нельзя, они существуют для того, чтобы через них поклоняться святым, Господу Богу, Иисусу Христу и Силам Небесным... К великому несчастью, в 1984 году мой сын умер по ряду стечений обстоятельств в возрасте трех лет и трех месяцев, а через два года, сидя на могиле сына, я обратился к Богу со словами: «Господи, если ты есть, пошли мне другого сына, чтобы он в точности был похож на первенца». И произошло чудо — моя вторая жена, жена перед Богом, принесла мне сына. Это первое чудо, которое мне, как человеку, показал Бог — мол, ты попросил, я тебе дал. После первого соприкосновения с Богом я стал искать Его. Поскольку до этого года здесь не было Православных церквей, в возрасте 10 лет, то есть в неосознанном возрасте, я был крещен в церкви Сурб Саркиса. В середине 80-х сюда начали пробиваться различные секты, показывать свои фильмы (я посмотрел один фильм, он мне не понравился), потом я познакомился с человеком, который позвал меня в свою так называемую общину, как я потом понял, это были «пятидесятники», они раньше собирались на лоне природы, и когда я увидел, как они

начали впадать в экстаз, кто-то что-то бормотать, кто-то плакать, я ушел. После этого я стал посещать секту кришнаитов. Тогда их так называемый храм находился в районе часового завода, там я задержался на полгода. Пройдя этот путь, я задал представителю данного вероисповедания вопрос: «А исцеляет ваш Кришна от каких-либо физических недугов?» Он ответил: «Нет». Это мне не понравилось, и я ушел. Говорили, что Кришна в переводе означает Христос, а на самом деле Кришна означает «черный» и не имеет никакого соединения с Христом, с Истинным Вечным светом. После этого Божьей милостью я стал ходить в Церковь Воскресения Христа. Раньше здесь настоятелем был игумен отец Георгий, который в настоящее время является настоятелем Церкви Александра Невского уже в сане архимандрита в Тбилиси. Начинать я с того, что был прихожанином, потом пел на клиросе, читал Псалмы. Какая-то сила мне говорила, что все мои предки были Православными, я принял крещение по Православному обряду, потому что понял, что к этому стремилась моя душа. В 1999 году отец Георгий меня повез к Патриарху Всея Грузии Илии, который дал мне сан дьякона. В 2000 году меня рукоположили в сан иерея, в 2001 году — в сан протоиерея, в 2003 году — наградили Золотым Крестом и дали право ношения Митры.

— Кто в основном Ваши прихожане?

— Приход в основном русский, приходят и православные армяне. Грузинская диаспора, составляющая в Ереване более 250 человек, не проявляет своего активного посещения церкви, хотя есть прихожане грузины. Активным прихожанином является представитель администрации МИДа раб Божий Гочо, который одновременно мне прислуживает и является пономарем. Поскольку церковь у нас Воскресная, служба совершается по субботам и воскресеньям, а также по великим и двенадцатым праздникам.

— Какова история этого храма?

— Раньше на территории церкви Сурб Геворга располагался монастырский комплекс. До 1973 года здесь находились военные склады, охраняемые советскими войсками, и церкви, конечно, были недействующими. В 1983 году открылась церковь Сурб Геворга, а потом стараниями раба Божьего Мартироса была восстановлена наша церковь, в которой, по словам Божьим, присутствовала мерзость запустения. В 1987 году эта церковь стала действовать как Грузинская Православная. Тогда, как я уже сказал, настоятелем был архимандрит Георгий, который был направлен сюда Патриархом Всея Грузии с территории Абхазии. Когда приход открылся, было много представителей русского населения — прихожане стояли даже на улице, поскольку внутренняя часть маленькая, всего лишь 12 на 6 метров, было невозможно всех вместить. Когда произошел резкий отток не только русского, русскоязычного населения, но и армян, приход весьма и весьма сократился, но службы продолжают. Ведутся они на церковнославянском языке и прихожане в большинстве русские и русскоязычные.

— Язык службы имеет значение? К примеру, армяне не проповедают на русском языке...

— Когда были известные события 90-х годов в Приднестровье, я беседовал с беженцами из Молдавии, которые бежали в монастырь на территории Одессы — они, не зная церковнославянского языка, после службы сказали: «Мы стояли в церкви и не понимали языка, но нам так было хорошо и у нас текли слезы благодати». Значит, истинная служба и стремление к Богу не имеют языкового барьера, то есть душа принадлежит Богу, и когда человек стремится к Богу, даже не понимая языка,

душа приходит в умиление. Конечно, языковой барьер тоже имеет какое-то завлечение в церковь. Но поверьте, если человек стремится к Богу, все-таки язык не будет являться преградой. Главное — стремление, потому что Бог касается каждого человека. На распятыи Господь именно так расставил руки, потому что призывает нас, своих детей: «Придите ко мне, и я успокою вас». Одно дело понимать, что Господь зовет нас, но мы настолько все стали материализованы в этом мире, что зачастую отворачиваемся.

Преимущество Бога перед сатаной в том, что он человека не насилует, он просто говорит: «Я есть». Но в Евангелии Господь говорит, как широки врата, ведущие в вечную гибель и как узки врата в Царствие Небесное. Человек является индивидуумом, и его воля свободна. Человек может сам избирать — идти ли ему в церковь, в секту, к материальному...

— В Армении очень много святых мест, но ощущение их святости утрачивается. Почему?

— Приходится констатировать тот факт, что святые места Армении, к примеру, Гегардский монастырь, попираются. Женщины заходят в храм не только без головного убора, но и в шортах и топиках. Разве можно в таком виде приходить в дом Божий?! Нужно вводить ограничения, чтобы люди, даже приезжающие из-за границы посмотреть армянские святыни, понимали и осознавали, что они входят в святое место. Это вопрос очень глобальный и очень болезненный, но его должны решать представители армянского духовенства. Церковь нужно посещать в соответствующем виде, чтобы и человеку это не было грехом, и нам, а то получается, что мы какие-то материальные доходы ставим выше, чем пагубу души человеческой. Эту проблему нельзя решить в одночасье. Опять же СМИ — телевидение, радио, газеты должны доводить до осознания человека истинное подвижничество, тем более что каждый человек, в частности в Православии, когда он крестится, а в конце совершается постриг волос во имя Отца и Сына и Святаго Духа, даже живя в миру, становится иноком, который должен служить Богу.

К сожалению, в Армении нет института монашества. К примеру, Святая гора Афон, монашеская республика, где монахи являются молитвенниками за весь мир. На территории Армении, к сожалению, уже полторы тысячи лет или чуть меньше нету правильного монашеского института, нет именно тех молитвенников, которые молились бы за свою армянскую землю.

Отец Арсений (Русская православная церковь)

О положении Русской Православной церкви в Армении, милосердия и многом другом беседа со священником Свято-Покровского храма Русской Православной церкви в Армении отцом Арсением Григорянцем.

— Отец Арсений, расскажите, как вы стали священником?

— Это долгая история. Я, будучи еще студентом, интересовался духовной жизнью, осознав, что кроме материального мира существует еще другой мир — духовный. Мои поиски начались издалека — с восточных религий, с так называемых неоязычества и теософии, потом постепенно я пришел к сознанию истинности христианства, крестился в Армянской церкви, был прихожанином церкви Зоравор, но мои исследования на этом не закончились — постепенно я пришел к истинности Православия. Присоединился к Православной Церкви, нес определенные церковные послушания, пел на клиросе, потом пономарил. С благословения отца Владимира, настоятеля Покровского храма, был рукоположен в дьяконы, а через год — в священники. Так я стал православным священником.

— Что значит для вас русская церковь и русская культура вообще?

— Здесь есть очень важный момент: христианство наднационально. По слову Апостола, во Христе нет ни иудея, ни эллина. Но тем не менее существуют поместные Церкви. В армянском сознании быть армянином и быть членом Армянской апостольской церкви почти одно и то же. Русская церковь воспринимается армянами как церковь русских. Ярким примером этого подхода на государственном уровне является Управление по делам национальных меньшинств и религии в аппарате правительства РА. Два совершенно разных вопроса — нац. меньшинств и религии — рассматриваются одной структурой, следовательно, считаются очень близкими. Это национальная особенность Армении. Только у армян есть понятие «ай кристонья», то есть армянский христианин. Вселенское Православие не знает подобного понятия. Есть поместные церкви, которые имеют свои национальные особенности, но все они исповедуют наднациональность христианства. У армян это вызывает недопонимание. Человек, воспитанный в армянской традиции, размышляет так: почему армянин в Русской церкви? В русской церкви должны быть русские. Мне это видится несколько иначе: я не в церкви русских, хотя и являюсь священником Русской Православной Церкви, а в одной из поместных Церквей Вселенского Православия, куда входят и русская, и грузинская, и греческая, и сербская, и американская, и японская православная церковь... И так 16 поместных православных Церквей по всему миру, которые составляют единую Вселенскую Православную Церковь. В отличие от ситуации с Армянской церковью, которая одна такая. Армянская церковь — это церковь армян: было даже церковное правило, запрещавшее рукоположение в священники не армян. Таких правил во Вселенском Православии просто быть не может.

Я ощущаю себя армянином, несмотря на то, что, получив русское образование, фактически воспитан на русской культурной традиции и думаю по-русски. В Армении я уже 22 года, и эта земля стала мне родной. Не собираюсь никуда уезжать отсюда. Скажите мне, кто больше армянин, тот кто получил армянское образование, но хочет жить, учиться работать в Европе, Америке или России, или тот кто пишет по-армянски с ошибками, но хочет закончить свои дни здесь, в Армении? Видимо, есть такая социальная группа — «русские армяне» — армяне по национальности, воспитанные на русской культуре, к числу которых и отношу себя.

— На ваш взгляд, почему Армянская церковь отделилась от Вселенского Православия?

— Да, когда-то у нас была единая история и единая традиция. Это было до V-VI века, когда произошло разделение, существующее до сих пор. Это разделение не является случайностью, потому что на протяжении полутора тысяч лет было много попыток восстановить единство и все они оканчивались неудачей, в то время как геополитическая ситуация менялась многократно. Отсюда вывод: попытки объяснить разделение политической конъюнктурой или иными случайными или сиюминутными причинами не состоятельны. Примером разделения по политическим причинам является — раскол между Русской Православной Церковью (РПЦ) и Русской Православной Церковью Заграницей (РПЦЗ). РПЦЗ не принимала коммунистический режим, а РПЦ вынуждена была как-то существовать в реалиях этого режима. Как исчезла политическая причина раскола, сразу произошло объединение. Никакой внутренней проблемы не было, вопрос был внешнеполитический, поэтому на уврачевание его потребовалось несколько десятилетий. В ситуации с Армянской церковью полтора тысячелетия не помогли. Здесь конфликт более глубокий и коренится он в вероучении. Это надо осознавать, потому что нам часто сегодня говорят, что, во-первых, разделение было случайным, во-вторых, носило политический характер. Такая концепция несостоятельна.

— Как вы можете охарактеризовать взаимоотношения властей и Русской Церкви в Армении?

— Можно сказать, что отношения близки к идеальным. Несмотря на то, что Православная Церковь несправедливо, на наш взгляд, воспринимается как церковь национального меньшинства и в общем-то не находится в центре общественной и культурной жизни в Армении, отношение властей и чиновников к нам можно охарактеризовать как доброжелательное. Нам достаточно часто идут навстречу, оказывают содействие.

— Что сейчас происходит вокруг Русской Православной Церкви в Армении?

— Строятся женский монастырь, новый храм и представительство Святейшего Патриарха в Армении, восстанавливается храм в Канакере, в дальнейшем планируется восстановление храма в Ваназоре. Русская Церковь присутствует в Армении, и она развивается, живет своей жизнью. По нашим исследованиям, на территории Армении существовало порядка 60 Православных приходов в царское время, на сегодняшний день действующих храмов всего 4 и еще одна часовня. Все остальные либо полностью уничтожены, либо пребывают в запустении. Еще раз повторю, что Русская Православная церковь не позиционирует себя как церковь русских. И наш Святейший Патриарх Кирилл неоднократно подчеркивал, что РПЦ — это не церковь русских и не церковь России. Это — многонациональная церковь, объединяющая представителей порядка 100 национальностей, каноническая территория которой — практически весь бывший СССР.

Беседовала Елена ШУБАЕВА-ПЕТРОСЯН

СТИХИ ПОЭТОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

Лала Амирбекова (Азербайджан)

Утреннее

...А сны струились светлым водопадом,
как если солнце растворить в шампанском,
и было где-то около семи,
когда запели утренние птицы
и за окном потягивался май,
и радовалась ваза на серванте —
ведь в ней стоял букет твоих ромашек...
и в зиму нынче верилось с трудом,
хоть где-то мокли нефтяные вышки
и дрейфовали шхуны рыбаков...
ты чутко спал, ты слышал шелест листьев
и ароматы ворожбы на кухне,
и мы не задвигали занавесок
для безымянной кошки со двора...
мы миновали тысячу затмений
и выпустили стаю белых птиц.

Таис

Милая Тикси, город настиг туман:
Не открывай окно — поплывет в мансарду.
Праздник уж скоро. Слышится со двора:
Дети шалят — в прохожих летят петарды.

Милая Тикси, мир изначально прост
Как дважды два, как яблочное повидло...
Не задавай себе гамлетовский вопрос,
Ведь риторичность слишком уж очевидна.

Милая Тикси, выгляни, будь добра,
Из-под тревоги, грусти устрой облаву —
Ведь под сугробом снежного серебра
Спрятано сердце цвета кипящей лавы.

Милая Тикси, так извелась душа.
Полно лить слезы, хватит баюкать боли,
Только подумай — как была хороша
Таис Афинская, жгущая Персеполис!

Эла Гочиашвили (Грузия)

Купорос

Стоит ли подниматься на отвесную скалу?
Чтобы убить себя, идти в такую даль?!
А в деревне,
Откуда хочешь, падай, —
Интересно, с какого такого 16-го этажа...
Ружье, веревка и купорос —

Выбор кахетинских самоубийц.

... Господи, чем-нибудь помоги

Заблудшим самоубийцам...

В одном из стихов я Нанию упоминаю,

Ту Нанию оставил вдовой

Дед Ваню — мой сосед.

«Ваню, отравившийся купоросом», —

Вот и все,

Что я о нем помню!

Все остальное — воображение,

Спутавшееся с воспоминаниями...

... Господи, чем-нибудь помоги

Заблудшим самоубийцам...

Как только баба скрылась с глаз,

вынес из погреба втихаря (наверно),

и над кособоким тазом

горсть раскрыл (наверно),

и высыпал купорос — небесным порошком.

Подхватив с пола, вскинул на колено прохладный кувшин (наверно),

Вылил воду в таз (наверно),

Перемешал,

Перемешал буковой щепкой,

Подскребывая (наверно).

Растворил небесный порошок, —

Глянуло жидкое небо

Из крестьянского таза

Единственным глазом

Голубоглазого великана (наверно)...

... Господи, чем-нибудь помоги

Заблудшим самоубийцам...

Всю жизнь травил виноградник купоросом,

А однажды взял, и себя отравил (наверно)

... Господи, чем-нибудь помоги

Заблудшим самоубийцам.

Избавь,

Избавь

От горького скитания

И в конце тамошнего виноградника

Высади сорняком

Или козленком привяжи где-нибудь

Там —

В корнях тенистого персика,

Усталую душу деда Ваню, —

Красивейшим из ядов

Себя убившего.

Если любила его, схорони

Схорони мертвеца,

Скорее, скорей схорони мертвеца.

Пока он еще похож на того,

Кем был,

Кого ты любила.

Пусть это сходство не остановит тебя,

Не введет в заблужденья,

● ТОЧНЫЕ КООРДИНАТЫ

Опомнись
И в чистой земле былого
Схорони мертвеца драгоценного.
Чем сильнее ты любила его,
Тем усердней должна схоронить.
Скорей схорони!
Пока запах, от жизни оставшийся,
Не собрался, как шлейф, не развеялся,
Пока на него черви сытые не набросились,
Схорони мертвеца драгоценного.
Вот лопата!
Вот гроб!
Вот гвоздь!
Возьми это все, схорони его!
Укрой одеялом,
Утепли и в прошлом оставь навечно,
И не выкапывай.
Если и впрямь любила, схорони.
Если и впрямь любила, оставь его там.
О способная на любовь!
Не считай меньшим дара любви
Искусство и дар
Схоронить мертвеца драгоценного

Перевод Дмитрия ЛОСКУТОВА

Отар Чиладзе (Грузия)

До свиданья, мое дорогое, мое
Желанье (надежда) несбыточное...
Довериться тени твоей суждено,
В какой бы ни был я пыточной.

Я уже от всего отошел. И — покой,
Как за день до потопа всемирного.
Меж стиснутых век, как сердце твое
Бьется, мне свет подмигивал.

Другие убежали — было время,
В то время — глину рабства вновь месил я.
Кому сегодня вверить думы бремя,
Чьи сны бы мое имя осенило...

И вот мой лист, он тоже опадает,
Мои следы сметает зимний ветер.
Потусторонний холод пробирает,
Ты распахнешь мне двери в этот вечер.

Ни головой о стену и ни воплем
Не изменить привычный облик мира.
И пустота в руках, и боле —

Раздует боль бесформенным порфиром.

И в сердце плещет умершее море,
И в мыслях грома ложного раскаты.
И поделом мне? Только это — доля
Ступившего на этот свет когда-то...

Сам уходящий встает и уходит —
Бесится море от капельки лишней.
Я-то сильнее считал себя, — вроде
Больше ошибок никто не припишет.

А в результате... я тоже им сломлен —
Время мне — гром среди ясного неба.
Все же, как долго (ответил бы кто мне)
Течь суждено так Куре, Мтквари этой...

Перевод Дмитрия ЛОСКУТОВА

Елена Шуваева-Петросян (Армения)

Суматошное время

Механическая девочка с шариком голубым в руках
Ступает по кругу в туманном рассвете.
Драматическую сагу о странных каких-то временах
Шепчет она, мечтая о коркинете.
Героически терпит ядовитую синеву небес,
В песке увязают уставшие ноги.
В праотцах ее значится красноречивый лидийский Крез,
Ее опекали когда-то все боги.
Скоморошное солнце изменит спокойные краски враз
И отразится в каждом ее движеньи.
Суматошное время. О! Капли из механических глаз!
А впереди — очередное рожденье.

Гадание

Гадание
О будущем
Гадала на хрупкой снежинке.
Она растаяла.

О будущем
Гадала на крыльях бабочки.
Она улетела.

Раскрыла ладонь —
Линии волосы Медузы Горгоны.
Ловлю ее взгляд
И медленно каменею.

Весна. Рождение души

С ночи свечи не гашу —
 Потом в утро
 Их огонь переносу —
 Может, мудрой
 Мне сегодня суждено
 Обернуться.
 Свет забрезжил уж в окно.
 Окунуться
 В ледяную полынью
 Мне осталось.
 У зимы я на краю —
 Совсем малость
 До рождения души.
 Пой же, зорька!
 Льда последние гроши
 Звонко-горько
 Раскатились по земле
 И исчезли.
 Как легко сегодня мне,
 Твои песни
 Я услышала во сне.
 Провозвестник
 Поскакал здесь на коне.
 Весны крестник!

Час Ы

Я беспокойна — к часу Ы
 Стремится стрелка на часах,
 И в тихих странных голосах
 Я жду пророчества весны.

Я беспокойна — вновь в окно
 Стучится раненый листок.
 Еще судьбы один виток,
 Еще мгновение одно.

Я беспокойна — в буром дне
 Земля уходит из-под ног.
 Еще сегодня мудрый Бог
 Писал закон, что не по мне.

В плеске раннего утра,
 В лучистой улыбке
 Со скрипучего наста
 Ныряю я в осень —
 В приозерной там зыбке
 Туманная паста
 Застелила твой след,
 Уходящий в закат.

Ереван. Фото Елены Шуваевой-Петросян (Армения).

Поколение листьев —
 Узорчатый плед —
 Разойдется по жилкам
 И станет вновь прахом...
 Мне держать снова путь
 В остеклованный замок
 И порывистым взмахом
 Закончить строку.
 В всплеске раннего утра,
 В лучистой улыбке
 Возвращаюсь я в зиму,
 В свою же тоску...

Анна Полетаева (Армения)

Пока есть место музыке одной,
 Не жалуйся напрасно и не сетуй,
 Что дирижер стоит к тебе спиной...
 Достаточно приглядываться к свету
 На лицах музыкантов, наблюдать,
 Как палочка летает невесомо —
 И музыку вбирать, как благодать,
 Как весточку желанную из дома
 Покинутого, кажется, навек —
 Но ждущего свидания с тобою...
 Не жалуйся напрасно, человек,
 Что дирижер стоит к тебе спиной.

Он обернется, только отзвучит
 Все то, что им намечено, до ноты...
 Прекрасен — и ничуть не нарочит.
 Такой, каким и выдумал Его ты.

Не зря все так, под Рождество...
 Сначала виделось издевкой —

● ТОЧНЫЕ КООРДИНАТЫ

Тбилиси. Фото Карена Маркаряна (Латвия).

Пусть ненамеренной, неловкой:
Мол, как, еще ты ждешь его,
Святого праздника, когда
В душе твоей черно и пусто —
Как будто там травили дустом
Последних в эти холода
Безумных бабочек, что так
Неосторожно вдруг дожили
До ледяной кружащей пыли
И ветра яростных атак?..

Но праздник будет. И звезда
Взойдет, от смерти не завися —
В такой надмирной, тихой выси,
Где нет обиды и стыда
Ни за себя, ни за других —
И все таким одарит светом,
Что станет ясно: в мире этом
Все лишь для бабочек. Для них
Вся наша боль и маета,
Все наши радости и муки —
Чтоб им взлететь. И сесть на руки
Новорожденного Христа.

Сусанна Арменян (Грузия)

Девяностые годы? А что — девяностые годы?
Анекдоты приходят нагие и без бороды,
Говорить на другом языке скоро выйдет из моды,
И без боя сдаются вишневые наши сады...
Дома нечего есть, кроме чайной заварки и соды.
Колбаса — это просто фаллический символ еды.
Стуток хлеба — полнее самой полночной звезды.
Тьма нежна, и бесхозны окоплодные воды.
Неприглядное зрелище — роды свободы. Во льды
Не вмерзают уроды. Ползут языки и народы
Хлебной очередью, за собой заметая следы.
Мы бредем по Тбилиси, как собственные антиподы.
Мы впотьмах и спросонок. Нам платят нули за труды.

Пьяный город, скучая, дозором обходит штрих-коды.
Кто-то чудом спасется. А кто-то умрет молодым.
По прохожим стреляет декабрь. Девяностые годы.
Выдают по талонам (без фильтра) отечества дым.

Левый
полузащитник
напал
на правозащитника

здравоохранение
обороняется
от безопасности

на скорой помощи
приехали
грабители

я пишу стихи
от балды
до лампочки

Нарцисс (отрывок)

1.
Весна. Нарцисс купил букет нарциссов
И подарил их самому себе.
2.
Нарцисс склонился над ручьем,
И отражение его сказало:
«Не пей, Нарцисс, — нарциссом станешь!»
3.
С детства Нарцисс был мальчиком на побегушках.
Однажды мама ему сказала:
«У тебя, что, никакого самолюбия нет?».
Тогда Нарцисс крепко задумался...
4.
Нарцисс у зеркала стоял
И собирался бриться.
А отражение его сказало:
«А, ты уже бреешься моей бритвой!..»

Я изучаю тебя. Ты — каратэ.
Все к тебе сведено.
Из тебя мне — два выхода.
Первый дан. Второй дан. Третьего не дано.

О ПИВЕ И АВТОБУСАХ

1.

Я ехала в автобусе, на котором
Было написано:
«Чрезмерное употребление пива
наносит вред вашему здоровью»...
И я подумала —
Это ли не повод
Для написания стихотворения
Верлибром!

2.

Сидя уже в другом автобусе,
Я проехала мимо автобуса,
На котором было написано:
«Чрезмерное употребление пива
наносит вред вашему здоровью»...
И подумала —
Это ли не повод
Для написания второго стихотворения
Верлибром!

* * *

Говорю тебе —
Приюти у себя дома
бездомную книжку
дай ей крошек
погладь по спинке
из старой газеты сделай обложку
из розовой ленточки сделай закладку
назови ее деткой
загляни в нее
поглубже
и ты почувствуешь
как душе твоей
становится лучше

Дмитрий Лоскутов (Грузия)

Родине

О родине. Ты все же где-то есть:
Я слышу по утрам твой птичий окрик.
Ношу с собой твой виноградный крест,
Я весь в тебе — тебе пусть этот подвиг.

Ты прячешься от взгляда моего,
Ты ускользаешь от моих процессий.
Я исходил квартиру — на восток —

Тутовый путь и тутошние цеси.¹

Откликнись. Хоть на одинарный клик.
Найди меня вКонтакте — Регионы.
Пять миллионов жаждущих калик, —
А ты
Забанена админом за поклоны.

Твой — самый эротичный Интернет,
На .ge пустого нет лоточка.
О, родина, переходи на net.
Запрос не найден. Точка. Точка. Точка.

Ты спрятана в мухранских погребках,
Исчерпана боржомским водолеем,
Изношена, искошена в стога,
Все одиноким парусом белея.

*

Я выхожу на ахашенский шляхт
И тут же спотыкаюсь от волненья.
Спускаюсь в трюмы виноградных яхт,
И будто сквозь меня идет броженье.

Я пузырюсь и лопаюсь на раз
От важности купажного букета.
Мне открывает люк старик Малхаз,
И песня не испита и не спета.

Я подан — то есть подданный — к столу,
С меня стирают чоху паутины.
Снимают шапку, я струюсь по дну.
Ты пьешь меня, и мы теперь едины.

* * *

По накатанному, исписанному
Уводили слова по карнизам, но
Я цеплялся за взгляд наблюдателя —
Не подруги, но и не приятеля,

Не радетеля суть соглядатель,
Но поддакивала поддатель
Подоспевшая осень, разбросанная
По слогам, что остались прозоу.

Растоптав вдрызг карнизы серебряные
Чудо-взглядами псевдопреданными,
Я сорвался. И тут все припомнилось:
Те же рельсы, наверно — к осени.

¹ цеси — правило (груз.)

Александр СТУПНИКОВ

РУССКИЕ ЕВРЕИ АЗЕРБАЙДЖАНА

«Шли два героя с турецкого боя. С турецкого боя — домой...» Бабушки, расцветая многоголосием, были красивы и светлы. Каким-то внутренним светом, свободным, словно громадные поля за околицей, переходящие в горную гряду. Уже Ирана. Все они были исконно русскими: и по виду, и по разговору, и по крестьянским платкам. Разным по узору, но обязательно с преобладанием белого цвета. Мне кажется, надо еще поискать такие просветленные славянские лица в российской глубинке. Но все они были иудеями. А себя с городостью называли «геры», «последние» — из последней общины. В приграничном азербайджанском захолустье, под нависшим с юга персидским соседом.

Я узнал о русских герах, как это часто происходит, случайно. Хотя и не совсем. Люди случайными не бывают. В ту поездку, с камерой в сумке и штативом за плечами, я уже пять дней снимал в Баку и в Кубе, моей главной цели и давней мечте: посмотреть и снять единственный город в мире, кроме Цфата (но то — в Израиле), где почти триста лет живут одни евреи. Таких городов больше не осталось. В самом конце поездки, почти за сутки до обратного самолета, мы с друзьями сидели в ресторанчике, где между мясом и овощами я «рубил» азербайджанского певца с его удивительно мелодичными, под национальный инструмент, песнями. Где я потом дома буду искать народные напевы этой страны?

— Значит, так, — говорили друзья — завтра у тебя последний день, ночью — самолет. Будем гулять, есть вкусное и париться в нашей бане. С мастером-банщиком, чтоб запомнил.

— А далеко отсюда, — ответил я — деревни молочан, русских духовных христиан, отвергающих иконы? Вроде есть несколько. Интересно, как они живут сегодня, в независимой мусульманской стране.

— Далекое, — объяснили мне — Но главное, мы никого там не знаем. А так, с улицы, они разговаривать не будут.

И тут один из гостей сказал:

— Есть другое, совсем неизвестное. О герах слышал? Русские по национальности, но иудеи по вере, живут на границе с Ираном. Я знаю руководителя общины. Только туда дорога плохая, часа четыре ехать.

Ну какой тут разгрузочный день? И я поехал на юг, к Ирану...

Одноэтажное село геров оказалось, на удивление, большим и не бедным — правда, уже в основном азербайджанским. В советские времена здесь было богатое хозяйство, выращивающее овощи, табак и даже свой сорт винограда. Было — да сплыло. Вместе с коренными жителями. Во дворе обычного вроде дома, который оказался и центром общины, и синагогой, меня уже ожидали геры. Русские бабушки, сдержанные, деликатные, но, как оказалось, скорые на язык и, на удивление, свободные мужчины. Никакой позы и стеснений. Словно всю жизнь их снимали журналисты, а не в первый раз.

Все они — остатки некогда большой и процветающей группы русских иудеев из Поволжья. Еще в XVII веке их предки, крестьяне, приняли иудаизм, посчитав, что Ветхий Завет, то есть Тора — данная через евреев миру Книга Книг, а Евангелие писали уже люди. Потому они и приняли иудаизм, как первоисточник веры от Всевышнего, вопреки всем своим, таким же русским, но православным соседям. В конце XVIII века гонения на них приняли серьезный характер. Всех русских, соблюдающих Закон Моисея, погнали в кандалах на юг, на границу с Персией.

От православных подальше, чтоб не смущали и как заслон. Если и вырежут, то не жалко. Их оставили у большого дубового леса, из которого потом и поднялись дома русского села Привольное. Название дали такое, потому что власти оставили ссыльных в покое, не вмешиваясь и даже не забывая в рекруты. Еще бы, геры соблюдали все 613 иудейских заповедей ещё более тщательно, чем ортодоксальные евреи. Вскоре сюда же выслали и других русских иудеев, субботников. Несмотря на незначительное различие в вере, они старались не смешиваться.

Земля здесь оказалась плодородная, и община процветала. Накануне русской революции село нередко называли «маленьким Иерусалимом». Здесь действовали две синагоги, и говорят, что Привольное было самым большим поселением русских иудеев в царской России.

Геры женились только на своих и на еврейках, с этим было строго. Браки организовывали родители, учили иврит, соблюдали традиции, на косяке дверей обязательно прибивали мезузу, старательно возделывали землю. Хотя песнопения пели еврейские, а песни — русские. Женщины, выйдя замуж, занимались подготовкой к субботе, пекли хлеб, следили за кашрутом и покрывали голову.

— А как же, — объяснила мне одна из них — Чтобы свекр мои волосы не увидел. Грех это...

Революцию они поддержали. И даже воевали в этих же краях с мусульманскими националистами. На посиделках бабушки вдруг решили мне показать «их» песню, о своём и соседнем селе, где поселились, кстати, тоже сосланные русские духовные христиане — молочане. После бодрого запева, они неожиданно хором затянули — «Грянем ура, чекисты боевые, за новую республику, за новые права...».

Советская власть, оклемавшись, отблагодарила по-своему. Кого-то вскоре «раскулачили» и сослали. Закрыли синагоги, пристроив здания под складские нужды. Как везде и со всеми в стране. Свитки Торы и выброшенные на улицу книги геры попрятали по домам, сохранив. Им также запретили учить иврит. И даже — молиться.

Во время войны многие геры были призваны на фронт, и общий памятник погибшим землякам до сих пор стоит в селе — с русскими фамилиями и инициалами (имена-то у всех еврейские). После смерти Сталина жить стало легче. Они по-прежнему старались не пускать чужаков в село, а их коллективное хозяйство под названием «Красный партизан», в память о временах Гражданской войны, было одним из передовых в Азербайджане. Власти, правда, ходили по домам и брали расписки, что эти странные русские не будут молиться своему еврейскому Богу. Они давали — а что делать? Но молились тайно и свято соблюдали субботу. Правда, иврит забылся, и они уже давно произносят молитвы в переводе на русский язык или читают русскую транскрипцию еврейских молитв.

Все рухнуло после распада Советского Союза. Из республики стали массово уезжать русские — туда, где можно было зацепиться. И евреи, которым разрешили выезд куда угодно. Многие геры уехали тогда в Израиль, Германию, США. Их, как евреев, признавали везде. В начале девяностых в Азербайджане произошел экономический коллапс, усугубленный войной. Колхоз распался, поля стали зарастать, работы не было, и практически все молодые и трудоспособные геры разъехались окончательно. Последняя свадьба в их селе была в 1994 году. Немного смешно, но еврейское брачное свидетельство, ктубу, они называют «ксивой». А «хупу», балдахин, под которым женят молодых — «венчанием». Брошенные дома стали скупать азербайджанцы. Новая власть дала людям местную «золотую» землю, колхозное имущество прихватили по дешевке приехавшие из города

коммерсанты. Из геров в селе остались только пенсионеры и те, кто принципиально отказывается уезжать. «Здесь, — говорят — в этом селе наша Родина, наши предки и родители. И мы останемся с ними».

Живут они за счет приусадебных участков и при помощи еврейской благотворительной организации «Хесед» в Баку, которая привозит в общинный дом-синагогу продуктовые посылки, медикаменты, одеяла, — короче, то, что жизненно нужно. Их-то за двадцать последних лет осталось менее тридцати человек. Из примерно пяти тысяч, в основном, новых жителей села — азербайджанцев.

— С мусульманами мы раньше не очень сталкивались, — объяснили мне, — держались сами по себе. Но азербайджанцы толерантны к евреям и, значит, к нам. Национальных трений не было и нет. Но в России многим уехавшим пришлось трудно. По паспорту они русские. Русские и есть. А веру иудейскую как там соблюдать? Не поймут.

— Но ведь все ваши мужчины обрезаны?

— Конечно. Как положено по Закону. И не в больнице, — объяснил один из геров, — старики наши все делали сами. Пацану грудному губы водкой помазали, он закричал. Обрезание сделали, сиську дали. Он замолчал. На другой день уже словно ничего и не было.

Последние геры держатся за свои традиции. Может, поэтому и стесняются признаться, что их не забрали к себе дети. Тогда, на новом месте, соседи сразу увидят и узнают, что эти русские — совсем как бы не русские. А непонятно как, но евреи.

Дело шло к сумеркам. Надо было возвращаться в Баку — к самолету. Они толпой вышли провожать к машине и долго смотрели вслед. Мне было тепло с этими людьми. И легко. И грустно. Но я не почувствовал, что они одиноки. У них, пока живы, есть свои могилки, своя история и жизнь. И тающая на глазах, но еще живая община. Главное, есть своя вера, почти двести пятьдесят лет. Которой три тысячелетия. А с верой не бывает одиноких. Какому бы Богу человек ни молился.

Мария ЭКСЕР

СМОРОДИНОВОЕ ЛЕТО

Я ненавижу летние каникулы. Меня отправляют в лагерь. Когда я была совсем маленькая, я мечтала отдыхать в пионерском лагере, создать команду, стать Тимуром, не Женькой, именно Тимуром, выследить нарушителя границы и сдать его отважным... но ни один пионерский лагерь не находился вблизи государственной границы. Даже маленькой паршивой гранички не было рядом.

Коджорский пионерский лагерь: грохот музыки, подростки трясутся в диком танце. Смеются. Девочки такие красивые, в нарядных джинсовых коротеньких юбочках, с заметными грудками, их заметно даже под джинсовыми курточками. Мальчики все на подбор высокие, храбрые. Я смотрю на них... через пыльную дорогу и сквозь 2 забора. На мне клетчатые шорты, красивая маечка со львенком на спине, волосы распущены, справа и слева заплетены в косички, как у краснокожих, в блестящих каштановых волосах заколки с божьими коровками. Челка чуть-чуть закрывает мне глаза, которые смотрят на танцующих девочек и мальчиков. За спиной слышно Димкино обиженное сопение. Мне 7 лет.

— Ну, ладно, ладно, я поставлю эту твою Рикииповери.

Я отворачиваюсь от движущихся фигур и вижу, как Димка взбегают на второй этаж дома отдыха, позорно обзываемого всем поселком «детсадом». Откуда-то сверху гремит и валится моя любимая песня,

заглушая дискотеку взрослых. Едва слышны крики возмущенных. В окне появляется гордый Димка.

— Ты довольна? Маха, ты зануда!

Я улыбаюсь ему и киваю.

Ко мне и к Димке приехали наши мамы и папы. Они привезли недельный запас фруктов, овощей, конфет, новые книжки, чистую одежду. Сегодня родительский день. Сад пуст. Я веду родителей по комнатам, потом увожу в любимую беседку на границе с лесом. Там прохладно и пахнет грибами.

— Сыростью! — говорит Димка.

— Грибами и земляникой.

— Сыростью, грязью и плесенью!

— Плесень не пахнет, дурак!

— Сама дура!

Я тут же ударила Димку, он ударил меня в ответ, мы сцепились, но наши родители нас растащили.

— Дима, как можно так с девочкой обращаться?

Это тетя Марина, мама Димки.

— Нельзя так с мальчиками разговаривать

Это уже моя мама.

— Да разве это девочка? Это... — бубнит Димка какое-то нехорошее слово сквозь ладонь, зажимающую ему рот.

— Да разве это мальчик? — протестую я.

Папы наши курят, разговаривают и даже не успевают заметить нашу битву полов.

Снова подкралось лето. Меня отправили в самый лучший лагерь — в Бетания. Там красивый монастырь далеко в лесу, заколоченный дом 18 века с привидениями и несметными нетронутыми сокровищами. А еще в лагере корты, пустой бассейн и гамаки по всей территории. За них идет битва.

Это спортивный лагерь. Быть там мне не положено. Туда вообще сложно попасть. Даже спортсменам. Но мамина приятельница тетя Лия устроилась туда работать воспитателем, и желая за что-то отблагодарить маму, забрала меня туда на одну смену. Спортсмены мне завидуют. Я не тренируюсь. Сплю, когда хочу, гуляю, где хочу, объедаюсь пирожками и освобождена от пионерской линейки в силу своей политической незрелости. Я еще октябренок. Да еще все отряды уводят в дурацкие культпоходы, а меня оставляют в лагере, и все гамаки мои.

Суббота. Мне порядком надоели спортсмены со своим лагерем. Я прошусь домой. Папа пахнет бензином, рукава сорочки закатаны, папа, видимо, опять готовится к гонкам. Мама кажется уставшей. Попросила потерпеть еще две недели, чтобы спала жара в городе. Будущее в виде авансов: два месяца у бабушки в деревне или полтора месяца дома в городе и две недели с мамой на море. А папа? Папа работает, пока вы с мамой отдыхаете, ответил папа. Мама смотрит в сторону.

Мы с мамой идем по тропинке. У мамы в руке корзинка, в которой обычно она в конце мая и весь июнь с базара приносит клубнику, а в августе малину и ежевику. Мы садимся на траву, мама достает из корзинки две ярко-красные пластиковые тарелки и два стаканчика с крышками. Не пластмассовые противные своей мягкостью, а пластиковые, твердые тарелки. Руки мамы кладут мне на тарелку большущий кусок мясного пирога. Он почти горячий. От пирога вкусно пахнет. На блестящей корочке

● ТОЧНЫЕ КООРДИНАТЫ

листик из теста. Как настоящий. Мама умеет делать листочки и ромашки из теста, а еще заплетает картофельным пирожкам косички.

Я давлюсь, так мне вкусно.

— Не спеши, еще есть. На, вытри руки.

Мама снимает крышку с красного пластикового стаканчика и протягивает мне стаканчик с перетертой смородиной. Я счастлива. Мясной пирог, тертая смородина с сахаром, а в центре мама, вокруг лето. Так пахнет и выглядит мое счастье.

— Я не поеду.

— Поедешь.

— Не поеду.

— Поедешь.

Руки мамы застегивают тяжелую сумку с моей одеждой. Я реву.

— Я не поеду!!! — буквы выпрыгивают из моего рта, неузнанные мамой.

— Там свежий воздух, лес, твоя беседка, там Димка.

— Я в детский сад не поеду! Я взрослая! Мне уже 9 лет!!! — обретаю я голос.

— Потому и едешь, что взрослая. Там маленькие дети, в этом году группы большие. Ты, Димка и Сережка будете помогать воспитателям.

Я недоверчиво шмыгнула носом.

— Димкина бабушка одна не справится. Даже не знаю... вы там будете не совсем легально... по возрасту же не подходите уже... — мама вышла из комнаты.

Нелегально? Здорово!!!

Тихий час. Сережка пересчитывает печенье в коробке под одеялом.

— Спишь? Пойдем в сад.

— Иду! — шепотом кричу я в ответ.

Жарко. В ушах звенит.

— Слышишь? — слышу я Димку.

— Слышу.

Это жара стрекочет.

Мы с Димкой как опытные акробаты обошли нашу беседку по самому краю перил, сплели венки из ромашек. Венки брошены кучей на деревянные скамейки. В центре беседки круглый стол завален нашей добычей. Клейкими шишками, лесными орехами, ягодами, грибами, щавелем. Сережка плачет где-то в кустах.

— Там крапива! — говорю я. Перескакиваю трещину в перилах, допрыгиваю до столба и обхватываю его руками. Сердце колотится.

— Там еще и колючки, — отвечает Димка, перескакивает ту же трещину и догоняет меня.

Вдвоем мы вытаскиваем младшего брата Димы — пухлого Сережку. Ноги у него в складках, волдырях и царапинах. Мы промываем ему ранки водой из крана, сажаем на траву и от шортиков до коричневых сандалий залепляем его листьями подорожника. Димка на голову ему надевает венок из ромашек, сверху второй венок из незабудок, дает поиграть круглыми зелеными шарами. Я поправляю очки. Шары превращаются в незрелые грецкие орехи в мягкой пятнистой шкурке. Сережка счастливо улыбается.

— Тебе плохо? — над кроватью появляется круглая Димкина голова.

— Уйди.

— Прости.

— Уйди.

Я борюсь с тошнотой. Димкина голова куда-то исчезает, но потом появляется стриженная макушка, и виноватые глаза, не моргая, смотрят на меня.

— Хочешь, я тебе принесу печенье?

— Хочу.

Я не ужинала со всеми. Меня тошнит почти весь день. Нас наши лежащими вокруг крана с родниковой водой на бетоне. Сережка и Димка таращили свои глаза, но подняться сами не могли. А я, говорят, была зеленая, и тихо-тихо ругала Димку всеми словами, которым меня научил Димка в то лето. Это Димке пришла идея в голову покрасить мне губы коричневым соком от кожуры грецких орехов. Очень красиво. Как настоящая помада, губы становятся красными. Только мы не знали, что сок кожуры ядовит и губы лучше не облизывать.

Печенье вкусное.

— Димаааа...

— Что?

— Меня тошнит.

— Подожди, я сейчас.

В углу комнаты что-то громыхнуло.

— Вот.

Меня выворачивает в большой жестяной таз, который откуда-то приволок Дима. Он очень переживает. Он придерживает мне волосы, пока меня тошнит. Димка друг!

Я лежу в траве, прямо перед носом трава. Одна упрямая травинка клонится к моему носу и мешает читать. Книга старая, листья, ой, страницы книги пожелтели. Буквы крупные, четкие. И рисунки такие странные. Очень интересные картинки. Как мультфильм. Книга про чукчей. Как к ним пришла Советская власть и научила жить в домах. До этого чукчи были дикие, ели сырое мясо тюленят и жили в меховых домах. Они носили шубы круглый год, потому что там снега много.

Что-то твердое упирается мне в живот, мешая разглядывать картинки. Я совсем забыла. Вместе с книгой, дедушка привез мне ровно пять круглых желтых яблок. Правда, я люблю твердые хрустящие красные или зеленые яблоки, но дедушка не запоминает таких мелочей. Я очень обрадовалась дедушке. Они приехали с Зорей на дедушкином москвиче. Зоря — это моя ненастоящая бабушка. Она никому не бабушка. Она жена дедушки. Зоря с дедушкой подарили мне связку из пяти бубликов, пять желтых яблок и эту книгу. Бублики мы с Димкой съели за завтраком. Очень вкусные бублики. Особенно, если разрезать каждый бублик пополам, а потом вдоль, согреть на сковородке, и помазать маслом.

Зашумела машина возле ворот. Я спряталась в траве. И тут левее себя заметила в траве, на расстоянии вытянутой руки, много земляники. Ягодки прятались в траве. Мы тут каждый день бегаем и ничего сверху не видели. Димке надо показать. Хотя лучше собрать ягодки, пока он тут не потоптался.

Я повернулась прямо на солнечные лучи. Протянуть руку к землянике не успела, пришлось зажмуриться. Солнце стало красным и теплым.

— Ты не простудишься, ребенок? — услышала я мамин голос и осторожно открыла правый глаз. Мама стояла прямо передо мной. Волосы распушились вокруг головы, маму окружил тонкий ободочек света, всю целиком. Я открыла левый глаз, увидела на маме мой любимый утиный сарафан. На ощупь сарафан был гладкий и прохладный,

но когда мама его надевала, мама становилась желтой и пушистой, как утенок. Или цыпленок. В желтом у мамы всегда было хорошее настроение, и, улыбаясь, вот как сейчас мне, она наклоняла голову к правому плечу. И в глазах у нее было что-то очень любимое, что-то, что оберегало меня, защищало от всего темного и сырого, недоброго, что любило меня всегда. Мама — солнышко.

Мы с Димкой сидим притихшие. В большую комнату нас не впустили. Там говорят вполголоса взрослые.

- Ты можешь заткнуться? Я хочу послушать.
- Ничего не услышишь. Двери закрыты.
- Если замолчишь, я услышу.

Так мы узнали, что у наших двух одноклассниц, близняшек Иры и Илоны, умерла мама. А их папа дядя Боря и старшая сестра Маша будут одни воспитывать девочек. Я слышала, как наши с Димкой мамы сказали слово «вшей». Дима подумал, что они собираются что-то нам сшить. А я поняла, что когда у ребенка есть вши, то у него нет мамы. У меня тут же зачесалась голова, и я заплакала.

- Ты ничего не забыла?
- Нет, папа.
- Иди, попрощайся с воспитательницами и мальчиками.

Димка стоял надуленный, но радостный. Он теперь командовать будет всеми. Малыши с восторгом смотрели на него.

Я дотащила до нашей машины соломенную сумку с книжками. На самом верху лежала книга, подаренная дедушкой, и последнее желтое яблоко. Меня посадили на заднее сидение, сумки положили в багажник. Соломенную сумку мама взяла к себе. Я помахала рукой всем, и приготовилась к дороге домой. Папа сел за руль, машина задрожала, вкусно запахло бензином. Мама через окно говорила что-то Диме, тот кивал головой. Потом Димка подошел к моему окну и тихо сказал:

- Лучше бы я тебя не спасал — И ушел руки в брюки.
- Папа дотронулся до книг. Мама увидела его глаза. И я увидела.
- Отец приезжал — сказал папа. Мама повернулась ко мне.
- Это книга из библиотеки?
- Нет, это мне подарили. Это моя книга.
- Кто подарил? — в зеркальце отразились папины глаза.

Я почувствовала что-то неладное.

— Зоря, — не так уже звонко сказала я. — и дедушка — тихо добавила я.

— Дедушка привез тебе книгу про освоение Чукотки, бублики и яблоки? — ноздри папиного носа вздулись.

- Саша, не надо.
- Ни граммом больше: ровно килограмм яблок, пять бубликов и идиотская книга.

- Саша, давай потом. Смотри, она напугана.
- Я не понимала, почему папа так злится.
- Папа злится на меня? — я шепнула это маминой шее.
- Нет, ребенок, папа на тебя не злится. Все хорошо.
- Папа злится на дедушку?

Взревел мотор машины, ответить мне никто не успел. Мы поехали. Меня быстро укачало, за несколько секунд. Я начала сползать по стеклу. Последнее, что я увидела перед тем, как уснуть, это было желтое яблоко, вылетевшее из окна машины. Папа терпеть не мог желтых яблок. . .

Лейла МАМЕДОВА

КАДРЫ, ВТОПАННЫЕ В СЛЯКОТЬ

Никогда! Никогда не топчите пушистый снег, если его можно обойти! И даже если нет поблизости расчищенных тротуаров, не спешите. . . Куда нам спешить? Тем более в такую стужу. . . Скоро ведь, совсем скоро, прорежется из-за пузатых облаков оранжевое стеклышко, заблестит над бледным городом, растопит все пушистое. . .

Хруст. И тяжеленным сапогом втоптать в землю грязь. Хруст. Испачкать царственную белизну. Хруст. . . Во внутреннем кармане куртки вибрирует мобильный телефон.

- Папочка, уже приехали врачи!
- Как она?!
- Не знаю, папочка. . . Но, кажется, она не дышит!

Вагиф оборачивается. Вереница следов, изогнутой линией тянущаяся от начала парка, заставляет вздохнуть и трусливо зажмуриться. Сколько же таких грязных, уродливых следов плетется за ним на протяжении всей жизни, начиная с раннего детства? Везде, везде, в грустных глазах прохожих, в ежащейся от мороза бездомной кошке, в ниспадающих с деревьев листьях, ему мерещится собственная вина. Он виноват, виноват, виноват. . . Сморщив от отчаяния лицо, запрокидывает голову и вопрошает: «Господи, хватит ли у Тебя когда-нибудь сил простить мне это?» Небо угрюмо молчит, отмахиваясь от его нелепых вопросов очередной горсткой снежинок, напоминающих конфетти.

Воспоминание. Порядком поднадоевшее, но назойливое, остро-сюжетным фильмом захватывает в объятия. Разорванными кадрами. Чик-чик. Не убежать.

За окном благоухают акации, мама печет вишневый пирог, а Вагифу шесть лет. Он кучерявый, смуглый, энергичный, но грустный, потому что никто его не хвалит, никто не щиплет за щечки и не угощает конфетками. А Максуда, младшего брата, все любят. Максуд пухленький, голубоглазый, веселый. «А вы видели, как он рисует? — хвастается мама. — Да это же не ребенок, это талант!».

За бессмысленные каракули, которыми Максуд портил тетради и газеты, хвалили, а за то, что Вагиф выигрывал в игре «кто дальше плюнет», только ругали. «Конечно, думал Вагиф, все замечают только способности Максуда, а до моих им и дела нет».

Как-то раз, когда братья остались дома одни, Вагиф, подбрасывая в воздух мяч, нечаянно разбил мамину любимую кружку. Ой! Мама будет недовольна. Осколки разбитой кружки нужно подмести и, вернувшись в старую газету, спрятать.

- Маме ни слова, понял? — предупредил он брата.
- Брат помолчал, подумал, поковырял в носу, а потом заявил:
- А я все равно маме скажу.
- Только посмей, я тебе дам! — накричал на него Вагиф и пригрозил кулаком.

Раздался стук в дверь. Максуд, предварительно показав брату язык, выбежал в коридор и уже через пару мгновений до слуха Вагифа доносился писклявый голос.

- Мама! А Вагиф твою кружку разбил!
- Какую кружку?
- Ну, ту, что тебе бабушка подарила на день рождения. Разбил, а потом хотел спрятать. И еще сказал, что меня побьет. Вот.

Ком подступил к горлу, терпения не оставалось, умильный голос Максуда вызывал отвращение. Со злостью швырнув на пол газету,

предназначенную для уничтожения улик, Вагиф выбежал в коридор и с размаху ударил Максуда кулаком в живот.

— Негодяй! — выкрикнула мама и, схватив Вагифа за ухо, оттащила от брата. — Пусть отец вернется домой, я ему все скажу! Он тебя выпорет!

Дверь оставалась настежь открытой, и Вагиф, негодя от обиды, горя желанием врезать брату еще раз, выбежал вон.

Два этажа вниз, через двор, минуя соседние улицы — подальше. Лишь бы подальше. Черт, кипело где-то внутри, «Максуд у нас просто умница, Максуд такой хороший мальчик». Как же! Ябеда и сплетник! Подлиза! Почему все его так любят? И мама... Мама всегда защищает... выгораживает этого подлеца...

Начинается одышка, ноги отказываются нести дальше, и приходится остановиться. Брызнули слезы. Зачем мне такой брат? Ненавижу его, ненавижу!

Пошарив в кармане, нащупал карамельку, развернул и засунул в рот. Немного успокоился, плач превратился во всхлипывания.

Тут кто-то грузно положил на левое плечо Вагифа тяжеленную руку и нарочно покашлял. Вагиф, утерев почти высохшую слезинку, осторожно обернулся и исподлобья посмотрел на незнакомца. Перед ним стоял пожилой человек со странной внешностью. Лицо, исполосованное старческими морщинами, со впалыми щеками и тусклыми глазами, напоминающими впадины; седые, как февральский снег, волосы, аккуратно зачесанные назад и даже зализанные гелем; трясущиеся руки, опирающиеся на трость. И в противовес всему этому восхитительная осанка, дорогой костюм болотного цвета, и казалось, словно из этого странного старика, — которого и стариком-то называть язык не повернулся бы, — вдруг хлынула такая энергия, что расхотелось плакать и всхлипывать, а захотелось выглядеть сильным, самоуверенным и взрослым.

— Как нехорошо, — хриплым голосом выдавил из себя старик и снова, словно нарочно, закашлял. Вагиф, инстинктивно, как учила мама, прикрыл рот рукой, чтобы микробы, опять же — по словам мамы, не переехали жить к нему. А старик продолжал: — Моего маленького мальчика кто-то обидел? Почему ты плачешь?

Вагиф выжидающе молчал, сжимая в руке конфетный фантик.

— Ты думаешь, вот пристал старикашка, — шуточно продолжал он, — А я-то ведь не простой старикашка, а волшебный. Вот ты скажи мне, кто тебя обидел и я накажу этого негодника. Да так накажу! Ууух! — с этими словами он пригрозил кулаком невидимому противнику.

— Что ты можешь ему сделать? — вдруг ответил Вагиф. Никакие воспитательные уроки матери не могли заставить его обращаться к старшим на «вы».

— А вот увидишь, — он подмигнул.

— Максуд, — признался Вагиф. — Меня обидел Максуд, мой брат. Я ненавижу его! Все думают, что Максуд лучше меня!

Конфетный фантик улетел вниз, на землю. Проглотилась сосулька.

— Какой кошмар, — старик даже причмокнул губами, — Какой ужасный у тебя брат! Не волнуйся, получит твой Максуд по заслугам. Все, утри слезки.

Неприятное чувство. Мурашки заерзали по коже и начали танцевать. Вагиф опустил глаза и принялся внимательно разглядывать белые, с синими полосками по бокам, кроссовки. Синяя полоска, белая полоска. Ой, наступил на фантик. Максуда накажут, а мама забудет про любимую кружку. Когда он поднял голову, никого уже не было рядом.

«Старый врун!», промелькнуло в голове. Хотелось есть. И, тяжело вздохнув, Вагиф поплелся домой.

В тот вечер, как ни странно, никто не стал его ругать, а Максуда выпороли, как следует. Оказалось, что после ухода Вагифа Максуд умудрился довести маму до истерики. Возликовало сердце, мысленно поблагодарил незнакомца с седыми, аккуратно зачесанными назад волосами, и показал брату язык.

С тех пор братья стали меньше ссориться. Максуда уже не окутывал ореол пушистости, родители перестали восхищаться его талантами, ибо таковых у ребенка уже не наблюдалось. Никто не мог этого объяснить, но Максуд перестал рисовать, взрослым уже надоело щипать его за щеки и осыпать благословениями, и он, по словам родителей, окончательно испортился.

Жизнь шла своим чередом. Казалось, что мальчиков поменяли местами. Но на самом деле Вагиф оставался прежним, изменился только Максуд, на фоне которого теперь любой ребенок сошел бы за ангела. «Окончательно отбил от рук», «неизвестно, что из него вырастет», «в кого он такой пошел?».

Хорошо быть любимчиком в семье! Хорошо! Только вот иногда, по вечерам, за обеденным столом Вагиф обнаруживал того самого старика, который равнодушно черпал столовой ложкой мамин борщ и многозначительно ему подмигивал. Он никогда не разговаривал. Всегда хотелось спросить у мамы, почему этот незнакомец ужинает с ними, и все делают вид, будто его нет. Но что-то останавливало, пугало... Однажды, смачно вымазав тарелку хлебом, старик посмотрел на Вагифа в упор и заговорщически спросил: «Ну как, сынок, тебя никто не обижает?». Тело предательски съезжилось, ложка выпала из рук и, минуя край скатерти, покатила на пол. «Нет», вырвалось само. Все взоры обратились на Вагифа и мама, наклонившись к сыну, тревожно спросила: «Ты кому? Что случилось?». «Никому, мам, просто так», — тоже вырвалось произвольно. Мама подняла ложку, положила ее перед тарелкой Вагифа и растерянно пожала плечами.

Старик перестал появляться.

Годы летели перелетными птицами, словно боялись куда-то опоздать. Летели быстро, незаметно, отвлекая школой, играми, драками, детскими мыслями. Безжалостно вырывали детство, вручая взамен сомнительные праздники, которыми люди прельщались и не замечали, как дорого они им даются. Как жестоко каждый праздник, которого в детстве ждут, нетерпеливо считая дни, приближает к неминуемому исходу; как цинично взрослые вырывают листки календаря и бросают их, смявши в комок, в мусорное ведро.

Несколько бесцветных кадров пролетают перед глазами. Навязчиво, тревожно, заслоняя белизну вечерних улиц, безжалостно отрывая от настоящего, от пространства и времени, в котором блуждает тело. Кадры ползут незаметно. Чик-чик. Не удается вырвать из них что-нибудь конкретное, четкое, все расплывается в общих красках и, сопровождаемое еле-слышным хрустом под ногами, уплывает в подсознание. Но вот, раздвигая перед собою обобщенные видения, на передний план выходит —

Дети, визжа, заливаясь смехом, носясь по школьному коридору, наполненному приятным гулом. Мальчишки и девчонки из девятого «Б» столпились вокруг своего веселого одноклассника и, развесив уши, внимают его очередной басне.

Он опрятен, немного умен, красив. Когда он придет домой, его похвалят за очередную пятерку и приведут в пример младшему брату. Младший брат стоит поодаль, возле лестницы, нахмурившись и прижавшись к стене, и глядит себе под ноги. Он никому не интересен. Скучен, двоечник, неряха и вообще, «нахвтался дурных манер». Если к нему подойти и спросить, в чем дело, он нахмурится пуще прежнего и, может, даже накричит. И заявит: это вообще не твое дело! Обидеться на него — не получится. Потому что жалко...

Он, младший брат, пытался учиться. Не получилось. Пытался «исправиться». Не получилось. Пытаться надоело.

Чик-чик. «Вагиф просто умничка!». Чик-чик. «Не понимаю, как так могло получиться... Сглазили Максуда. Сглазили». Чик-чик.

Тихий вечер. Запах, лениво протягивающийся из кухни, предвещает котлеты на ужин. Уроки сделаны и надоело играть. Задумчивость. Бедный Максуд, бедный Максуд, бедный Максуд... Кажется, совесть.

Вагиф вскакивает с кровати, бежит на кухню, дергает маму за халат.

— Подожди еще минут пять, все вместе сядем кушать, — ласково отвечает она и пытается прогнать сына из кухни.

— Мам, — робко, и совсем неожиданно для мамы, спрашивает Вагиф, — А помнишь, когда я был маленький... С нами часто ужинал один незнакомый старик...

— Какой старик? — она на мгновение забывает про котлеты, которые пора перевернуть.

— Ну, незнакомый... Богатый, кажется...

— Никогда с нами незнакомые, да еще и богатые старики не ужинали, — улыбается. Взъерошивает сыну волосы. — Уже пятнадцать лет, а все еще ребенок.

Споткнулся. И прямо в снег. В грязный, истоптанный, мокрый. Нравится? А никто и не думал, что придется споткнуться... До главной городской улицы еще долго: десяток пустующих, покрытых снежной коркой, скамеек, два киоска и детские качели, одиноко покачивающиеся от дуновения ветра. Нужно спешить... Она может умереть. Веки темными шторами загородили белый цвет и "to be continued" оказалось неизбежным.

«Возьми пример с брата! Окончил университет, отслужил в армии, машину себе купил. Словом, стал человеком! А ты? Только и знаешь, что деньги родительские пропивать! Того и глядишь, превратишься в алкоголика!».

Чик-чик.

Люди каблуками озвучивают заасфальтированные тротуары и улыбаются весне. Их — бесчисленное множество, но все они разные и всех их сегодня Вагиф искренне любит. Потому что небо — под цвет новой рубашки. Потому что надушены прохожие — приятными ароматами. Потому что на работе — да здравствует фортуна! — успехи! Шагами размашистыми по дорожке неровной. И тут, в многоликой толпе, зеленеет знакомый брючный костюм. Вагиф догоняет.

— Наиля! Привет! — сердце в груди бьется встревоженной птицей.

— Ой, привет.

— Ты куда?

— Домой, у племянника сегодня день рождения, вот, выходила подарок ему купить. Смотри, нравится?

Извлекает из сумочки милую мягкую игрушку: два розовых поросенка, прижатых друг к дружке красноватыми пяточками.

— Смотри, как славно! — восторженно оттягивает их друг от друга, затем отпускает и поросята, связанные ниточкой, приклеенной к их пяточкам, начинают тянуться друг к другу в сопровождении доносящейся из их розовых животиков песенки.

Ах! Небо сегодня так подходит и настроению, и ее чистым голубым глазам, и всему-всему, что сердцу дорого. Вагиф давно знал Наилю, уже четыре года, как она переехала жить в соседний двор. Ее родители завязали знакомство с родителями Вагифа, и с тех пор они часто встречались на семейных торжествах. И всегда она ему нравилась. Хоть видел он ее крайне редко, но пришел к выводу, что Наиля — замечательная девушка, что нравится она ему больше всех остальных и что не прочь он на ней жениться. Хорошая девушка, всплескивали руками родители, будем только рады видеть ее невестой в нашем доме.

Сегодня, когда небо такое доброе, когда люди вокруг такие любимые, когда глаза у Наили кажутся необыкновенно родными и нужными, Вагиф решил начать с ней отношения.

— Давай, я провожу тебя, все равно мне по пути, — как в самых романтических романах.

— Нет, спасибо, — улыбка сменилась серьезностью. Уголки губ опустились. — Я сама.

— Да нет же, давай провожу.

— ... — взгляд в сторону.

— Мы же друзья, Наиль... разве не так?

— Да... но, понимаешь, ... меня могут увидеть и не так понять.

— Как это «могут не так понять»? Ты разве замужем?

Она сложила славных розовых поросят, положила обратно в сумку и вполне внятно объяснила.

— Понимаешь, Анар, мой любимый человек, сейчас в армии. И я его жду. Но ты же знаешь людей, ... если его друзья увидят меня в сопровождении другого парня, поднимут панику.

— А... да... понимаю...

— Ну ладно, я пойду. Привет родителям! Привет Максуду!

Развернулась. Ушла.

Привет Максуду. Макс... предсказания родителей сбылись. Максуд стал алкоголиком... Не учился, не работал... Максуд...

Чик-чик. Чик-чик. Вагиф не любил Наилю. Ему, черствому человеку, казалось, что любить он вообще не умеет. Но почему тогда так предательски сжималось сердце, когда родители заводили о ней разговор? Почему он стал ненавидеть незнакомца по имени Анар? Наиля должна стать моей женой, должна, словно мантру, повторять он про себя. Зачем? Каприз? Пусть так. Но Наиля стала для него навязчивой идеей.

— Ну как, вернулся уже Анар?

Отмечали золотую свадьбу родителей Наили в узком кругу друзей и близких, в число которых входила и семья Вагифа. Торжественно накрытый стол, аккуратная сервировка, праздничные блюда. Вагиф сидел справа от Наили, которая, пригубив бокал вина, приступила к обслуживанию гостей. Вопрос был задан почти шепотом.

— Что? Анар? — она накладывала «столичный» салат в тарелку Максуда, который выглядел на этом торжестве очень нелепо. Напоминал бомжа. Бесперывно болтал глупости.

— Да, Анар, — никто его не слушал, все были заняты своими делами. И громче: — Вернулся из армии?

— А? Из армии? Скоро, через две недели, — сообщила она.

— Налейте мне еще! Еще! — вдруг потребовал Максуд. — Немедленно! Хочу сказать тост!

Кадры, кадры... Они не беспорядочны, они четко следуют один за другим, в точности воспроизводя последовательность событий, о которых хотелось забыть. Некоторые кадры пролетали обобщенно, появляясь отдельными фразами, лицами, мыслями.

«Слышали, у Наиля объявился жених», «Жаль, мы-то думали, они с Вагифом как-то...», «Свадьба через два месяца», «Почему Вагиф перестал ужинать дома? Почему постоянно грызется?», «Сынок, забудь ты ее».

Улица дышит невыносимым зноем, по лбу ползут капельки пота и стекают на холеные щеки. Утром он видел Наилю. Просто видел, поговорить не удалось. Но впечатлений... Что за Анар? Какого черта? Я люблю ее! Врал. Самому себе. Но и это не помогало.

От удушливой жары можно было задохнуться. Вагиф, решив насладиться баночкой пива, направился к ближайшему супермаркету, и, зайдя в него, облегченно глотнул целительного воздуха, которым дышал кондиционер.

Минувя прилавки с ненужными ему кондитерскими изделиями, затем полочки, загроможденные женским нижним бельем, Вагиф набрел-таки на искомые баночки пива и с наслаждением протянул руку к одной из них. Когда он, обхватив прохладный напиток рукой, собирался поднести его к щеке, кто-то положил руку на левое плечо Вагифа, тяжелую руку...

Невольно выпустил банку пива из рук. Она с грохотом свалилась на кафельный пол, подпрыгнула на месте, а потом закатилась под соседний прилавок.

— Ну что, сынок, — противно зазвучал бас за спиной, который не преминул тут же смениться кашлем, словно по давней традиции. — Никто тебя не обижает?

Смятение, страх, тоска... Обернулся, чуть ли не зажмурившись. Не может быть! За двадцать лет старик только помолодел! В глазах заискрился огонек, щеки стали выпуклыми, и трость у него была словно символическая, ибо не упирался он ею о пол, а только держал в руках.

— Слышь, старик, — почти заикаясь, начал Вагиф. — А я ведь не хотел, чтобы Макс стал алкоголиком...

— Нууу, — с иронией протянул он. — Хотел, не хотел, а так уж вышло.

— Но...

— Сынок, стар я стал совсем — зачем-то соврал он, — нет у меня времени разглагольствовать тут. Ты мне скорее говори, обижает кто-нибудь моего мальчика или нет? Если обижает, устрою ему взбучку. Скорее только, а то пора мне уже.

Неужели он думает, что кто-то способен повторить эту ошибку? Пальцы сжались в кулак, к горлу подкатился ком, Вагиф собирался замахнуться на старика.

— Ну, раз тебя никто не обижает, — заключил старик, — я тогда...

— Постой! Анар... Пусть просто Наилку отпустит...

Неожиданно. Для самого себя.

— Ах, вот оно что? — старик всплеснул ладонями, — Ах негодник, ох уж мне этот Анар!

На этот раз он растворился бесследно.

Расплакалось небо проливными дождями и затопило знойное лето бесконечными лужами, въевшимися в потрескавшуюся поверхность асфальта. «Анар бросил Наилю, какой негодяй!», «Негодяй — еще не то слово!».

Чик-чик. Чик-чик. Чик-чик. Очень быстро... не успеть, не исправить, не залатать...

Выла вьюга, снег заносил одинокие тротуары, небо стало меньше рыдать, но по-прежнему оставалось хмурым, а Наиля вышла замуж за Вагифа. Потом, спустя пару месяцев после свадьбы, до них дошли слухи, что Анар умер от рака печени...

Тупо уставившись в телевизор, Наиля заламывала пальцы на руках, отчего они противно хрустели и Вагиф, завидев это зрелище из соседней комнаты, сказал:

— Не хрусти пальцами, а то в старости руки трястись будут.

Она с трудом оторвала равнодушный взгляд от телевизора, повернула голову к мужу. Видимо, пыталась вникнуть в смысл его слов.

— Я дура, — заключила она.

— Наильчик, что-то стряслось? — забеспокоился Вагиф и, ментально оставив в покое мышку, встал из-за компьютера и подошел к ней. — Эй, эй, ты чего, что за слезы?

Она потупила взгляд, сжала руку Вагифа в своей и зарыдала.

— Как я могла подумать, что Анар меня бросил... Господи, какая же я дура... Он просто знал, что болен, понимаешь? — голос ее постепенно перерастал в рев. — Разве это справедливо? Справедливо?

— Не справедливо...

Но это ничего. Люди рождаются и умирают, умирают и рождаются. Анар умер, Наиля родила двоих детей. Мальчика и девочку. И жизнь превратилась в подобие сказки.

Привет Макс. Макс по-прежнему бездельничал, слонялся по улицам и пил водку, что, как и следовало ожидать, окончательно взбесило родителей. Они отказывались содержать его, кормить и даже нервничали, когда он ночевал дома.

Максуд зачастил в гости к брату, деваться ему было больше некуда. Завтракал, обедал, ужинал, иногда оставался ночевать. Максуда жаль. Но терпеть его сложно. Он вваливался домой к брату пьяным, постоянно ругался с Наилей, «портил» детей.

● ТОЧНЫЕ КООРДИНАТЫ

Вагиф все терпел. Иногда хотелось накричать на него, ударить, выгнать из дома. Но он, как подобает самому достойному и благородному брату, все это сносил.

Наиле приходилось гораздо сложнее. Во-первых, Макс был для нее чужим человеком, а во-вторых, она, в отличие от мужа, целыми днями сидела дома, и порой ей приходилось терпеть иждивенца с утра до вечера.

— Конечно, тебе легко говорить: «брат, брат», ты же не видишь, что он тут целыми днями вытворяет! — ее истерики, которые она устраивала по ночам, выводили из себя, но приходилось стойко сносить и это.

— Наилечка, вот увидишь, я найду ему работу, и он перестанет к нам ходить, потерпи еще, потерпи. — Приходилось неустанно врать.

Двое мальчишек пронесли мимо и бросили в него снежок. Прямо в затылок. Отряхнулся. Вытер краем рукава сопящий нос и, собравшись с силами, поднялся. Нужно спешить... спешить. Спешить. Хруст. Хруст. Невыносимо и как будто не с ним.

Прочь! Рукой — странный жест, словно отгоняет от себя нечистую силу. Не хочется больше кадров, фильма, чик-чиков... Чик-чик. Чик-чик.

Вот-вот Вагифу должно исполниться тридцать пять. Пурга на дворе взбесилась и принялась швыряться громадными хлопьями снега, которым, к счастью, не удавалось сбить его с ног, но щетинистое лицо стало мокрым под растаявшими колючими снежинками. Он ступал по снегу (точно сегодня), внимательно вслушиваясь в его хруст и, приподняв заиндеветший воротник пальто, размышлял о жизни. Когда пришел к выводу, что жизнь сложилась вполне благополучно, рука, сжавшись в кулак, уже тарабанила в дверь. В квартире слышались крики, но ничего нельзя было разобрать толком.

На пороге появилась Наиля, в нарядном платье, с красивой прической, но совсем не улыбающаяся Наиля, не такая, какую он должен видеть в свой день рождения. Губы ее дрожали от ярости, щеки пылали, а в руках она держала куртку Максуда.

— Посмотри, — начала она истеричным воплем, — посмотри, что он наделал! Он испортил нам праздник! Он так кричал на меня, что испугались даже дети, они спрятались в своей комнате! Сидят там и режут!

Зажмурив глаза, она обхватила шею мужа и начала рыдать, держа плечами.

— Он портит нам жизнь! — слышалось сквозь всхлипывания.

Глубокий вдох. Сколько можно?! Завитушки у Наили теперь черные, а жаль, он полюбил ее с золотыми. Чертова краска. Всклипывания изрыгали соленые слезы на крахмальную рубашку. Стремительные шаги на кухню. Кусая пальцы, Максуд стоял, прислонившись к окну, и переминался с ноги на ногу, бурча себе под нос проклятия в адрес Наили.

— Она обидела меня! — всхлипывал он. — Наиля! Наиля! Она обидела меня!

Обидела. Наиля. Обидел. Максуд. Анар. Только Наильку пусть отпустит...

— Заткнись, — Вагиф схватил брата за ворот рубашки и прижал к стене.

— Брат, она обижает меня...

— Ты видишь старика с тростью? — не своим голосом взревел Вагиф.

— О чем ты? Какого старика? Это Наиля... Наиля обидела меня! — он попытался высвободиться.

Перед глазами расплывалось, рука ослабела и выпустила Максуда.

— Убирайся! — последнее он уже прокричал.

Максуд ушел. Через две недели Наилю сбита машина... Благо, не насмерть.

Только бы жила. Только бы жила. Только бы...

«Ходить она уже никогда не сможет. Позвоночник...», «Я не смогу так жить, я не хочу жить!», «Я тут ни причем, брат, ты знаешь...».

Чик-чик. Вот он, с букетом цветов, стоит перед дверями, перебирает связку ключей. Чтобы получился сюрприз, пробирается в квартиру на носках, почти не дыша. В спальне — Наиля. Над веной застыло лезвие и уже собирается...

— Наиля! — стремглав подбегает к жене, выхватывает лезвие, падает на колени. — Наиля!

Найти Максуда и перерезать ему горло ко всем чертям? Это ничего не могло изменить, да и вправде ли он винить брата?

Потом. Бегал по магазинам, бродил по улицам, заглядывал в рестораны. Но злосчастного старика нигде не было.

Чик-чик. Чик-чик. Уже несколько шагов и он на главной городской улице, полной торопящихся куда-то прохожих, полной Максудов, Анаров, Наиль. Чик-чик.

Уютный ресторанчик. Официантка принесла чашку кофе и булочку с заварным кремом. За окном, оклеенным рекламными постерами, танцует дождь. И много-много разноцветных зонтиков. Что-то гложет изнутри, — даже известно, что именно, — не дает покоя, грызет, выворачивает душу.

— Тебя опять кто-то обидел?

Оторвал взгляд от окна и наткнулся на...

Старик сидел напротив и мешал ложечкой кофе, которого не должно было быть (на подносе стоял один кофе). Хотелось встать и со всего размаху врезать ему по самодовольной роже.

— Я презираю тебя! — выкрикнул Вагиф так громко, что некоторые посетители, сидевшие за соседними столиками, обернулись, в недоумении переглянулись друг с другом, а затем продолжили смачно уплетать свои горячие блюда.

— Не горячись, — он казался спокойным, таким же, как и прежде. Помешав кофе, он отложил ложечку в сторону и преподнес чашку к губам.

— Это ты, ты искалечил жизнь Наиле, — чуть слышно прошепел Вагиф.

— И Максуду, и Анару. Второй вообще помер. — Сквозило иронией.

Спорить? Защищать Наилю? Глупо и безнадежно. У этого старика всегда найдется, что ответить.

— Это все так глупо. — Вагиф наклонился к нетронутой чашке кофе. — Ведь я не хотел, чтобы у Максуда все так получилось, у меня просто сорвалось тогда в детстве, я же ничего такого не сделал против него!

— Сынок, — Вагифа раздражала манера старика называть его сынком, но противиться не было смысла, — Для того, чтобы зло управляло миром, достаточно желать его. Необязательно действовать, достаточно не мешать ему быть.

— Но я не хочу, чтобы миром правило зло! — вспыхнул Вагиф и на него опять обернулись люди, сидевшие за соседними столиками.

— Брось, — он улыбнулся и сделал глоток. — Все, все, даже если они не знают об этом, желают зла, и поэтому я повсеместен.

— Я желаю добра... всем, — прозвучало неуверенно.

Елена ШУБАЕВА-ПЕТРОСЯН

РАССКАЗЫ

Маша и медведь

Для города они были весьма странной парой: очень уж велика она и слишком мал он. Но они жили в деревне, где этот контраст не вызывал никаких эмоций у земляков, которые испокон веков невест выбирали по принципу выносливости — чтобы и хозяйство могла тянуть на своих плечах, и мужа, и детей...

Именно такой и была Маша — сильная, огромная, краснощёкая и плодовитая! Вставала с первыми петухами и весь день вертелась как белка в колесе: огород, корова, муж и пятеро детей. Одень, обуи, напои-накорми, подои и прополи!

За всё это муж, как и подобает настоящему деревенскому мужику, слегка работающему и основательно пьющему, поколачивал жену. Просто так, ни за что! Чтобы показать, что он мужик. Сильный! Маша безропотно принимала «ласку» мужа, считая, что так и должно быть.

Так они прожили вместе лет десять и жили бы так же и дальше, если бы не один случай. А случай вот какой. Приехал в их глухомань цирк! Все жители поголовно — на представление! На приезжих поглазеть, себя односельчанам показать!

Весёлое было представление. Дети визжали от восторга и хватались за животы от шуток разноцветных клоунов. Мужики приосанивались и расправляли плечи, когда свои номера исполняли акробатки и прочие цирковые девицы, сами понимаете во что одетые. А бабы с замиранием сердца следили, как мужик с невиданной в их краях внешностью смело кладёт голову в пасть льва, тоже в их краях невиданного.

А потом красавец-дрессировщик решил побороться с огромным бурым медведем. Мужики спорили на бутылку: кто кого. А женщины переживали за красавца-дрессировщика. Но у артиста и зверя всё было отретировано. Человек победил, пожал Топтыгину лапу и предложил опешившим деревенским жителям провести спарринг с Михал Потапычем. Все мужики почему-то дружно устались в пол, а бабы — предостерегающе в затылки мужей.

— Бескорыстно желающих нет?! А за сто рублей таковые найдутся? — подначивал деревенскую публику циркач.

И тут все ахнули. Деловито засучив рукава, сдув русые пряди со лба, грозно направилась к четвероногому сопернику Мария! Что тут началось — ой, мамочки! То Мишка сверху! То Машка! Маша была, конечно, женщиной полной, но гибкой. Изловчилась она и положила таки косолапого на лопатки. Дрессировщику ничего не оставалось, как вручить победительнице сторублёвку. Деньги для деревни немалые!

Были и аплодисменты, и завистливые взгляды (из-за ста рублей). А потом представление кончилось, и цирк уехал.

Они молча возвращались домой: очень маленький он и необычайно крупная она. И сегодня он гордился своей женой — сильной, статной и красивой. А дома, как бы между прочим, сказал: «Эх, Машка, сколько раз я тебя колотил, а ты мне ни разу сдачи не дала». Она опустила голову и тихо ответила: «Дать-то могла, да детей жалко — вдруг сиротами остались бы...».

Возможно, в городе их посчитали бы странной парой, но они жили в деревне...

— Не смеши меня. Когда ты в последний раз искренне желал своему соседу счастья? Когда ты в последний раз хотел, чтобы повысили твоего сослуживца?

— Я убью тебя!

Передо Вагифом вдруг вырос официант, и озадаченно заглянув ему в глаза, спросил:

— Вам плохо? Может, нужно чем-нибудь помочь?

— Нет, — пришлось сбавить тон, — Благодарю вас, извините, я просто не в настроении.

Когда он отошел, старик ответил.

— Как убьешь? Из пистолета? Отравишь ядом? Повесишь? Да если бы я не был тебе нужен, ты бы никогда не повстречался со мной.

— Нет, ты не реален... Я отказываюсь верить...

— Ох уж мне эти люди, — заулыбался старик, — все так говорят! Как так нереален?

Вагиф озадаченно посмотрел на чашку дымящегося кофе, как некогда смотрел на свои кроссовки. Синяя полоска, белая. Максуд из-за меня стал... Наилка не вынесет такой жизни... Дети. Бедные.

Когда он поднял голову, старика уже не было. Он исчез, не завершив беседы. Хотя, это Вагифу показалось, что беседа осталась незавершенной, ведь на самом деле говорить было больше не о чем.

Чик-чик.

Ему сорок. Дела на работе не идут, Наиля безвылазно сидит дома и сетует на судьбу. Дочка учится хорошо, растёт красавицей и мечтает стать врачом, а сын какой-то замкнутый и сердитый. Если бы удалось найти того мальчишку, который посмел пожелать сыну Вагифа что-то плохое... В лучшем случае он надрал бы ему уши. Но он не знал, кому...

Чик-чик. Полчаса назад, когда он сидел на работе и безучастно блуждал взглядом по тесному кабинету, затрещал мобильный телефон.

— Папа, папа! Мама выпила какие-то таблетки и теперь не двигается!

— Какие таблетки?!

— Не знаю... Рядом с ней... На кровати... Пустая баночка!

— Она дышит?

— Пульс есть!

Звонок в скорую. Сердце из груди — куда-то. В окно. Наспех накинутое пальто. Пуговицы не успели окупиться в петли. Рефлекторно обмотанный вокруг шеи шарф, на редкость медлительный лифт. Не надо!

С приближением к тротуару на главной городской улице снег под ногами становится все грязнее и грязнее, и у Вагифа уже нет чувства вины за свои неуклюжие шаги. На улице полно людей, все они небрежно ступают по земле и даже не задумываются над тем, что, растоптав своими грубыми сапогами снег, ниспосланный с неба, они могут навсегда остаться в грязи и в слякоти. Мы останемся в слякоти! Почему об этом должен думать только он?

Вибрирует мобильный. Опять. Не надо!

— Они откачали ее! Жива!

Все равно сердце не вернется на место, а пальто застегивать лень. Домой. К ней. Сейчас. Но будет еще завтра, и послезавтра, и послепослезавтра... И баночки с лекарствами продаются в каждой аптеке. А повод она всегда найдет... Хруст, хруст, хруст...

Голову запрокинул назад, глаза устремил ввысь, остановился и вдохнул всей грудью свежий морозный воздух. Господи, если у Тебя когда-нибудь хватит сил, если Ты когда-нибудь сможешь остановить Свои слезы... пожалуйста, прости нас.

Материнская доля

— Сыночка! Сыночек! Я прошу тебя, прошу, остановись! — старая женщина, отчаянно ухватившись за ногу великовозрастного мужчины, распласталась на земле. Испещренное морщинами лицо было залито слезами и подрагивало. Косынка соскочила и седые волосы растрепались по щуплым, почти детским, плечикам. Тело сотрясало от рыданий. Разъяренный сын то замирал, то, будто спохватившись, начинал свободной ногой пинать сухонькое тело женщины. Пинал до тех пор, пока мать не обмякла и не отпустила его ногу. Напоследок он замахнулся пластиковой канистрой и опустил ее на грудь матери. Будто эхо ухнуло в грудной клетке женщины. Она так и осталась лежать на земле, а сын, перемахнув через плетень, исчез в зарослях сада.

В тот день ничто не предвещало бури, но все-таки она случилась. Всю ночь дьявольствовал ласковый Матренин сыночек Федюша: устроил оргии на своем сторожевом посту, обкурившись конопля, богато разросшейся в колхозном саду. Денатурированная бодяга лилась рекой, полуголые потные бабы, одна другой лучше, висли на шее. Ублажи, ублажи, Федюша! Деревенский люд, зная о федыкином пристрастии, мешками тащил колхозные яблоки и груши на свои подворья. А утром пришел сменщик Николай и расчеховстил ватагу одуревших полулюдей. Федька завёлся. Еле держась на ногах, он двинулся на Кольку, но последний его разом скрутил и швырнул в угол. Федька, озлобленно сжав кулаки, двинулся к своей машине. «Жигулёнок» зафырчал и, подпрыгивая, двинулся в сторону села. «Ты у меня попляшешь», — ворчал Федька.

Домой ему возвращаться не хотелось в таком виде — жена, какая ни какая, но все-таки жена опять заведёт волюнку, начнёт грозиться детьми — мол, утоплю твоих выродков в колодце, раз не занимаешься ими. Навострил лыжи к матери. Её двор находился через два дома от его собственного, купленного на материнские кровные. Но поставить машину у маманькиного двора он тоже не мог — выйдет за ворота Антонина и тут же узреет «жигулёнок». И тут, на счастье или несчастье, машина заглохла на кособоре — бензин кончился. «Бляха-муха, — выругался Федька, — ночью кто-то слил!». Что делать? Оставить здесь машину он тоже не мог — замки не работали, обязательно что-нибудь скрутят, пока он будет дрыхнуть на мягком диване. Взял канистру и побежал к матери.

Ворота ворчливо скрипнули, но подались. Мать, засучив рукава, стирала на дворе. Увидев приближающегося Федьку, она радостно направилась к нему, но тут же остановилась: сын еле держался на ногах, его воспаленные глаза воровато бегали по родному двору.

— Федь, ты чё? Чё надоть-то? — осторожно спросила мать.

— Чё надоть?! Чё надоть?! Денег дай, пойду бензин у Стёпки-комбайнёра возьму, — вскричал сын.

— Сыночка, но у меня нетуть ничегошеньки. Пенсия через неделю...

— Ах ты старая выдра! Нетуть у неё ничего! Под матрац, небось, напихала купюр, — зорал Федька, двинувшись к порогу дома. Мать не шелохнулась. Сын перекопал весь дом, ничего не найдя, вылетел и, как коршун, набросился на мать со словами «Где зарыла?». Матрёна плакала, доказывала, что нет у неё денег, умоляла сына остановиться, но он в своей ярости не слушал её. Она схватилась за его сильную ногу — то ли обнимала, то ли пыталась удержать, — плакала и заглядывала ему в глаза, надеясь услышать что-то доброе и ласковое — её

Феденька всегда был ласков... в детстве. Но увы... Последнее, что она увидела, это взлетевшую мускулистую руку сына и канистру.

Сколько она пролежала на земле, Матрёна не не помнила. Но, очнувшись, женщина увидела, что солнце клонилось к закату. Охнув, она сокрушённо вскинула руки, попыталась встать. Тело одолела ломота. На груди разлилась, взбурившись, кроваво-бордовая гематома. Она не помнила об обиде, в её голове вертелась только одна мысль: «Федыкины дети весь день голодные, Тонька опять умотала к подругам». Сгорбившись, постанывая, старая женщина направилась к летнику. Ещё с утра она сварила суп, испекла хлеб и вскипятила молоко, чтобы отнести внучатам — Настеньке и Витеньке...

Мишка

На радость двум маленьким девчонкам-сестричкам кошка Лизка принесла приплод незадолго до их прибытия в деревню к бабушке. Баба Люба хлопотала — принесла в летник коробку подобротнее, заполнила его козьим пухом, перенесла туда роженицу и её трёх слепых детёнышей, утром и вечером приносила для кошки парное молоко и из пипетки кормила котят, которые нередко оставались голодными из-за нехватки корма у их мамашки. Ежевечерняя процедура ухода за кошачьим семейством зачастую затягивалась допоздна. Женщине нравилось быть рядом со своей любимицей, которая дарил ей ласку и успокоение после напряжённого рабочего дня. В эти моменты она неизменно думала о своих детях и внуках. «Вот Маша и Кристина приедут, сколько радости будет! — размышляла баба Люба. — Как слёзно Машуля просила никому не отдавать котят». Внучки её жили далеко — ближнее зарубежье вдруг стало дальним, и девочки гостили у бабушки лишь в летние месяцы. К их приезду баба Люба, вдоволь наскучавшись, тщательно готовилась: малину, смородину, крыжовник поливала от души, ухаживала за огородом, вязала варежки, носки, шарфики и вот ещё котят...

Несмотря на двухчасовую перелёт, а затем шестичасовую тряску на автобусе от города до деревни, девочки после обниманий и расцелований бросились в летник. Почти целый год они ждали этого сладкого момента! И вот он наступил! Кристина бойко погрузила ручонки в ящик и достала два пушистых комочка — рыженького и беленького. «Это мои! Это мои!» — радостно завизжала она. Маша, надув губки, взяла оставшегося котёнка — чёрного, короткошерстного, длинноносого, подслеповатого — обречённо прижала его к себе: «А этот только мой будет». Лизка спокойно сидела в ящике и наблюдала за детьми — каждое лето эта картина повторялась, и кошка была уверена, что девочки не причинят зла её малышам.

Потекла череда дней в восторгах, радостях и заботах. Кристина находила наслаждение лишь в игре с котятками. Она мастерила для них «мышек», нанизывая на нитку шуршащие бумажки, строила домики, шила одёжки, примеряя их без конца на своих подопечных, которые были для неё лишь мягкими и главное, живыми существами. Маша отнеслась к своей миссии более ответственно: во-первых, она разузнала, кто её котёнок — мальчик или девочка, затем подобрала ему имя. Мишка! С первыми петухами она просыпалась, чтобы самой принести парное молочко своему любимцу. Он лакал, сверкая розовым язычком, а Маша приговаривала: «Ешь, Миша, ешь! Расти большим, красивым и умным!». Затем объевшегося котёнка уносила в дом и скрывалась с ним под одеялом в своей постельке. Баба Люба вся

испереживалась: и котёнка жалко — вдруг Маша его случайно придушит под одеялом, и внучку жалко — разве можно лишиться её такой радости?! Потом порешила, что Мишка вовсе не страдает от такой опеки — наоборот, зажатый в объятиях спящей Маши, умиротворённо мурчит и даже не пытается ускользнуть. Мария не расставалась с ним ни днём, ни ночью. Самый лакомый кусочек — Мишке! Самую мягкую подушку — Мишке! Самое пенное молоко — Мишке! И даже попросила купить специальную щётку, чтобы расчёсывать своего Мишку.

Пролетели три радостных в своей суете месяца. Кристина так и не подобрала своим чадам имена, остались они Рыжиком и Бельюньчиком, миленькими и лохматенькими. А Миша превратился в роскошного, важного кота с чёрной блестящей шерстью. Он ходил горделиво по двору за своей хозяйкой, не отступая от неё ни на шаг. А время расставания неумолимо приближалось. И девочка это чувствовала, и кот. Почти каждый день Маша заводила разговор о том, что Мишку нужно забрать в Армению. Её мама отговаривала: «Миша привык жить на воле, и в квартире ему будет очень плохо». Мария доказывала своё, что, мол, она будет его выводить во двор и каждый день выгуливать. Но все уверения оказались бесполезными. Со слезами Маша простилась с Мишей, нафотографировав его на память и наговорив кучу ласковых слов.

В Ереване она каждый день вспоминала о своём Мишке и в подушку плакала. В деревне грустил Мишка, протяжно мяукал у двери, пока не добивался своего — ему открывали дверь и впускали в дом. Он быстым и ловким прыжком оказывался на постельке, где некогда спала Маша, обнюхивал покрывало, ворошил его, маетно бегал от края к краю, потом начинал по-человечьи плакать — громко, навзрыд. Плакал долго, до изнеможения... потом засыпал тяжёлым сном, уткнувшись в Машуткину подушку...

Джекки

Кристина уже который год просит купить ей щенка, но родители отнекиваются, объясняют, как трудно в квартире держать собаку, которую к тому же нужно несколько раз в день выводить на улицу по нужде, а эту обязанность вряд ли кто-либо из домашних может взять на себя. Кристина всё это, конечно, не понимает. Печалится. Потом находит выход, хоть и малоутешительный, но всё же... В самый первый день её жизни кто-то из родственников подарил ей игрушку — небольшого коричневого пуделя с грустными глазами. Именно он должен сейчас стать её питомцем! К его шее она привязывает пояс, имитируя ошейник и... идёт в школу. Опасливо заходит в класс. Завидев учительницу, прячет собаку за дверь и говорит: «Я сегодня не одна в школу пришла, со мной Джекки. Можно он посидит на уроке?» — «Можно!» — удивительно быстро соглашается учительница. Кристина радостно ведёт на поводке своего Джекки, привязывает его к парте и объясняет: «Чтобы он не бегал по классу во время урока, а то будет мешать...». Через какое-то время она поднимает руку и говорит: «Джекки не может так долго сидеть на полу, у него лапы замёрзли. Можно его посадить на парту?» — «Можно!» — благосклонно отвечает учительница. Раздаётся звонок. Кристина выбегает с Джекки в буфет, чтобы купить ему колбаску. Я иду по коридору и вижу тонкую фигурку своей дочки и маленького коричневого пуделя, скачущего за ней на белом пояске. Смогу ли отказать в очередной раз, когда она заговорит о покупке собаки?!

Сандро МЕЙПАРИАНИ

КАК ДОЛГО ТЯНЕТСЯ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

Старость и молодость: они не теряют друг друга из виду, но и не соприкасаются.

ВИКТОР ГЮГО «ОТВЕРЖЕННЫЕ»

Женщина высунулась из окна и помахала ему вслед, потом позвала: «Малхаз, Малхаз...», но крик сразу заглох, поглощенный застоявшимся воздухом сырого двора. Отгнувшись назад и позевывая, она прикрыла распахнутое настезь окно, и солнце сразу заглохло холодное спокойствие стекла.

Малхаз уходил, не оборачиваясь, словно чувствуя, что оглянься он — и все начнется сначала, и он не сможет ручаться ни за себя, ни за нее, ни за открывающее этот день чудесное утро...

Шаги гулко отдавались под каменными сводами подворотни. Кто-то забыл запереть ворота, и легкий сквозняк тянул с улицы, но даже ему было не под силу разогнать стойкий запах улицы. Она пустила зеленые прожилки корней в красноватых провалах осыпавшейся штукатурки. Казалось, тление коснулось уже живого мяса, судорожно сжимаемого костяком дранки. Ветошь и смятая пачка сигарет валялись вперемешку с кусками картона и неммым укором, подслеповато смотрели в глаза наступающему дню: растрепанные памятки прожитых дней.

Уже ближе к выходу Малхаз зажмурился от солнечного луча, неведь откуда взявшегося здесь и скользящего по мрачным лужам. Они темнели в забытых дворничьей метлой углах подворотни.

«Можно подумать, — отметил он про себя, — что лужи тут никогда не просыхают. И эту пачку курева я, наверное, выкинул еще вчера, когда проходил мимо. А может, это последующие наслаждения, — домыслил Малхаз. — Мог же ее выбросить другой бедолага».

Он поддел ногой картон, и тот, словно медуза, расплылся на грязные, осклизлые куски и беззвучно погрузился в тяжелую воду.

«Даже пузырей не всплыло», — подумал Малхаз; подумал и зашагал дальше, прочь отсюда, словно сами мысли причиняли ему боль в этом нездоровом месте.

Выйдя на улицу, он оглянулся. Черная пасть подворотни с сожалением глядела на упущенную жертву, и память, словно помогая ей, снова толкнула его назад, в темный провал, к замызганым закоулкам и спертым запахам. Следы перенесенной болезни — они не отпускали его, мертвой хваткой держа рассудок, и даже радостный праздник освещенной солнцем улицы не мог устранить их сразу.

Утро еще не кончилось, и солнце не успело погасить блестящие капли, развешанные дождем на морщинистых ветках старых платанов. Мощные корни деревьев вспучивали жилистую землю, разбросав тут и там небольшие зеленые валуны. Эти камни часто попадались на тротуарах в старой части города, что делало улицы похожими на русла обмелевших рек.

Малхаз пересек улицу и начал спускаться к порту. Редкие пешеходы шли молча, не переговариваясь. Замкнутые и сосредоточенные, они скользили, словно снаряды, выпущенные по невидимым целям, не обращая внимания на остатки ночного дождя, хлюпавшие под ногами.

В порту готовились к швартовке «Нахимова»: его белая туша маячила невдалеке. Море замерло в ожидании, и казалось, что корабль

● ТОЧНЫЕ КООРДИНАТЫ

увеличивается в размерах, стоя на месте. «Так всегда бывает, — думал Малхаз, — когда долго смотришь на какой-нибудь предмет, он начинает «плыть» перед глазами», но теперь корабль и в самом деле вырос из моря: можно было увидеть даже белое облачко над полосатой трубой.

Оторвавшийся от парохода звук поднял в кустах стайку воробьев, и закутаные в шерсть уличные псы стали с азартом гонять птиц. Малхаз плотнее запахнул плащ и пошел по набережной мимо выстроившихся вдоль парапета рыбаков. В это время их обычно бывало больше, но в субботний день многие, видимо, не нашли в себе силы подняться спозаранку после вчерашнего футбола, транслировавшегося допоздна по телевизору, и так и оставались в постелях, махнув рукой даже на второй клев.

Некоторые, из тех, кто помоложе, забрались на каменный парапет и стояли там, с трудом сохраняя равновесие, напряженно следя за подрагивающими поплавками. Малхазу не хотелось им мешать. Замедлив шаг, он повернул к бульвару, но тут же остановился, словно поймав на себе чей-то взгляд.

— Не хотите ли порыбачить?

Малхаз оглянулся. Так и есть: вопрос старика, одетого в потертый клетчатый пиджак, адресовался именно ему. На лице старика блуждала улыбка. Сидевший поодаль мальчик с интересом разглядывал Малхаза.

— Вы серьезно? — Малхазу было известно, с какой неохотой пожилые рыбаки пускались в праздные разговоры, особенно во время клева, а в сетке, лежавшей около пыльных туфель старика, оставалось не так уж много свободного места.

— А чего же шутить? Алешек уступит вам свои снасти. Ему и так уже пора в школу.

Мальчик сидел, свесив ноги в проемы парапета. Он пожал плечами и нехотя принялся сматывать удочку.

— Ну как же? — спросил старик, не переставая улыбаться.

— А я вам не помешаю? — улыбнулся в ответ Малхаз.

— В прошлом году вы об этом меня не спрашивали.

— Так я пошел, дед?

Мальчик переминался с ноги на ногу и не уходил. Ему явно хотелось еще порыбачить.

— Иди, иди... Ты свое уже отловил. — Старик пошевелил ногой полную сетку. — Дневная норма готова. — Он замолчал, взявшись обеими руками за удочку.

Мальчик проглотил слюну, не отрывая взгляда от неуверенно качнувшегося поплавка.

— Ты еще здесь? — Старик скосил глаза в сторону Алеши. — Ну, что с тобой делать? Будем сейчас пререкаться и распугаем всех рыб?!

— Извините, это я виноват.

Подавив улыбку, Малхаз докурил сигарету и загасил окурок каблуком.

— Нечего за него заступаться. Вот сглазит он мне сегодня рыбалку, тогда и уйдет.

Старик вздохнул. Напряженно подавшийся вперед крупный корпус плотно обтягивался перелицованным пиджаком. Он потрескался под мышками и был настолько стар, что мог войти снова в моду. Из верхнего кармана, как неотправленное письмо, выглядывал краешек платка. Высокий лоб, запавшие глаза, венчик седых волос на затылке. Мертвые, свалывшиеся волосы покрывали и виски, оплетенные синими прожилками, словно плесенью. Черты лица, как шрамы на лице...

Малхаз постепенно узнавал этого человека. Год назад он брал у старика напрокат моторку. Дома, в Тбилиси, друзья рассказывали,

что ловля катрана — это ни с чем не сравнимое удовольствие. И вот, приехав в первый раз на каникулы к тете, Малхаз решил попытать счастья: поймать во что бы то ни стало хоть одну акулу, и, если будет везти и дальше — сделать из подходящего экземпляра чучело или, на худой конец, сфотографироваться рядом с уловом.

Но все тогда зависело от опытного напарника. Другие рыбаки ни за какие деньги не соглашались выйти с ним в море, считая такую рыбалку пустой забавой. В этих краях не ходили на катрана, да он и сам готов был в это поверить, но тут подвернулся старик, и они отправились на лодке вместе.

«И как это я не узнал его», — подумал с грустью Малхаз.

Короткое удище дрожало, сжимаемое сильными руками старика: прозрачные бисеринки скользили вниз по леске.

— Ну вот, что я вам говорил! — Большая серебристая ставрида сверкнула на солнце, сорвалась с крючка и, судорожно изогнувшись в отчаянном рывке, тяжело плюхнулась обратно в море.

Мальчик сидел в сторонке, виновато отведя глаза. Потом встал и отошел на несколько метров.

— Ну, что я вам говорил? — старик смотрел прямо перед собой, куда должна была попасть сорвавшаяся в последний момент рыба: должна была, но не попала. — Чего этой дряни еще надо? Вот так всегда бывает, когда меня отвлекают.

Выругавшись вполголоса, он раздраженно отшвырнул удочку.

— Всех оставшихся ставрид сегодня все равно не выловите. Вон их у вас сколько!

Малхаз попытался рассмеяться, но смех застрял у него в горле, когда он увидел лицо старика с остановившимися глазами. Тот тихонько плакал. Малхаз переглянулся с испуганным Алешком и повернулся спиной, чтобы не видеть, как слезы стоят в покрасневших на солнце глазах деда: пресные слезы в глазах старика.

Он почувствовал себя неловко, словно неудачно пошутил или отпустил колкость в адрес больного, а больной сидел сейчас рядом с ним, закрыв лицо руками с налипшей на них рыбьей чешуей. Спина его вздрагивала от частых старческих всхлипываний.

— Ну будет, будет... — Малхаз не знал толком, какие слова говорят в подобных случаях. Он не знал рецепта против старости, которая всегда неизлечима. — Во всем виновата жара. — Он положил руку старику на плечо. — Вам вредно сидеть на таком солнцепеке.

Солнце и в самом деле припекало уже не на шутку, не оставив и следа от утренней прохлады.

— Вы думаете, это со мной из-за рыбы? — старик поднял голову. — Если бы из-за рыбы...

Малхаз кивнул.

— Сколько я их переловил за свою жизнь. — Он мотнул головой и снова забросил удочку. — Вы не смотрите, что я сейчас... Хотя что я вам говорю. Еще год назад я был в форме. Вы же видели меня в деле, а теперь с моими нервами и сердцем только и остается, что дергать ставриду с берега. Я ведь продал свою лодку, знаете ли. Пластмасса стареет, металл устает, совсем как люди. Вот и с моей скорлупой пришлось расстаться.

Он поднял глаза на Малхаза и вытер лицо рукавом пиджака.

— А я вас сразу узнал, — сказал старик. Он перевел дух и продолжал: — Вы почти не изменились, хотя в ваши годы время бежит быстрее и оставляет свой зримый след, меняя внешний облик людей. Я ушел на пенсию из школы, и меня не узнают теперь даже многие

бывшие ученики. Только это... — Он прищелкнул пальцами, пытаясь жестом восполнить недостаток слов.

— Вы тоже остались прежним, — сказал Малхаз. Его поразила быстрая смена настроений, произошедшая со стариком. Тот даже позабыл о внуке, который пил воду, следя за дедом птичьими глазами и старался поймать губами холодную струю. Она сверкала на солнце, как упущенная только что рыба.

— Я даже помню, с кем вы были. — Старик пошевелил губами. — Это была девушка. Даже помню ее имя.

— А я уже нет.

Малхаз запустил камнем в спланировавшую к поплавку стрекозу, но та не шелохнулась с места, будто позабыла, куда собиралась лететь. От взмахов ее крылышек вокруг поплавка шли круги, словно удочку только закинули.

Прошло уже больше получаса, а клева все не было. Да его и не могло быть, так как в это время вся рыба уже уходила от берега, кончая кормиться. «А я ведь сегодня и не завтракал», — подумал Малхаз. Он поискал глазами вывеску столовой и сказал:

— На сегодня хватит. Составьте мне компанию, позавтракаем вместе, — он указал пальцем на кафе, видневшееся неподалеку.

— Да, действительно уже поздно, — ответил старик. — Только что сам собирался об этом сказать. Обычно я питаюсь дома. Меня уже наверняка заждались. Пойдемте к нам. Вы еще помните дорогу?

— Нам по пути, но я очень проголодался. Давайте сначала хотя бы перекусим. Мне очень хочется вас чем-нибудь угостить. Отпразднуем нашу встречу и сегодняшний улов. Хотя сам-то ничего не поймал. Только вам напортил.

— Ради Бога, не вспоминайте об этом. Поговорим лучше о вашей подруге.

— Буду ждать вас в кафе, — быстро произнес Малхаз. — А хотите, помогу вам собраться?

— Да нет, не стоит. Привык как-то все делать сам.

— Как знаете. Тогда до встречи.

— Минутку. Что я хотел сказать... — Старик повел глазами и взялся за карман. — Если я опоздаю или вовсе не приду, вот на всякий случай мой адрес. Обязательно буду ждать.

— Не выдумывайте! Слушать не желаю! — замахал руками Малхаз. — Никакие отговорки не принимаются. Вижу, что без моего конвоя, чего доброго, и впрямь дадите тягу. Так... придется мне остаться.

— Что вы, ни в коем случае. Вы же голодны!..

— Я вам не доверяю.

Малхазу и в самом деле не хотелось расставаться со стариком. Ведь кроме Наты в тот год была рыбалка и многое другое, а в этот приезд — одна Ната. Может быть, поэтому Малхаза так не тянуло ехать на каникулы к тете, словно он уже заранее знал обо всем. Но теперь его разрыв с Натой представлялся делом далекого прошлого, уже почти преодоленного. Прошлого, которому нет места среди разгорающегося всеми красками нового летнего дня.

— Никакие отговорки не принимаются. Алешек ушел, и вы теперь свободны.

Он помог старику зачехлить удочки, и вскоре они уже стояли перед входом в кафе.

— Пожалуйста, — Малхаз пропустил старика вперед, но тот запутался в дверях с удочками, и когда они, наконец, сели за крайний

стол, буфетчица неодобрительно поглядела в их сторону, словно никогда не видела людей с подобным снаряжением.

Старик повертел в руках бледно-голубое меню с изображением чудосочного мишки, сгибающегося под тяжестью подноса, заставленного брикетами с мороженым. Медведь чем-то напоминал уличных псов, безуспешно тягущихся в скорости с заспанными воробьями. Может быть, тем же голодным блеском неправдоподобно больших глаз, с вожделием вззирающих на тающие брикеты?

— Для начала я возьму себе солянку? Бутылочку марочного... А вам?

— То же, что и себе, — старик спохватился, — то есть, я хотел сказать — мне чашку чая.

— Это несправедливо. — Малхаз поднял палец. — Во-первых, вы заслуживаете сегодня большего, хотя бы из-за этого. — Он ткнул ногой под столом тщательно завернутую в брезент сетку. Буфетчица неопределенно хмыкнула, будто почувствовала рыбный запах. Малхаз продолжал:

— Это еще не все, есть еще во-вторых, — он нагнулся к старику: — Так вот, во-вторых, мне просто хочется отметить сегодняшнюю встречу. Я угощаю и плачу за все, так что валяйте...

Старик вскочил. Его лицо горело.

— Как вы могли такое подумать! Это вы мой гость: гость нашего города, я хочу сказать.

«А он и впрямь совсем не изменился», — подумал Малхаз. Он вспомнил, каких трудов ему стоило заставить старика брать причитающуюся тому плату за прокат лодки. («Что вы суete мне эти бумажки? Их даже собака не ест»). Взять деньги за ремонт мотора после штурма старик наотрез отказался.

Малхаз улыбнулся.

— Ну что вы как маленький?

Он положил старику руку на плечо и заставил его сесть.

— Вы же хотите, чтобы мы завтра вместе подергали кефаль. Можно будет взять с собой и Алешу. В воскресенье у них, кажется, нет занятий. Не обижайтесь, ладно?

Но старик уже остыл. Пожевав губами, он не сразу ответил.

— У меня с собой нет сейчас наличных, но я все равно верну.

Подошла официантка, и Малхаз продиктовал заказ.

Кафе между тем заполнялось посетителями. Через столик сидела приезжая пара. На мужчине была традиционная панاما с отогнутыми мягкими полями. Узенький галстук на резинке поблескивал вшитым в ткань блестящим камнем. Его спутнице все не нравилось положение галстука, и она поправляла его, оттягивая в сторону. Это мешало мужчине просматривать меню, но листал он машинально, так как заранее знал, что окончательное слово при выборе блюд все равно останется не за ним. Он заранее был согласен со всем тем, что выбирала дама, и жалкий галстук, как флаг капитуляции, болтался под его безвольным подбородком.

Еще одна пара, но уже помоложе, прижимаясь друг к другу, прошла к угловому столику. Они шумно двигали стульями в тесном проходе, но буфетчице прибавилось работы, и она не обратила на них никакого внимания. Минут десять назад ее просто раздражало отсутствие посетителей, хотя и теперь нельзя было сказать, что она стала живым воплощением радушия.

«Сказать так значило бы покривить против истины», — устало подумал Малхаз. Он оглянулся. Молодая пара сидела, взявшись за

руки. Слегка раскачиваясь, они не отрывали друг от друга взгляда, словно и не ждали официантки, а та все не шла, но по ним было видно, что это их мало волнует.

«Эти не останутся внакладе». Малхаз отвернулся. На него смотрели прозрачные глаза старика.

— Хотите, уйдем отсюда?

Старик медленно выпрямился, потом привстал.

— Сидите, сидите, — улыбнулся через силу Малхаз. — Я же только спросил.

— То же, что и вам, — пробормотал старик, снова сползая на стул.

— Знаете, о чем я подумал? Хорошая цифра три шестьдесят. Добавить еще две копейки, и можно идти в гастроном.

Старик выжидающе смотрел на Малхаза и теребил рукой конец скатерти.

«Какой же я негодяй, — подумал Малхаз. — Испортил человеку утром рыбалку, а сейчас морочу ему голову всякими цифрами!» Он отодвинул солонку на другой конец стола и сказал:

— Бумбараш.

— Что? Вы что-то сказали?

— Это такой спектакль, он идет в нашем ТюЗе. Один мой товарищ пришел к другому другу, и когда того не оказалось дома и родители сказали, что он ушел на «Бумбараш», то первый спросил: «К кому?..» Он подумал, что это сабантуй. Ну, вроде вечеринки.

Старик не улыбнулся. Его худая рука лежала, плотно прижатая к пустому бокалу. Он казался таким покинутым. Малхаз затаил дыхание. И вдруг улыбка тронула углы плотно сведенных губ старика. Она забрезжила на них, как свет в глазах слепого.

— Как вы сказали: Бумбараш? Сабантуй, ха, ха!.. — Он откинулся на спинку. — Извините, я не сразу понял.

Малхаз не смог удержаться от смеха. Как он мог плохо подумать о старике? Это же кристальной души человек. На память пришло слышанное когда-то: «Кристалльно чистый — на белом фоне белый, на черном — черный. А может, он не так уж и прост? Интересно, над кем он сейчас смеется, не надо мной ли?»

И тут он узнал старика окончательно. Вернее, вспомнил неожиданно до мельчайших подробностей, каким тот был всего лишь год назад и как хорошо им было тогда вместе. Любая работа спорилась в руках, веселья хоть отбавляй, и меньше всего можно было ожидать, что прошедшее с тех пор время так отдалит его от Наты и сделает их совсем чужими.

А старик... Что ж, он никогда и не был простоватым, а наоборот, всем интересовался и много читал. Они всегда находили общий язык, но теперь, с какого-то мгновения, Малхаз почувствовал, что перестает понимать старика, теперешнего старика, который внешне совсем почти не изменился, но то ли из-за нового выражения сразу грустнеющих глаз, то ли из-за горькой складки, залегшей в углу рта (совсем незаметной, когда он улыбался), казался все же постаревшим именно за этот, видимо, не очень-то и для него весело прошедший год.

Стареть в старости?.. Он уже и так немолод, и один год ничего не меняет, если только не окажется из самых худших. Дело тут не только во времени, — подумал Малхаз и тут же себя оборвал: — Это мы делаем его жизнью, наполняя его событиями, своими поступками, а потом на него же и сваливаем вину за все неудачи. Я все утро с Георгием Евгеньевичем и словно разучился говорить с людьми. Произношу ничего не значащие фразы, и через час ведь все будет по-прежнему.

Не то чтобы терялась нить беседы или они говорили о разном. Нет, просто уходило, снова возникало и опять гасло само собой то настроение, то чувство отдачи, которое только и превращает собеседников в людей. Людей, понимающих друг друга без слов, готовых поделиться самым сокровенным. Это раздражало его, и он сказал, опустив руки на стол:

— До меня тоже анекдот про Бумбараша дошел в свое время только с третьего раза.

— А разве это анекдот?

— Да как вам сказать? И да, и нет. И не так, чтобы очень, и не очень, чтобы так. Просто друг, рассказавший мне его, не был действующим лицом в этой истории. А тот, кто был, не был другом... В общем, вы меня понимаете.

— Учтите, с первого раза.

Малхаз отложил вилку, которой рисовал на скатерти воображаемых друзей, и заставил себя улыбнуться.

— По-моему, вы уже слышали эту историю.

— Да, пять минут назад. От вас. — Старик давился от смеха.

— Вам вредно столько смеяться.

— Да я не над этим.

— Тогда над чем же?

— Я опять вспомнил вашу милую подругу. Она тогда тоже все время смеялась. И так заразительно. Я даже подумал, что она распугает нам всех катранов. Хотя они и ходят на глубине 70-80 метров.

Малхаз покосился в сторону старика, но тот продолжал как ни в чем не бывало:

— Я вижу, вы все подзабыли. И нашу рыбалку, и тогдашний улов, и даже шутки, над которыми мы вместе смеялись. А теперь, наверное, думаете, что я опять смеюсь не над тем.

— Ничего я не думаю.

— Ну тогда не сидите с таким кислым видом, словно по ошибке заглотали крючок. Давайте лучше повспоминаем те денечки. Если не хотите про девушку — не надо. Хотя помогла она нам тогда мастерски: без шума и пыли. Сразу было видно, что местная. Очень мне такие девушки нравятся. И пусть никто не говорит, что с женщинами не рыбалка, а посмешище для рыб.

— Это ваш зять так говорил?

— Видите, вы уже начинаете вспоминать.

— Это был он?

— Он или они, не все ли равно? Это всегда от зависти. Нет того, чтобы помочь, вот и капают на мозги перед уходом. Знаем мы этих горе-советчиков: сами, как гуси, все умеют, только понемногу. Немного походят, слегка полетают, побрякают, да все без души.

— Кому что нравится. Ваш зять таки начал худеть?

— Каждый день начинает, да все без толку. Никакие диеты не помогают. Его послушать, так это он с голоду опух. В нем 110 килограммов весу, и когда-то мне казалось, что столько же доброты. Остался один вес, и его все больше и больше. Помните, Малхаз, вы шутили, что он не может быть отталкивающим человеком. Иначе, мол, как быть с гравитацией и законами притяжения.

Официантка принесла заказанное, и пока она расставляла приборы, старик затих и сидел, подобранный на своем стуле. При слабом свете плафонов его пиджак казался еще старше. Старик, как улитка, при малейшем изменении обстановки, умел уходить в себя, в свою ненадежную раковину и смотреть оттуда вопрошающими глазами. Он выжидал, когда все изменится к лучшему. Это бывало особенно за-

метно, если его, как сейчас, заставляли врасплох посторонние люди. А он только-только разговорится, начнет убеждать собеседника в чем-то помогая себе короткими прямыми жестами. Вот как теперь, вдруг замолкнет на полуслове: брови взмахнут в последний раз как крылья подранка и опадут вместе с застывшей в полете старческой рукой.

— Принесите нам сухого вина.

— Сухое кончилось. Остался только портвейн «Хирса», «Солнцедар»...

— Бутылку коньяка. Какой у вас есть?

— Дагестанский.

— И все?

— Еще грузинский, трехзвездочный.

— Одну бутылку. А потом еще одну.

Малхаз обернулся к старику.

— Вот и доверяй им после этого. Если не расспросишь поподробнее, всегда попытаются что-нибудь всучить. И холодного лимонаду, пожалуйста, — крикнул он вдогонку удалявшейся официантке.

— Извините, я не буду пить.

— Что, лимонад?

— Нет, вы меня не поняли... Хотя холодный лимонад тоже. У меня хронический катар горла.

— Я тоже малолюблющий. Сколько ни пью, все мало. — Малхаз следил за стариком. — Тут большого ума не надо. Не на катранов ходить. Опрокинем для аппетита пару рюмок.

— У меня еще и давление.

Официантка принесла заказ, и Малхаз наполнил рюмки. Он вдруг подумал, что старик сейчас уйдет. Он не понимал, откуда это, но все сегодняшнее утро его преследовал неясный страх, какое-то смутное опасение, что они непременно должны навсегда расстаться. Что старик вдруг куда-то заторопится, начнет суетливо собирать свои снасти, а Малхаз не сможет этому помешать, и он уйдет, уйдет уже бесповоротно из его, Малхаза, жизни. А с ним уйдет и надежда. Надежда на что?.. Малхазу трудно было представить сейчас четко, чего он ждет от этой встречи. Но спокойствие и уверенность в себе — в чем он сейчас так нуждался! — начинали ощущаться все сильнее с каждой минутой, проведенной со стариком.

— Вы мне все-таки налили? — Старик усмехнулся и провел пальцем по губам.

— Видите ли, у этой бутылки тоже опасное давление, и необходимо, фигурально выражаясь, «выпустить пар». Кстати, коньяк расширяет сосуды. Об этом тоже где-то писали.

— Сегодня так жарко.

— Сейчас принесут холодного лимонаду. Нам ведь не к спеху.

Они выпили.

— Как домой пошло.

Малхаз приподнял пустую рюмку. Медленно перевернул ее и поставил обратно. Старик сказал:

— Я так давно не пил. И доктора...

— Все рыбацкие?

— Опять вы за свое?

— Упаси Боже, и не думал, — Малхаз взялся за бутылку и спросил: — Еще по одной? — и тут же наполнил рюмки. — Вы ничего не едите. Все уже остыло.

Молодая парочка в углу разняла, наконец, руки. Парень встал и пошел к стоящему в углу музыкальному аппарату. Без своей партнерши он двигался удивительно легко и свободно. Обернувшись, он постукал

по выпуклому стеклу, приглашая девушку подойти. Она уже стояла, расставив ноги и откинув голову назад, словно птица, разучившаяся летать.

Зазвучала музыка, и девушка, покачиваясь ей в такт, двинулась вперед. Проходя мимо мужчины, который никак не мог чокнуться с одной из опустошенных им бутылок, она взъерошила ему волосы и заскользила дальше к ожидавшему ее юноше. Подойдя, она достала у него изо рта сигарету и, став на цыпочки, протолкнула жевательную резинку в раскрытые губы партнера.

— Одна сигарета, Левик, сокращает жизнь ровно на пять минут. Отсчет пошел... — Она скосила глаза на Малхаза. — Правда, Лавандос? Не слышу ответа.

Видно, это была ее обычная манера обращения. Малхаз покосился на старика. Тот нехотя ковырял рассыпавшуюся котлету. Не будь его, Малхаз ответил бы девице, но вдруг желание говорить исчезло само собой, растаяв в воздухе, дрожащем от звуков нервного ритма.

Танцующие равнодушно топтались на маленьком пятачке перед автоматом, словно отработывая положенную на сегодня смену.

— Что с тобой сегодня, Левис? — спросила девушка. — Чем так трястись, лучше просто ерзать на стуле. — И, внезапно, не дожидаясь ответа, направилась к столику. Она шла, раскачиваясь на платформах, не разбирая дороги, длинная, как тень, и Малхазу внезапно почудилось, что она ищет его, его столик и свободный стул рядом, но пронзительная музыка мешает ей и встает неодолимой преградой...

Он отвернулся и постарался думать только о старике. Разговор с ним явно пока не клеился, а ведь все начиналось так хорошо.

— Найдется пятак для автомата?

— Малхаз, это к вам.

Он очнулся.

— Что вы сказали?

Девушка протягивала ему 25-рублевую купюру.

— Вам на все?

Она кивнула. Малхаз похлопал по карманам и, пошарив по очереди в каждом из них, сокрушенно сказал:

— Сегодня я не в выходном пиджаке. Георгий Евгеньевич, а у вас не найдется пятака?

— Хоть два. — Старик застегнул болтавшуюся пуговицу пиджака и выпрямился, но он явно не интересовал девушку. Она склонилась над столом. Прямые черные волосы как живые сползли с плеч, засыпая яркую фиалку, вдетую в петлю блузки. Волосы были такие черные, что, казалось, вокруг них сгустились сумерки.

— Вон того, — она указала на своего друга, — все зовут Ллойд-Афанасий. Но можете звать его просто Володей. Мое имя просто — Лена. Запомнили?

— Всего лишь? Так просто?

Ллойд-Афанасий хмуро наблюдал за ними с противоположного конца зала. Со скучающим видом он ожидал дальнейшего хода событий. Казалось, его большие уши шевелятся, как крылья диковинной бабочки. Беседа между тем принимала все более оживленный характер.

— Чему улыбаетесь?

— Георгий Евгеньевич, она вас спрашивает.

— Молчу, молчу...

— Да ну вас, — она начала пританцовывать на месте, под одну ею слышимую мелодию.

— Что же вы сидите? Разовьем чувство локтя. Вижу, явно хотите со мной потанцевать.

● ТОЧНЫЕ КООРДИНАТЫ

— Да, — сказал Малхаз, а про себя подумал: «Дураков нет».

— Да я вас не возьму. Не тот возраст.

— В смысле борода еще не растет?!

— Да, это непоправимый недостаток. — Она стояла, загораживая проход к автомату, но Малхазу было видно, как Ллойд, которому явно надоело ждать, медленно подходил к их столику. Парень небрежно обронил:

— Ленчик, я нашел еще одну монету. Брось ты их.

Но Лене точно было не до танцев с Ллойдом. Резко повернувшись к нему, она крикнула:

— Десять дней неумытым ходишь. Потратил бы лучше свои сбережения на мыло. И вообще, — выпалила она наизусть, — растворишь в той части зала, и сделай так, чтоб тебя долго искали.

— А я с тобой вместе на балконе не фотографировался... — лениво обронил он.

— Чего-чего?.. — она выпрямилась. — Ты, оказывается, еще здесь. Замри, сейчас сразу грустным станешь.

Спровадив наконец Ллойда, Лена обратилась к присутствующим: — Вот всегда так. Сбивают на самом интересном месте. — Она отдышалась. — Ну и кислые у вас лица. С них только и делать этикетки лекарства, отпугивающего муравьев. Что вы на меня уставились?

— Ждем, когда вы присядете за стол, — ответил старик.

— Ладно, подчиняюсь старшему по званию. — Она с шумом усеелась. — Так, на чем я остановилась?

— Сложный вы человек, Елена, — сказал Малхаз, — и юмор очень тонкий. Еле виден.

Она ответила не сразу.

— Жарко около вас, аж волосы трещат.

Малхаз налил ей лимонад. Стекло бокала сразу запотело, покрылось капельками. От холода оно как бы становилось уже.

— Хотите узнать свой цвет лица? — Она состроила серьезную мину. — Закройте один глаз и посмотрите другим на нос.

Малхаз старательно зажмурил оба глаза.

— Что-нибудь видно?

— Да что вы со мной сотворили? О, Боже, я похож на форменного зулуса.

Она захлопала в ладоши. — Так и знала, все перепутали! Объясняя для тугодумов — не оба сразу.

— Вы не голодны? — спросил старик. Он, казалось, с интересом наблюдал, как Лена раскачивалась на стуле, мечтательно полузакрыв глаза.

— Есть будете? — повторил вопрос Малхаз.

— Нет, я уже где-то перехватила.

Ллойд включил автомат и известная певица громко запела: «Каблук скользит по круглой земле, // Минуты памяти во мне...».

— Сейчас без десяти два. Предлагаю рвануть всем в киношку.

— А вам одной слабо? Может, темноты боитесь? — Она помедлила с ответом: — Точно.

— Давайте тогда вашу фиалку опустим в вазу.

Слова металась между ними, как капли слепого дождя. Перегнувшись через стол к девушке, Малхаз осторожно достал у нее из петли блузки яркий цветок.

— Дарю, — сказала Лена.

— Вам Ллойд еще принесет.

— Надо будет — принесет. В зубах притащит, приползет... Он — молоток. Опять смеетесь.

— Я больше не буду.

— Нет, кроме шуток. Думаете, я вру?

— Вам бы стихи писать. Богатое воображение.

— Ах, так? — Она поискала глазами цветок и взяла его обратно.

— В вазе было красивее, — заметил Малхаз.

— Цветы к столу приносит кавалер.

«Сегодня ей нужна только победа, — устало подумал Малхаз. — В день, когда устраивают и ничьи, она, может, еще сносная, но сегодня...» Он подмигнул старику. Тот приоткрыл рот, хотел что-то сказать, но снова сжал губы.

Тем временем девушка достала еще один цветок и помахала им.

— Куда вам одной столько? — Малхаз взялся за вазу. — Тут все поместятся? Все-таки лучше, чем так, без пользы... .

— Убить вас мало! Скажете — нет? — взорвалась Лена и тут же жалобно протянула: — Я для него старалась, а он «без пользы»... .

— Траурный веночек уже наготове за пазухой? — Малхаз перевернул пустую вазу вверх дном и налил себе еще коньяку. — Бог ты мой, дались вам эти фиалки! Мне, например, одно удовольствие с вами сидеть.

— Это только кажется, — сказала она вдруг серьезно. — Это вы сейчас так говорите. — Девушка неожиданно замолчала.

— Ладно, продолжайте. Это я сказал просто так. Только, чур, не обижаться.

— А я и не думала. — В ее голосе опять послышался шум дождя. Малхаз разлил всем по рюмкам и, чокнувшись со стариком, выпил. Тот все молчал.

— Опять как домой пошла, — сказал Малхаз.

— Ничем не заедаете? — обмолвился старик.

— Вкушаю духовную пищу, единственно достойную в обществе такой собутыльницы. Вас, Елена, можно сравнить только с красивым цветком. Но цветок становится прекрасным, лишь распустившись. Так выпьем же за распущенных девиц! Уфф... — Малхаз перевел дух.

— Ошибаетесь, — сказала девушка изменившимся голосом. — Я всего лишь студентка-заочница.

— Тоже занятие. Ваше здоровье, курсистка. Он снова отпил коньяк. — Век живи — век учишься. А на ошибках учатся. Выходит, жизнь — сплошная ошибка? Кстати, вам еще не преподавали, почему толстые и худые люди выглядят по-разному, хотя питаются одинаковыми макаронами? Не дождавшись ответа, он с иронией продолжал: — Вся петрушка заключается в том, что одни кушают их вдоль, другие поперек. Сейчас подзабыл, которые как, но это не имеет значения. Хотя вспомнил — подобные премудрости излагают только на дневных отделениях. Ваше здоровье!

Допив коньяк, он выжидающе замолчал, уставившись глазами на Лену.

— Песня кончается, — сказала она. — Пятаков больше нет, так что идемте танцевать.

— Непременно желаете похудеть, или забыли, что у меня все еще не тот возраст. Вот если Георгий Евгеньевич согласится... .

— Какой вы злопамятный.

— Даже так? — Он вытер вспотевший лоб. — Какой уж есть.

— Ладно, ладно, — она заметно оживилась, потому что Ллойд нашел-таки новую монету и музыка оглушительно загрохотала вновь. Краем глаза Малхаз заметил, что голова старика опустилась на грудь, словно он спал. Но он не спал: по его лицу то и дело пробегала нервная дрожь.

— Я вас всерьез не воспринимаю, — заявила Лена.

● ТОЧНЫЕ КООРДИНАТЫ

— И на том спасибо, но танцевать не пойду. Ноги не слушают. — Он демонстративно затопал ногами.

— Ладно, сиди где сидишь, только не мешай слушать музыку. В перерывах слушай только меня.

Малхаз удивился, что они только сейчас перешли на ты. Он почувствовал себя ее давнишним знакомым. Настолько давнишним, что уже готов был прервать эту связь и для начала постарался перейти опять на вы, но в дальнейшем это не всегда удавалось.

Подняв бокал на уровень глаз, девушка демонстративно разглядывала Малхаза сквозь золотистую жидкость. В начале общения она сыпала словами, словно бойко считывала их, как телеведущая с невидимого экрана суфлера, но сейчас ее запас явно подходил к концу.

— Так... и сигарет у вас, конечно, нет.

— Свои надо иметь, Елена. Сигареты вообще старят женщин.

— А мужчин?

Малхаз проглотил слюну и, откашлявшись, ответил:

— Мужиков они убивают наповал.

— Я не хочу, чтоб ты помер. — Лена, напрягшись, подалась вперед. — Ты мне вправду нравишься — И, помедлив: — А я тебе?

Звуки ее голоса, ее нескончаемые вопросы появлялись и настаивали Малхаза со скоростью не меньшей, чем скорость света, нарушая все законы физики.

— А ты еще не понял?

— Конечно, нет, раз спрашиваю. Это интересует меня даже больше, чем ты думаешь.

— Тогда такой вопрос. А Ллойда ты уже спрашивала об этом? Гляди, он же симпатичный парень. Почти подарок женщине к 8-му марта.

— Умнее ничего не придумал? — Она фыркнула. — Думай, что говоришь, когда говоришь, что думаешь.

Малхаз почему-то представил себе, что стоит в телефонной будке. Один, словно рыба, застрявшая в опрокинутом аквариуме, и обеими руками, как респиратор, подносит к лицу трубку телефона, надеясь на глоток спасительного кислорода. Раздаются тревожные гудки — сигналы бедствия — SOS, посылаемые в эфир, где работает всего лишь один приемник. Вновь и вновь заученным движением он набирает неведомый чужой номер, трубка становится все тяжелее...

«Георгий Евгеньевич», — произнес он про себя. Старик не шевелился. Он сидел неподвижно, откинувшись на твердую спинку стула и устремив красные от выпитого глаза под самый потолок.

— Ты мне не ответил, — продолжала девушка. — Раз существует слово «любовь», значит, кто-то обязан любить.

Кажется, она уже требовала от Малхаза признания в любви. В голове гудело от выпитого. Взбредет же такое. Это ему на будущее!..

Он спрятал лицо в ладони. Простые и понятные чувства каким-то образом дробились, исчезали в потоке слов. И все это время Лена была бессильна произнести фразу, с которой надо было начинать. Конечно, он допускал, что понравился девушке с первого взгляда, — обычно в таких случаях второго и не требовалось, — что Лена потянулась к нему и отчаянно жаждет как-то обратить на себя его внимание. Она и такие, как она, просто не способны делать это иначе. Надо понимать их с полуслова, либо сразу отказаться от глупых попыток найти общий язык. Теперь их беседа напоминала раскрытую до конца часовую пружину, но часы все еще тикают как ни в чем не бывало, размеренно и точно, словно сразу после завода.

«Не знаю, чего в ней больше, — думал он, — простого любопытства, спортивного азарта, или ей тоже все приелось и хочется перемен».

В другой раз Малхаз протянул бы Лене руку, но сейчас он даже с закрытыми глазами мог представить себе, что из этого выйдет. Снова дежурные остроты, легкое знакомство и встречи, такие же легкие, ни к чему не обязывающие, как и неминуемо следующие затем расставания. А он-то надеялся, что покончил с этим навсегда, покончил сегодня утром, когда заставил себя повернуться и уйти не оборачиваясь.

Кто-то явно был здесь лишним. Лена или он? Ну не старик же! Он оглянулся на старика, словно спрашивая у него совета. Малхаз пришел сюда посидеть с Георгием Евгеньевичем, вспомнить о совместной рыбалке и пойманных катранах — и не только о них, — получить какой-то запас прочности, столь необходимый ему сейчас. А тут перед ним сидит некто пострашнее всех невыловленных акул вместе взятых, хочет знать все на свете и требует немедленных ответов. Только теперь он почувствовал, как ему необходимо побыть со стариком наедине и поговорить, выговориться все равно о чем. Что бы он делал, не встретив его в порту? И не для того ему повезло встретиться с Георгием Евгеньевичем, чтобы снова остаться одному.

Ему стало душно. Зачем он так пьет? Это ведь все равно что общаться с Леной или другими... С Натой, например. Он постарался представить себе Нату, но глаза упрямо смотрели на цветок в петлице, на расстегнутую кофточку и потом уже на всю остальную Лену.

«Ба, да они очень похожи, — сказал он себе. — Как ночь и день. Вчерашняя ночь и сегодняшний день. Надо еще поддать, и разница вовсе исчезнет. Это всегда так одинаково. Черта лысого!.. Все кончится тем, что он окончательно напоит старика. Неужели это кому-то нужно? Кажется, старик твердил о стойкой гипертонии. Да, хорошенькое дело! Надо что-то решить, решить немедленно, а не пускаться в бесконечные объяснения».

— Ну вот, миру мир, а вам одну любовь подавай, — сказал он неловко. — Я не могу понять, к чему ты клонишь?

— Имей терпение, — улыбнулась она.

Еще улыбается! Все пропускает мимо ушей. Одноклеточный человек. Такой же, впрочем, как и он сам. Да, подружка, недалеко же мы ушли друг от друга. Малхаз выпалил:

— Как ты сказала? Терпение?! Ну повтори словисень еще разок. Так хочется тебе поверить!

И снова подача Лены.

— Уже сказала русским языком. Уловил? Привыкай вникать с первого раза.

— Слабо, язык не поворачивается?

— Ого, голос стал другим. Хриплый какой-то...

Он спрятал руки в кармане и сказал:

— Обойдусь без твоих нотаций, детка. Пошутили и хватит.

— Могу ли я чем-то помочь? — негромко спросил старик.

— Извините, мы вам надоели, — Малхаз повернулся к нему лицом. Он чуть было не сказал «разбудили», но вовремя осекся, глядя на ожившее лицо старика. Тот почесал руку, согнал усевшуюся на ней муху, и проводил взглядом проходившую мимо официантку.

— Вы что-то хотели сказать? — настороженно спросил Малхаз.

Старик завозился на жестком стуле. Ноги его затекли в неудобном положении.

— Только то, что уже сказал.

— Мы тут несем всякую ахинею, но если очень шумно и вам мешаем...

● ТОЧНЫЕ КООРДИНАТЫ

— Нет, нет, просто я тоже хотел вставить словечко.

— Что вы его уговариваете?! — нахохлилась Лена.

Малхаз щелкнул пальцем.

— На полтона ниже, ладно?

— Еще чего!

— И вообще, чтоб окончить обмен мнениями, предлагаю по-быстрому признаться друг другу в любви до гроба.

— А зачем лгать? Опять ахинея?..

— Чтоб похилить отсюда. Так это, кажется, называется? Сделаем ноги, слиняем?

— Куда? — деловито уточнила Лена. — Есть адрес?

— Ого, уже адрес? Да нет, предлагаю по-быстрому за сигаретами. Одна нога здесь, другая там. Или встретимся вечерком у фонтана, и там я тебе улыбнусь.

— Не смешно. Могу и уйти.

— Ох, слеза навернулась. Поразила прямо в сердце.

Она встала. Малхаз не поверил своим глазам.

— Ведь можешь, когда захочешь. — Он помахал на прощание обеими руками.

— Так не прощаются, — сказала девушка.

— А как ты себе это представляешь? Покажи личным примером. Лена резко повернулась и пошла к выходу.

— А цветок? Улика забыта?

— Сунь его себе в... — процедила она и, не оборачиваясь, вышла из кафе.

— Зря вы так, — донесся до Малхаза голос старика.

— Думаете, мне было легко? Если такая вобьет что-либо в голову, то у окружающих начнется головная боль.

— Так уже и начинается. Вы утрируете.

— Уже не надеялся с ней распрощаться. Верьте мне — с такими действую по незыблемым правилам шахмат: тронул — ходи. Да она и сама мастер спорта. — Малхаз вытянул руки и глубоко вздохнул. — Георгий Евгеньевич, мне просто хотелось посидеть с вами.

— Да нет, я все понял, — сказал старик. — Ох, что-то затылок схватило.

— Правда? — Малхаз озабоченно смерил взглядом старика. — Но... но здесь все же лучше, чем на солнцепеке.

Кто-то снова включил музыкальный автомат. Музыка теперь была поспокойнее. Та же певица пела теперь об ушедшей любви. Малхаз подумал, что пластинку мог поставить огорченный Ллойд или Лена, незаметно вернувшаяся обратно. А может, кому-то из посетителей передалось подсознательное желание Малхаза услышать эту песню? «...Остатки слез ручей смывал с лица».

Песня окончилась, и певица умолкла. Никто не танцевал.

— Лена характером так напоминает мою внучку, — задумчиво сказал старик. — Ее многочисленные поклонники взяли за правило брать у нас дома толстые книги. К утру они возвращались за новыми. Да, молодые теперь одинаковые. Они такие... — он поискал глазами нужное слово на потолке и, не найдя его, замолчал.

— Вашу внучку я видел однажды, мельком. Она похожа на мою сестру...

— Дорогой Малхаз, это еще ни о чем не говорит. Люди подчас как дома: снаружи все могут быть одинаковыми, но комнаты-то разные.

— Сколько у вас внучек?

— Такая одна.

— Достаточно посадить их на шею, на голову они взбираются уже сами. Единственные и неповторимые во множественном числе, — с иронией сказал Малхаз.

— Нельзя ожидать от вашего поколения сходства с моей молодостью. Понимаю, для достижения тех же результатов сейчас требуется больший напор. Все так усложнилось...

Да, Малхазу было куда приятнее сидеть и спокойно беседовать со стариком, чем вести пулеметную дуэль с Леной, хотя они были почти одногодки. Он часто ловил себя на мысли, что людям на роду написано чувствовать себя как дома в молодости, либо осознать полноту жизни в среднем возрасте, или же находить себя в покое, обретаемом на склоне лет. Или — или... Тут надо выбирать что-либо одно и не пытаться раздваиваться. Или же расстраиваться, улыбнулся про себя Малхаз. И совсем не обязательно прожить целую жизнь, чтоб определить в себе эту склонность. Она, как наитие, приходит к тебе в самый неожиданный момент и не покидает уже до конца жизни, с интересом раздумывал он. И теперь, глядя на старика, на его покрытые редкими волосами загорелые руки — кожа морщится, словно у купленных не по размеру перчаток — она будто повторяет увядшую старческую кожу его старомодного пиджака, с которым он, кажется, сроднился и который старел теперь вместе с хозяином, разглядывая его увядшее, дряблое лицо, будто плохо пригнанную маску, сползающую с хрупкого костяка — время и старость подтачивают его, как они поступают с выветриваемыми на открытых пространствах сыпучими известняками, — всматриваясь во все это, Малхаз испытывал в себе острое чувство, подступившее к горлу горячим комком. За зримыми следами прожитых лет ему виделся ровный огонь жизни и спокойное ожидание грядущих перемен, которое старику удалось сохранить и пронести через все годы.

Достигнув определенного возраста, люди уменьшаются в размерах, изменяются пропорции. Но фигура старика оставалась такой же большой и массивной, как и раньше. Она явно не умещалась на узком стуле, и ему приходилось то и дело менять положение тела, двигая затекшими в неудобной позе ногами.

— Я вам еще нужен? — вопрос, обращенный к Малхазу, вывел его из задумчивости.

— Сейчас расплачусь, и выйдем вместе.

— Как у вас с деньгами? — снова забеспокоился старик.

— Честно?

— Абсолютно честно.

— Посидите минутку спокойно. Честно, у вас это отлично получается.

Когда они вышли на улицу, очертания домов тонули в пьяном дрожании нагретого воздуха. Над размятым асфальтом поднималось душное марево. Мимо них, высоко подпрыгивая на ходу, пробежала собака. Шершавый язык болтался, низко свисая между блестящими на солнце, словно одетыми в коронки, зубами.

— Так вы идете домой? — спросил старик.

— Позвольте, я вас провожу. Это ведь недалеко от моего дома.

Малхаз заправил вылезшую сорочку и еще раз внимательно оглядел старика. Словно угадывая его мысли, старик сказал:

— Так привык к своим удочкам, что, когда без них, кажется, что-то потерял. Знаете, с возрастом много входит в привычку. Особенно потребность вспоминать. Могу не помнить, что произошло вчера, но люди, которые скончались годы назад, стоят передо мной, как живые. А порою думаю — я все помню...

Они поднимались от порта по узкому переулку, стараясь держаться тени, отбрасываемой прохладными стенами домов, плотно прижатых друг к другу.

— Георгий Евгеньевич, надеюсь, вам не показалось, что сегодня я не признал вас там на набережной, — Малхаз замешкался. — Не выпался и был очень усталый. А когда я такой, то порой с трудом узнаю даже друзей.

Старик кивнул.

— С вами все по-другому. Верите?

— Я вас сразу приметил. Смотрел, как вы шли вдоль парапета, и решил: дай окликну. У вас был такой удрученный вид...

Подъем кончился, и они прибавили шагу.

— Как вспомню, что надо подниматься в гору, сразу заранее схватывает спину.

— Моей матери помогают мази.

— Эх, в моем возрасте уже никакие мази не годятся.

— Бросьте! Что за пораженческие настроения. Вы и сейчас хоть куда. Мы еще вместе отловим катранов. Вам уже исполнилось... э-э-э... семьдесят?..

— Раз спрашиваете, значит, видно, что все восемьдесят. Вот такие дела... Малхаз, я не чувствую своих лет. Могу повторить слова Артура Рубинштейна — на свое девяностолетие он сказал, что прожил восемьдесят и еще десятку на бис.

— Нет, я серьезно. Вы сохранились...

— Вы точно удивитесь, но иногда хочется ускорить пробежку лет. Ведь настоящее не может быть нашей целью, а прошлое... — он пожал плечами. — Тому, что уже случилось, место в музее. Так что в наличии одно будущее, да и его в моем случае остается все меньше и меньше. С годами расстаешься навсегда, и в этом весь ужас. Все происходит в последний раз. Потому старики так цепляются за привычки, за повторяемость, заключенную в них. С возрастом я, как нетерпеливый мальчишка, пытаюсь заглянуть вперед, опережая события, неуправляемое время. Изю всех сил стараюсь, хотя бы мысленно, предугадать их ход. Загадываю желания и тороплю судьбу с ответом.

— Еще немного, и я вам позавидую. — Малхаз старался не отставать от размашисто шагавшего старика. — Французы говорят: «Если б старость могла, а молодость знала!» Ведь правда, грешно отдавать жизненный опыт и мудрость на откуп одной старости — Малхаз осекся. — Извините, я ляпнул, не подумав.

Но старик будто и не расслышал. Он говорил:

— Человек по сути и не знает, что такое старость. Она приходит сама, неожиданно и без приглашения. Словно окатили на бегу холодной водой. Я ведь не вчера родился и сам не хочу стареть. Но события вертят нами, не считаясь ни с чем. Все еще надеюсь, что время многому в моей жизни придаст смысл, многое расставит по своим местам.

Они подходили к большому дому, скрытому листвой раскидистых деревьев.

— Наконец пришли, — сказал старик, и его слова сразу потонули в потоке громкого, задиристого лая, доносящегося из-за невысокой изгороди. Он усмехнулся и шутиливо продекламировал:

— Полжизни отнимает, когда неожиданно залает.

Они остановились перед калиткой.

— Эта псина до сих пор не признает меня за своего. И, представьте, меня одного.

— Заведите другую собаку.

— Мне лично хватает одного волкодава. Да и этого зять купил по случаю полгода назад. Души в ней не чаёт.

— Сошлись характерами?

— Вы смеетесь над ним?

— Нет, над псом.

— Он только на цепи злой. — Старик вздохнул. — Что же мы стоим. Может, зайдете? Почему-то мне не хочется с вами расставаться.

— Поверьте, мне тоже. Но должен идти. Меня уже заждались.

— Я бы проводил вас немного, но что-то нездоровится. Обычная усталость и заботы — это не усталость, только привычка кряхтеть. Но сегодня я и вправду чувствую себя выбитым из колеи. Наверное, пересидел на солнце. Смотрите, от моих волос остался один негатив: от солнца ли, от старости?..

— Постарайтесь уснуть, и все пройдет. Но я не прощаюсь. Нам так много осталось сказать... и вспомнить. — Малхаз замер. — Нет, все же скажу сейчас!.. Хотя, лучше все продумать. Завтра... Именно так. Найду вас на набережной. На старом месте?

— На старом месте... Я рыбачу там обычно. Вы же все помните...

Расставаясь, старик протянул руку и стоял некоторое время, словно опираясь на что-то, с трудом сохраняя равновесие. Потом открыл калитку и вошел в сад.

Малхаз проводил глазами удаляющуюся спину, подождал еще немного, пока она скрылась за задернутым густой листвой поворотом, и ушел...

Открыв своим ключом дверь, Малхаз попытался незаметно проскользнуть в угловую комнату, но тетя, оживленно болтавшая в коридоре с соседкой, все же засекла его.

— Ты уже вернулся, Малхазик? Извините, я на минутку, — сказала она соседке.

— Ночевал у друга. — Малхаз на всякий случай улыбнулся. — Телефон был весь вечер занят, и я не смог дозвониться, чтобы предупредить.

— К чему ты это говоришь. Сам же должен жалеть. Единственный племянник приехал на каникулы. Любимая тетя приготовила вкусные хачапури и все время держала их под тарелкой, чтоб не остыли. Да все зря. Ладно, поешь хоть холодные. Они на столе.

— Мне что-то не хочется...

Но она уже снова переключилась на соседку.

Малхаз вошел в комнату.

— Здравствуй, Пятя.

— А, это ты, пропащая душа. Вижу, ушел в загул. Потом поговорим как мужчина с мужчиной.

Сидевший в кресле пожилой человек, оторвавшись от чтения газеты, сдвинул на лоб очки и отложил ее в сторону. Потом встал.

— Ну и видок у тебя, гуляка. Ждали его весь вечер. Разве трудно было позвонить?..

— Я звонил.

— Ах, да, да. Я слышал краем уха, ты уже говорил об этом в коридоре.

Пятя снова сел и взялся за газету. Из-за двери донеслось:

— ...так вот, если он твердит, что «Жигули» ему тесны, пусть приделает сбоку коляску. Будет в чем катать внука. Ха-ха!..

Малхаз так и не разобрал, чей это был голос. Обе женщины говорили взахлеб, увлекаясь, как дети. Да они обе так и не повзрослели, живя изо дня в день чужими судьбами.

Он обошел стол и плотно прикрыл за собой дверь. Из невыключенного приемника чуть слышно доносилось неясное бормотание диктора. Сообщалась сводка погоды, или это шла передача о театре?.. Малхаз включил звук на полную мощность, постоял еще минуту под ревушим динамиком, так и не поняв, о чем идет речь, и, уже падая ничком на подушку, выдернул вилку из розетки.

Прохладная ткань приятно освежила разгоряченное лицо, тишина убаюкивала, и через минуту он забылся неровным сном, разбросав руки поверх одеяла.

Малхаз уткнулся лицом в подушку и стиснул руками выступавшие углы кровати. Во сне он в это время держался за ручки кресла в рейсовом самолете, заходящем со стороны моря на посадку. Около Поти их потрянуло несколько раз в воздушных ямах. Теперь самолет, прорезав вспененную поверхность облаков, разворачивался над морем, застывшим стеклянным продолжением суши.

Малхаз пригнулся к иллюминатору. Мир внизу обретал четкие геометрические размеры. Его вполне мог изобразить на доске любой школьный математик. Понятное дело, вычерченные им пространства, лишённые спящей палитры полуденного моря, проигрывали оригиналу, но основные линии и пропорции он перенес бы мелом с первой попытки. Легко и плавно на доске перед классом выводятся и не такие фигуры. Но от чего учитель отступился бы, не задумываясь, так это от нависшей над морем голубой беспредельности, влекущей в свои безбрежные дали вопреки земному притяжению. Даже жирные тучи обретали второе рождение при соприкосновении с нею и отрешенно парили над миром. . .

Самолет тем временем снижался, забирая влево, в сторону узкой кромки земли с разбросанными на ней там и сям строениями, линиями дорог и пустыми распятиями улиц. Всплески рожиц и распустившиеся бутоны отдельных деревьев — как в снятой с воздуха кинохронике времен войны, земля казалась покрытой облачками разрывов. Остальную сушу загоразивали нависшие над морем горы. Они высились, как мускулы земли, по-космически безлюдной.

И вдруг все изменилось. Что-то случилось с солнцем: оно сразу потемнело и, ничем не удерживаемое, стало заваливаться за обруч горизонта. Стало темно, потом еще темнее, и ничего нельзя было поделаться.

Малхаза знобило. «Ну и мрак, — спокойно произнес кто-то с соседнего кресла. — Его и за пять минут не осветить».

Случайный блик солнца упал сквозь прожженное небо, и Малхаз увидел в расходящейся на мгновение тьме, вблизи, под крылом самолета, ниточку посадочных огней, втасованную в смуглую кожу припавшей к стеклу ночи. Увидел и потерял из виду.

Они шли на посадку сквозь наступившую внезапную мглу, которая покрывала тлеющие огни города.

Они сели. Самолет катился вперед, подпрыгивая на неровностях покрытия. Вибрация отдавалась дрожью в руках Малхаза. Это был уже не самолет, а автобус. Малхаз прижимался горячим лбом к оконному стеклу. Сверкнула молния, и сквозь морщинистую сетку дождя он увидел, как дорожные столбы отлетали в сторону на крутых поворотах. Внизу порывистый ветер, словно сорвавшись с цепи, рвал в клочья горизонт, а море, как припадочное, с шумом билось о дамбы.

Потом он ждал ее на приморском бульваре, стоя с непокрытой головой, под неослабевающими порывами дождя. Тяжелые капли подсекали густой воздух, ночь качалась в разбегающихся по сторонам ветвях, и деревья стояли напряженные, словно готовились к прыжку.

Он забыл, откуда ждать ее прихода, а она явилась со стороны моря, маленькая, словно видимая в бинокль. Ему показалось, что она снится, и он уснул, прислонившись к замершему стволу платана, а она все шла, и волны, набегали прямо на них, а она все ближе и ближе, с горящими глазами. Дождь смывает ее в землю, но она уже рядом, развела ему руки и смочила лицо мокрыми волосами.

Малхаз открыл глаза, но тотчас снова провалился в сон. И снова ее лицо светится в темноте, и они целуются сквозь полотенец, которым она вытирает ему лоб. «Садись» — «Ты тоже садись». А он смотрит на нее, а она на него, и так спокойно, словно они на берегу тихой речки. Небо, освещенное зарею, лесенка облаков, как паруса без лодок, а внизу вода бредет себе потихоньку куда-то, и спящие мальки кажутся отражением таких же маленьких букашек, несущихся по гладкой поверхности воды. . .

«Это песочные часы?» — спрашивает он, показывая на забрызганный зеленью золотистый песчаный берег; но никто не отвечает. Он оборачивается, а вокруг пусто, и тут птица, как подброшенный камень, взлетает из самой воды, метрах в пяти от берега. Он вскакивает и тут же садится.

Его душат слезы, а в ушах звон раскалываемых льдин. Кто-то положил руку ему на плечо, а потом потянул сзади за край рукава. «Остатки слез ручей смывал с лица. . .»

Малхаз лежал в холодном поту. Из соседней комнаты, как помехи в настраиваемом приемнике, доносилось ровное потрескивание переговаривающихся голосов. Хлопнула дверь, и гул утих. Он силился разомкнуть веки и чуть было не заснул опять, но тут в комнату кто-то вошел. Малхаз услышал звук приближающихся шагов, но разглядел тетю, только когда она отошла от его кровати и стояла уже в дверях.

— Ты не спишь, милый? — Она включила свет. — Знаешь, который час? Уже восемь. Забыла, зачем пришла. — Постояв у порога, она вспомнила. — Вот он, этот уют, — и улыбнулась. — Он же тебе не нужен?

Взяв уют, она молча шагнула к двери, но, не вытерпев, продолжала:

— Не хотела тебя будить, но ты проспал весь день. Люди вокруг все болеют, болеют. . . Пусть себе болеют на здоровье.

Тетя все подбирала слова, никак не решаясь приступить к главному. Малхаз насторожился. Такое с ней случалось редко. Ему невольно захотелось помочь ей, навести на мысль, подсказать нужное слово. Сонливость сняло как рукой, но вдруг словно тяжелый маятник качнулся в его сердце, стены комнаты поплыли куда-то под взглядом, и дыхание перехватило, как бывает в начале полета. Тетя сказала:

— А у нас по соседству произошло несчастье. С одним стариком. Хотя такое может случиться с каждым. У меня прямо сердце в живот провалилось, когда я узнала об этом.

Малхаз задержал дыхание и снова прикрыл глаза, словно ожидая удара.

— Да что я тебе рассказываю. По-моему, ты его знаешь. Он пенсионер, преподавал в музыкальном училище. Живет через несколько домов от нас. Пришел домой с рыбалки, лег. . . Внучка подходит к нему зачем-то, но он уже не дышит. Так ей самой плохо стало с сердцем. Бедняжка, как я ее понимаю. А старик был такой здоровый. Только в последние годы стал хворать, как внучка замуж вышла. Судачат, зятя шофера раздражал своей образованностью. Георгий Евгеньевич, — произнесла она имя. — Правду говорят люди: крепкое дерево сразу валится. . .

Гурам СВАНИДЗЕ

ОКНО

Его звали Шио. Он был узнаваем до невозможности. Очень простодушный парень. Из деревни. Но как-то не поворачивался язык назвать его деревенщиной. Сельчане на самом деле народ прыткий и хитрый. Месяц-другой — и их не отличишь от горожан. Под конец учёбы видишь, что лучше городских устроились. Шио был особенным сам по себе.

Однажды после экзамена все вместе пошли в кино. Шла французская комедия. Шио начинал смеяться с некоторым опозданием, когда уже никто не смеялся. Получалось, что хулиганил. На нас шикала публика и требовала унять нарушителя порядка. После сеанса, его пригласил зайти к себе в помещение полицейский. Некоторое время мы мялись у дверей участкового, потом туда зашёл я. «Хулиган» уже вставал со стула.

— Что за фрукт? — обратился блюститель порядка ко мне, когда удалился наш товарищ.

— С нами учится.

— Теперь я знаю не только то, как его зовут, а ещё имена родителей, председателя колхоза, кличку любимого пса и быка-производителя в их деревне.

— Он — «лимитчик».

На первом диктанте по родному языку «лимитчик» умудрился допустить 67 ошибок. Впрочем, диктант был предельно сложным, если учесть, что наименьшее количество ошибок — 12 допустила одна зубрилка, толстая девица в очках. Шио поверг в ужас лектора — пожилую женщину, «божьего одуванчика». Бедная, она не могла понять, как в студентах может ходить человек, «пишущий каракулями и с невероятным количеством ошибок». Наиболее «смешные» ошибки обсуждались всей ответственностью. Особенно доставалось ему от «штатного остряка» — Резо.

Однажды Резо послал легковверного Шио в соседний город. Дескать, там открыли новый магазин американских джинсов. Магазин называется «Техас». Шио живо отреагировал на информацию.

Другой раз перед тем, как пойти на панихиду по умершей родительнице одного из лекторов (пожилой женщины), Резо «проинструктировал» Шио, чтобы он «от имени коллектива» приложился ко лбу покойницы. Тот было начал протестовать, но его урезонили, что в городе в профессорских семьях «так поступают». Он так и поступил, чем вызвал неоднозначную реакцию у окружающих.

В общежитии, где жил Шио, один разбитной парень завел у себя в комнате «уголок секса». Настоящие картинки с голыми девицами вывешивать в комнатах было запрещено. Их немедленно срывал представитель администрации. Официально это был стенд под названием «По ленинскому пути». Его увенчивало фото вождя, где он под руку с Инессой Арманд. Намек на известные обстоятельства. На стенде вывешивали вырезки из газет, самые обычные. Но чем более идеологически было выдержано их содержание, тем «непосредственнее» оно ассоциировалось у нас с деликатной сферой. Произошёл такой случай. Один пареньк пришил к стенду рекламу: «Хачапури приятное на вкус, тает во рту»... Реклама имела успех. Она быстро навела на определенную ассоциацию. Когда шёл обычный разговор и кто-то крикнул по какому-то поводу: «Ещё минутку!», всем послышалось: «Ещё... минут-ку!»... Нашёлся «шутник», который написал на стенде имя «Шио».

Мне было жаль Шио, но я не мог поступать иначе. Все так поступали.

Однажды произошёл инцидент. Воспользовавшись тем, что Шио отсутствовал в аудитории, Реваз залез в его папку и извлёк оттуда тетради, обыкновенные, в 12 листов.

— Вы посмотрите — дневник. Какие утонченные запросы!! Какая рефлексия! — говорил он нарочито громко.

В этот момент вошёл Шио. Он дожёвывал пончик. Сначала показалось, что его пленило звучание таких высокопарных оценок, но, рассмотрев в руке Реваза свою тетрадь, он вдруг преобразился. Его глаза стали водянистыми, лицо разгладилось. Через минуту-другую обидчик был опрокинут наземь. Шио проявил жестокость, которую никто не предполагал в нём. Вроде, казалось, что кончится тем, что дерущихся просто разведут. Но вдруг тело Реваза сникло, а ноги задёргались в конвульсиях. Шио душил его. Лицо было совершенно спокойным. Тут истошно завопили девушки, засуетились мужчины. Несчастного увезли на «скорой помощи». Шио увели полицейские. Один из них записал фамилии свидетелей и изъясил вещи Шио. Перепуганная молодёжь ещё долго оставалась в аудитории. У некоторых дрожали руки.

Тут я обратил внимание на тетрадку, валявшуюся в пыли поодаль от того места. Я поднял её и положил в карман. Ещё подумал, может быть, следователю передам. Но что-то я не проникся доверием к держиморде. Дома принялся за чтение. Думал, что за 10 минут пробежусь по тексту. Однако втянулся.

20 сентября. День опять неудачный. Реваз надоел. Все надоели, того и жди подвоха. Соседи по комнате ночами постоянно выпивают и курят. А мне много читать надо. Решил снять комнату в городе, уйти из общаги. Потом эти шутки идиотские на сексуальные темы. Обделенцы озабоченные! Слышно, как перед тем, как ко сну отойти, онанистикой занимаются. Кровать под ними скрипит. Кашлянешь, прекращают. Переждут, а потом опять начинают. А один утром этим балуется.

22 сентября. Дом нашёл недалеко от метро. Баня недалеко. Комната в конце двора. Понравилась. Правда, удобства во дворе. Хозяйина Амбарцумом зовут. Он недолго со мной торговался. Я ему чачи деревенской подкинул. Добрый стал. Тут же в магазин с моим задатком за закуской убежал. Захожу в свои хоромы. Когда открыл дверь, слышу живность по разным углам «шарк-шарк». Крысы, конечно, по хвостам определил (мельк-мельк по тёмным углам). Решил в общагу вернуться. Стоял я во дворе и ждал хозяйина. Пришёл родненький. Божил-ся, что никаких крыс в комнате не водится.

— Может ты, того? — спросил он меня.

Вошли в комнату, обшарили углы, нигде нет дыр. Всю ночь не сомкнул глаз. Чувствую, как эта сволота рядом, одна за другой вдоль плитусов шастает. Ещё окно, как глаза ворожеи. Оно на тупик выходило, концом тупика было. По бокам гнилые заборы.

23 сентября. При свете лампы читал Фолкнера «Шум и ярость». В университете все с ума посходили. Никто не знает, что первоначальное название «Звук и ярость». У Малькольма Каули вычитал. Такого фолкнероведа, небось, не знают. Кэдди, Кэдди... Запах жимолости тугими волнами накатывает. Кваканье молодых лягушек колокольчиками переливается. Посмотрел в сторону окна. И впрямь, из всех дыр сквозит аромат, и этот перезвон...

Какая-то блядь сравнила меня с Бенджи. Еле сдержался. Но немножко посмеялся с другими, чтобы, как скоты, не затоптали.

Но что это? Крики и вопли под окном. Двое дерутся. Как звери. Я бросил читать и к окну прильнул. У одного, видно, палка была. Один затих. А другой продолжал его палкой бить. Я кричу: «Прекрати, сука! А то я сам сейчас выйду!» Тот убежал. Как спать, когда под окном мертвец, что — конец тупика и вряд ли кто здесь скоро появится. Окно открыл, вылез. Воняло сырой гнилью. Луна стояла высоко. Тела нигде не было видно. Чертыхнулся, пописал на землю. Успокоился. Влез обратно. Утром снова выглянул в окно. По улице ходили люди, никто не заглядывал в тупик, будто его не было.

24 сентября. Утром Амбарцум спросил меня, кого я материл ночью. Во сне, наверное, говорю.

— Не слышал, что братья Т. по соседству поножовщину меж собой устроили, — говорит он мне.

— Не слышал, — ответил я. Амбарцум говорит мне:

— Много читаешь!?

Я ему говорю, что электричество не жгу.

— Не в этом дело, жи сколько хочешь. Чтоб не чебурахнулся, как мой родственник. Тоже студентом был, много читал, крыша поехала! Вообще, как со сном и аппетитом? — спросил старик и посерьёзней. Я не стал откровенничать, хотя его внимание ко мне меня тронуло».

4 октября. После уни в кино сходили. Там француз, как будто блондин и как будто высокий на экране выкаблучивался. Помню его визит в Тбилиси. По ТВ показали. Сначала показали, как он с журналистами по-хамски обошёлся, а потом мальчонка, что с ним роль должен был играть, прямо-таки заявил, что этот француз — плохой и злой дядя. Дитё лучше всех иногда понимает. Не мог я его ужимкам после это смеяться. Только Бесо (тут я насторожился, ибо речь шла обо мне) и смешил меня своим смехом. Как кур кудахтал. Но надо отдать ему должное, когда меня, как нарушителя порядка, дурак-сержант допрашивал, только он зашёл меня выручить. Манера шутить у него странная. Чуть что начинает: «А вы меня в Израиль не гоните! Здесь моя родина!» Как будто и так не ясно, что из аборигенов.

Я ухмыльнулся. Евреи в Израиль стали выезжать. Другим тоже хотелось запретного плода эмиграции попробовать. Народ ухищрялся, как мог, только за кордон выскочить. Помню, один знакомый выехал в заграникомандировку. Педерастом прикинулся, чтоб только не возвращаться. Мол, дискриминируют его как сексуальное меньшинство.

10 октября. Опять лажанули. Послали во Мцхету за джинами. Дело не в негодяе Ревазе. Там на самом деле в еврейских лавках джины можно достать. Денег мне отец прислал. Виноград сдал. Как назло, нужных джинсов не нашёл. В уни весь день хихикали.

Ночью снилось, как крысу в угол загнал. Она старая, поседевшая, зад опущенный. Ощерится и в глаза бросается. Я её несколько раз венником отбил, пока позвоночник не перебил. Потом взял за хвост и из окна подальше выбросил. Руки помыл под умывальником.

Наутро Амбарцум спрашивает меня, почему вид у меня такой, будто я кого сношал или меня сношали. Я промолчал. А он мне в спину продолжает говорить: «Чачи побольше из деревни привези».

17 октября. Только и разговоров о Фрейде. О либидо. Бесо называл её (здесь я опять поёжился) Либидо Ивановной. Кстати, всё у него от Ивана — Шизофрения Ивановна, Глупость Ивановна и т.д.

Я сам лично раз 8 выписывал в библиотеке «Тотем и табу». Столько же раз отказывали, «несмотря на уважение». На девятый раз «из уважения» мне самому позволили спуститься в подвал. Библиотекари доверяли мне. Где ещё такого читачу найдут? Спустился я в подвал. Заветная книжица лежала не на своём номере, а рядом. Видно, лет 50 назад кто-то по ошибке положил. С тех пор книгу не могут найти, остолопы. За такую услугу мне разрешили взять книгу домой.

Сижу, читаю при свете лампы. И вдруг со стороны звуки какие-то странные, вроде как голубь сладостно воркует. Я подошёл к окну. Вижу в начале тупика, на улице под фонарём подростки. Нервные какие-то, по движениям видно, в мою сторону смотрят. Даже дурно стало. Тут опять голубь заворковал. Чувствую, что в темноте под окном что-то творится. Вот от тьмы отделилась фигура и направилась в сторону площади. По спине вижу, что мальчуган лет 14-15. От толпы навстречу к нему другой подросток идёт. Окунается во тьму. И опять голубь заворковал. Потом и этот мальчонка из темноты к площади направился. И тут вслед за ним толстозадая матрона с седыми волосами появляется. Еле, как утка, с ноги на ногу переваливается. Идёт шалава, деньги считает и себе в сиськи кладёт. Вот тебе и Либидо Ивановна».

31 октября. Однажды Амбарцум говорит, почему из норы носа не кажу. Вон, девица во дворе объявилась.

— Абтурент (абитуриент), приехала из Поты. Срезалась на вступительных экзаменах. Как бобыль живёшь, — продолжает, и глазом подмигивает, — а то, как мой родственничек, умом тронешьсяя.

Я её во дворе видел. Она под краном посуду мыла. Помогала тётке по хозяйству. Довольно смуглая, маленькая. Заметил, что по утрам, когда я физзарядкой перед своей комнатой занимался, именно тогда эта девица появлялась. Венерой звали. Уже холодно было, а она в халатике, без чулок. Неосторожное движение и ножка обнажалась. В метро встретились, как старые знакомые. Вагон переполненный был, чувствую, как её рука блуждает по моим деликатным местам. А когда поворачивалась к выходу на нашей остановке по амплитуде рукой невзначай махнула и «случайно» задела. Я вспыхнул... Когда шли домой, как ни в чем не бывало, вели разговоры на посторонние темы.

Сегодня утром, когда зарядку делал, она опять в халатике вышла. Осмотрелась по сторонам и в мою сторону. Опомниться не успел, как меня в комнату затолкала. Когда потом лежали, она меня спрашивает, что я на окно постоянно косо смотрю. Раскрылась и всей красой в сторону окна повернулась. А я говорю, что тупик там. Она подошла к окну и от страха взвизгнула: «Пасюк, пасюк за окном!» Видит, что я напрягся, сразу изменилась и сказала, что пошутила.

9 ноября. Вышел на улицу. Слонялся без дела. Серо и сыро было. Вижу, народ на улице возбужденный перед настезь открытыми воротами собрался. Охают-ахают, головами с укоризной покачивают, но не осуждающе, а так, когда чью-то судьбу клянут. Две «скорые» ещё стояли. От ворот вниз ступеньки во двор вели, дверь открытая, собака — дворняжка внутрь заглядывает. Плач слышится. Точно, кто-то только-только умер. Я спустился по ступенькам. Собака виновато завилала хвостом и пропустил меня в ту дверь. На тахте мальчонка лежал. Головка кучерявая. Синюшность на лице, поглубевшие губки разомкнуты, видны верхние зубы. Не знаю, почему я остановил свой взгляд «на улыбке». Неужели он из толпы меня выбрал. В это время врач-мужчина, задрав майку ребёнка, его грудку то большим, то указа-

тельным пальцем тыкает, а на лице выражение брезгливости. С ним молодая женщина-врач говорит. Оправдывалась, кажется. Блондинка, ухоженная, в кольцах и с серёжками. А у ног мальчонки мать убивается, плачет навзрыд. Голос слабый, силы нет. Одна женщина, видно, что соседка, с понимающим и заговорщицким видом, даже участливо вроде улыбается врачу-мужчине, говорит, мол, болезненный был бедняжка. Болезнь назвала какую-то. Минут пятнадцать назад всё произошло. Побежал за сестричкой, потом вдруг остановился, стал задыхаться и упал. В это время сестричку привели. Пострелёнок такой, явно крепче брата. Ей казалось, что её хотят наказать, упиралась, капризничала и ещё понять не могла, почему народу столько. Потом увели её. Тут я на одного молодого человека обратил внимание. Стоял в сторонке и плакал, как скулил. На мать похож чем-то, слабый. Мамин брат. Похоже, что из деревни его привезли, как к труду неспособленного. Худой и нескладный. Представляю, что он с детьми возился. В это время слышу наверху в воротах машина подъехала, дверь спешно хлопнула и в комнату ввалился огромного роста мужчина. Ввалился и встал, как вкопанный. Девочка на него похожа была. Стоит и молчит, чуть покачиваясь. Смотрит вверх всех на ребёнка. Тут соседские мужчины к нему подошли, успокаивают и говорят, что вещи надо из комнаты выносить. Тот молча утвердительно качнул головой. Стали обязанности распределять. Повернулся он к «брату жены», хотел что-то поручить, но передумал. А тот продолжал стоять у стенки и скулит, слёзы из глаз текут, не догадывается их вытирать.

Вслед за врачами я вышел на улицу. Народ не расходился. Трамвай-татарайка проезжал мимо, я не стал прислушиваться к разговорам и неожиданно для себя бросился бежать за трамваем. Догнал, запрыгнул на подножку, только потом спросил номер транспорта. Никогда не пользовался этим маршрутом. Прошёл в почти пустой вагон и сел на скамейку. Ритмичный стук колёс навевал дремоту. Очнулся, когда вагон был совсем пустой и, как будто без ватмана, бесприточно двигался по улице, осененной деревьями в цвету, через окна валил солнечный свет. Я вдруг заплакал.

Здесь я оторвался от чтения. Посмотрел на окно моего кабинета. Вид на кирпичную стену дома напротив. Никаких райских кущ не узрел.

Некоторое зазрение совести чувствовал, что это я по чужим дневникам, как в душе, шарю. Я начал рационализировать: тетрадь поможет следствию, человек наваждениями страдает. С такого взятки гладки...

10 ноября. С утра настроение хреновое. Вчерашнее вспоминалось — мёртвая улыбка того ребёнка. Она как будто ко мне обращалась. За окном постылость. Серый свет. Остался в постели до 2 часов. Потом встал и Венеру позвал. Она вдруг робость проявлять стала. Говорю, что поговорить хочется. Рассказал ей о вчерашнем. О саде тоже. Она молчала, потом сказала, что тетка её хватится. Кажется, напугал девочку.

15 ноября. Прошёлся по Руставели. Туда и обратно. Здесь большая вероятность кого-нибудь встретить и поговорить. Много красивых девочек гуляет. Завёл за привычку такие прогулки. На Земеле в доме Тер-Казаряна как-то приметил одного субъекта. Дом выстроен в готическом стиле с башнями. Тот тип постоянно торчал в окне одной из башен. Каждый раз, проходя мимо, невольно глаза поднимал, чтобы убедиться, что тот мужик на «посту стоит». Взгляд у него неподвижный.

Старый Тифлис. Фото Карена Маркаряна.

Сегодня почувствовал, что наши глаза встретились. Увидел, как улыбка на его губах еле заметно зазмеилась. Не исключено, что показалось.

17 ноября. Народ вообще испорченный. Когда Платона проходили, так только его диалог «Тимей» одолели. Про гомиков там. — «“Федон” читали?» — спрашиваю у сокурсников. — «Про что это?» — спрашивают. — «Там три доказательства бессмертия души» — «Совсем рехнулся!» — в мой адрес прозвучало.

Другой раз прихожу, слышу, смеются коллективно. Достоевского обсуждают, «юмористические» места. «Прямо, как О’Генри!» — ляпнул кто-то. Насколько понял, читали диалог Ивана Карамазова с чёртом. Или «Дафнис и Хлоя» Лонга прочитал. Пастораль. Вспомнилась деревня, как с отцом по утрам на озеро выходили на лодке ряпушку брать для городских. Из Тбилиси народ приезжал за 100 километров. График был, чтоб для свадеб и поминок в определённые дни запас имелся. Или, бывало, напахуюсь за весь день на кукурузном поле, приду домой, ноги помую, по пояс искупаюсь, волосы причешу. И никакой усталости! Выходил на околицу к клубу с ребятами посудачить... У нас в группе Лонга тоже прочли. После этого стали приставать к Нике. «Гнатончика», мол, не видел? Гнатончик — перверт, что к Дафнису приставал. Ника — неженка, зубы испорченные. Очень умный. Я им, что пристаёте к парню. А тебе что? Я говорю, что настоящих пидаров не видел? Кого имеешь в виду? — начали выяснять с гадким любопытством.

Ника в руку смеялся, чтоб зубы не показывать. А рука не то что тощая, а хрупкая. И ещё походка у него была странная. Как будто вымучивал, то косолапил, то прихрамывал... лишь бы не сказали, что задницей вертит. Худо, когда ни улыбнуться, ни пройтись свободно. Паренёк кра-

● ТОЧНЫЕ КООРДИНАТЫ

сивый, хотя и сусальной внешности. Но он не унывал. Своё оружие имелось — информация. По проспекту с ним гулял, он рассказал про Резо. Тот с ним в одном классе учился. Заявился как-то Ника к Резо утром. Уж очень рано, раз вся семья полуодетая ходила. Стоит гость в прихожей, ждёт, когда люди после сна отойдут. И тут слышит: «Мама, Резо опять описался!». Так младшая сестричка братцу подкузьмила. Мать ей: «Прекрати, дурочка, обманывать!». А девчонка опять продолжает. Даже обида в голосе, почему, мол, не верите. А тут и писун появился. В свежих трусах, чтоб показать Нике, что не писался. У самого же глаза виноватые. Кстати, уже довольно взрослые были — учились в 10 классе.

Ещё бабка у писуна тихо помешанная была. Так и померла в психушке. Среди хроников держали, потому что своего внука чуть не прибила. Зашла за ним в детсад. Обычно отец наведывался, а тут она заявила. Воспитательницы давать не хотели ребёнка. Неладное почувствовали, но уступили всё-таки. Бабка ведь. Потом отец на машине приехал. Встревожился. Домой звонит, нет его там. Бросились искать. Чудом успели. Бабуля внука на рельсы укладывала на железной дороге. Будто прощалась. Резо — пуганый товарищ. Даже пожалел я его.

20 ноября. Сцену наблюдал. После долгой прогулки меня разморило. Я остановился у автобусной остановки. Моё внимание привлекло одно армянское семейство. Видимо, только-только из гостей. Как часто бывает, взрослые слегка иронично отзывались о хозяевах, но все выглядели сытно пообедавшими. В самый момент, когда надо было подняться в подъехавший автобус, вдруг хватились: «Артурик пропал». Семейство заметалось в панике. Автобус ушёл. Отец, полный невысокий мужчина, рвал и метал, а его жена, дородная женщина, колотила себя по щекам, двое разновозрастных чад стояли испуганные. Первая пришла в себя девочка лет двенадцати. С испуганным лицом, но уже о чём-то догадавшись, она, толстенькая, трусцой побежала в сторону поворота на другую улицу и на некоторое время скрылась за ним. Всё семейство и я смотрели в ту сторону. И вот из-за поворота появилась девочка («мамина умница!»). Под руку она вела незадачливого Артурика — полного подростка в коротких штанишках. Его лицо улыбалось, но по мере приближения постепенно принимало виноватое выражение. Отец подбежал и залепил мальцу пощёчину. Тут подбежали матушка, сестра, совершенно счастливые от того, что пропавший нашёлся. Оказывается, задержался-заигрался в гостях.

Подумал, как мило. Они подкупали своей непосредственностью.

22 ноября. Когда проходил по Земелю, опять того парня в окне увидел. В той же позе. Он вдруг заулыбался и поднял руку вверх в знак приветствия. Я не знал, как поступить.

25 ноября. С утра мышиною цвета небосклон давил. Тяжело было на душе. Завтракать не стал. Пошёл в баню. Очередь была большая. Постоял полчаса, надоело. Решил прогуляться по проспекту. Прямо из бани направился в метро. Когда поднимался на эскалаторе на Земеле, почувствовал неладное. Народ возбужденный был. Поднялся наверх и вижу, тот дом в готическом стиле оцеплен полицией. Насчитал пять карет скорой помощи. Люди в шоке. Толком ничего объяснить не могут. Посмотрел на окно, чтоб «старого знакомого» увидеть. Не было его на месте. В сердце защемило от дурных предчувствий.

Пошёл я в Кировский парк, что неподалеку находился. В шахматы там поигрывал. Шахматный павильон почти пустой был. Сидело не-

сколько пенсионеров. Двое играли. Партнеры хамили друг другу. Эти любители мало того, что плохо играют, ещё жадность проявляют, не вернут ход, сколько ни проси, нетерпеливы, когда задумываешься. Сколько мужиков наблюдал, что здесь вдруг в мелких интриганов за шахматной доской превращались, неприятно нервозных. Всякое достоинство теряют. Я сижу со своими банными принадлежностями в сумке, смотрю и слушаю. В это время разговор два старичка вели:

— Таким образом 8 человек зарезал. Утром подстерег и порезал кухонными ножами. Там же, знаешь, коммуналки. Двери не закрываются. Кто на дороге попадался, того и пырлял. Настя его ножом в грудь в ответ. Помнишь, такая баба-городовой. Её тоже сильно поранил в руку. Крик стоял!!!

— А кто он? — спрашиваю.

— Васо зовут. Его родители на поруки взяли из психушки. Сами в Ваке жили, а его в комнате на коммуналке на расстоянии держали. Он ещё фашиста из себя изображал.

— А не тот ли, что постоянно в окне торчал, — спрашиваю. Озарило вдруг.

— Тот самый. Шпыняли его, правда, всюю. Проходу не давали...

Ночью опять нашло. Слышу, как крысы хоровод водят вдоль плинтусов. Появляются одна за другой и пропадают сквозь лаз под окном. Как ошарашенные, правильным ходом одна за другой. Как будто электродуга пошла, и они в ней напряжение поддерживают своей очумелостью. Забился я в свою кровать и думаю, если внимание привлечу, скопом по команде набросятся. Гляжу в окно, на улице луна выско. Может, от этого у них такой психоз.

Здесь кончался текст. Тетрадь тоже. Последнюю фразу Шио еле уместил. Не исключено, что было продолжение. Он описывал событие полугодовой давности. Весь город в смятении пребывал. Этого убийцу вместе с его жертвами вывозили. Все они накрытые были на носилках. Ему операцию сделали. Рану зашили. На следующий день, когда очнулся, в буйстве все раны порвал. Умер. Меня разбирало любопытство: может быть, Шио ещё раз меня помянет?

Он жил в самом конце двора. Я шёл, как сквозь строй. Меня расстреливали беспардонные любопытные взгляды, зыркающие из одноэтажных строений, конурок и сараев. Женщины, увидев меня, прекращали скандалить, потом продолжали истеричные разборки. Наглые мальчишки забегали вперёд и смотрели в упор. Чернявая девица мыла грязную посуду под краном во дворе, моё появление отвлекло её, и она развела лужу. Только пьяные мужики меня не замечали. Они играли в карты. В ногах путались то кошки, то собаки, то голые младенцы. Вспугнул сонных кур. Стоял жуткий запах нужника, а по воздуху носились зелёные мухи.

— Студент жил здесь, — сказал мне воночий старик со взглядом постаревшего пьяницы. Трясущаяся рука показывала на дверь и окна, облепленные старыми газетами, вместо занавесок. За дверью было тихо и прохладно. Сбоку от входа находилась кухонька — комнатка размером в квадратный метр. Короткий тёмный коридор упирался в старую дверь. За ней открывалась длинная, как пенал, комната... шкаф, кровать, стол стояли один за другим. Надо было бочком протискиваться мимо них, чтоб дойти до окна, мутного, с облупленными рамами. От него шёл серый свет.

Тетрадка, книги лежали на столе. Клеёнка была загажена характерным крысиным калом и запятнана следами грызунов. А сами тетрадки и книжки изгрызены в клочья.

Александр ЭКСЕРДЖЯН

МАРКОС

Весна 1942 года в горах Кавказа выдалась холодной и снежной. Гитлер рвался в Баку, был взят Беслан. Младший лейтенант Маркос Кукунян, служащий в войсках обеспечения, периодически по долгу службы приезжал в штаб 18 армии для передачи войскам боеприпасов, снаряжения и прочих грузов. Преодолеть узкую ниточку заснеженной Военно-Грузинской дороги, связывавшую обороняющиеся войска Советской Армии на подступах к городу Орджоникидзе с находящейся в тылу Грузии, было далеко не просто. Преодолеть в снегопад печально известный Крестовый Перевал и находящийся на подступах к нему отрезок дороги под названием Родники Семи Братьев, где семь родников проложили свои ручьи поперёк узкой горной дороги, и в мирное время считалось подвигом. Неожиданные обвалы и снежные лавины сметали в глубокую, практически, бездонную пропасть, не только людей и повозки, но и гружённые снарядами и живой техникой американские трёхосные «студебеккеры», наши ЗИСы и ГАЗы. В специально вырытых в горе безопасных уступах-нишах, словно минотавры, притаились тяжёлые бульдозеры, никогда не глушившие двигатели. Едва внезапный обвал, сметая всё живое и неживое с полотна дороги, затихал в глубинах пропасти, бульдозеры-могильщики, не обращая внимания на крики о помощи, раздававшиеся из темноты, в считанные минуты восстанавливали движение на перевале. Работы по спасению нескольких жизней могли обойтись сотнями, а то и тысячами погибших при бомбардировке скопившейся техники на перевале. Водители этой техники, как говорили местные старожилы, долго на этом месте не задерживались: или спивались, или сходили с ума, или уходили на передовую, подальше от ужаса настоящей преисподней. Это была война в войне.

Маркос без страха, и даже, можно сказать, с лихим наслаждением каждый раз, когда это требовалось по службе, преодолевал все эти смертельно опасные места. Там, за перевалом его всегда ждала его любимая, которую он знал ещё девочкой. Встретив её в штабе 18 армии, он сначала не узнал в ней стройной, черноокой и чернобровый Светку-Пипетку, игравшую в куклы на балконе по соседству с его сестрой Маргаритой. Два близких человека потянулись друг к другу. И внутри гибельного тела войны они создали для себя маленький мир нежности и надежды на лучшее. В свой прошлый приезд Светлана, смущённо опустив глаза, сообщила Маркосу о том, что у них будет ребёнок. Эта известие его сначала оглушило, но затем вознесло на такую высоту радости, что не находя слов, он прижал Светлану к себе и долго не отпускал. Счастлирое время, как известно, пролетает мгновенно, и на следующий день Маркос двинулся обратно через гибельный перевал, в Тбилиси, за очередным пополнением.

Почти неделю он не мог выбраться к Светлане. Формирование пополнения и нового обоза заняло больше времени, чем он предполагал. Накануне выхода обоза из села Казбеги, на окраине которого начинался Крестовый Перевал, пошёл мокрый снег с дождём, не суливший лёгкого пути. Но окрылённый Маркос не унывал. Перед прошлым отъездом от Светланы он договорился с местным жителем, регулярно ходившим со своей подводой и парой лошадей через перевал, перевоза людей и грузы, и имевшим пропуск на проезд через Крестовый. Маркос велел ему найти побольше сена, чтобы сделать поездку до села Казбеги более комфортной для беременной Светланы. Маркосу, казалось, что добраться из Казбеги в Тбилиси не представляет больших проблем. А там, дома, сестра Маргарита уже готовилась принять невестку, как подобает.

Оформление документов на проезд через перевал не заняло много времени. Закончив свои дела и дождавшись темноты, Маркос со Светланой в подводе, щедро обложенной сеном, брезентом и овечьими полушубками, тронулись в путь. Сквозь лёгкий туман в низинах зловеще выползали натужно гудящие грузовики, нескончаемым потоком тащившие вооружение и боеприпасы к фронту, магически поблёскивающие синей противобликовой фарой в прорехах тумана. До опасного участка дороги, длиной около трёхсот метров, проложенной по склону горы и имеющей форму серпа, добрались без особых трудностей через несколько часов. В виду того, что в этом месте дорога была узкой, по концам опасного участка стояли регулировщики, которые по очереди пропускали поток транспорта то в одну, то в другую стороны. Получив разрешение на проезд, Маркос и возница спешили и, взяв коней под уздцы, пошли почти бегом, прижимаясь к горе. За ними шло ещё несколько подвод и «виллис» с комсоставом. Рокот надвигающейся лавины они услышали в последний момент. Остальное он не помнил. Когда его подобрали сапёры, в руках у него были зажаты обрывки вожжей.

Маргарита нашла Маркоса на койке госпиталя в Тбилиси — в отрешённом оцепенении, со сжатыми до синевы кулаками. На подушке лежала голова совершенно незнакомого ей человека: редкие, всклокоченные седые волосы, ввалившиеся щёки и остановившийся взгляд ничем не напоминали ей её брата.

Спустя некоторое время он научился реагировать на окружающий его мир, но в чёрно-белом, искажённом виде. Он не признавал потерю любимой женщины и своего будущего ребёнка. Он считал, что они просто ждут его в известном только ему месте. Нужно лишь накопить денег, чтобы увезти их через океан, в другую страну, где нет войны, где всегда тепло и их мир снова наполнится светом и добром. А пока . . . пока мир застыл.

Маркос получал военную пенсию, надбавки за инвалидность. Он никогда не тратил на себя ни копейки. Откладывал. Прошли годы, Его сестра Маргарита, столько сделавшая для него после войны, болела. Скудной пенсии не хватало на еду и лекарства. Несколько раз она просила Маркоса одолжить ей денег, но он отказывал, говоря, что жена с ребёнком голодают и ждут его. Говорили, что он скупает николаевские золотые червонцы. Но чего не скажут про больного, безумного человека.

В конце пятьдесят девятого года к нему пришли с обыском. Видимо, кто-то «капнул». В пустой комнате ничего не было, кроме железной продавленной кровати, убогого, пустого шкафа и колченого стола. Пока один в штатском и два милиционера копались в его комнате, Маркос, оставленный без присмотра на балконе второго этажа, где находилась его убогая коморка, встал на перила балкона и ласточкой, головой вперёд, прыгнул во двор. От смерти его спасла верёвка с бельём, натянутая по обыкновению соседями на первом этаже и ветви акации, которая росла под балконом. Обыск ничего не дал, Маркос пролежал несколько месяцев в больнице с переломом ноги и сотрясанием мозга. Домой его привезла всё та же Маргарита.

В шестьдесят третьем Маркоса не стало. Когда его обнаружили, оказалось, что он умер от голода. Его похоронила Маргарита и соседи, собрав в складчину необходимые для этого печального действия средства. Комнату опечатали, и ещё несколько месяцев косяк двери зловеще чернел сургучовой печатью. Новые соседи, появившиеся внезапно, сорвали печать и выкинули из комнаты старую мебель во двор. Соседи растащили её на дрова. Когда же от стола оторвали ножки, из чрева одной ноги выкатились на землю несколько золотых червонцев. Сколько их было, я не помню. Но домком (была в те времена такая общественная должность), вызвала милицию, и деньги в присутствии понятых пересчитали, упаковали и увезли.

Алексей КОРОТЯЕВ

ПОСЛЕДНЕЕ ПАРИ АКТРИСЫ

Скорая помощь приехала быстро — минут через тридцать-сорок. Врач с двумя помощниками энергично вошел в дверь, открытую просто одетой, но очень красивой молодой женщиной.

— Куда идти?

Дама, жестом пригласив следовать за собой, повела их через прихожую, загроможденную массивными кожаными креслами и старомодной, с множеством крючков, дубовой вешалкой. Затем они прошли в просторную гостиную. Из нее — в маленькую, очень опрятную, почти без мебели комнату и, наконец, в коридор, заканчивающийся полуоткрытыми двустворчатыми дверями.

— Она здесь.

Пропустив всех вперед, женщина осталась стоять на пороге, прижав ладони к груди и глядя в полумрак полными тревоги глазами.

Больная лежала на широкой кровати, обложенная подушками. В комнате пахло лекарствами и старыми вещами. Высокий потолок почти терялся в невероятной высоте. Тяжелые шторы на окнах плотно задвинуты. Слабый источник света, находящийся на столе, тускло освещал коробку из-под обуви, полную разных пузырьков и коробочек. Доктор подошел к кровати и поставил свою сумку на стоящий у изголовья стул. Женщина часто и тяжело дышала. Глаза закрыты. Лицо синюшной бледности, усиливаемой лампочкой искусственного света из единственного горящего рожка старомодного торшера, блестело капельками пота. Доктор взял женщину за левое запястье. Она тут же отдернула руку и открыла глаза.

— Что вы тут делаете?! Я никого не звала!

— Ваша дочь позвонила, — спокойно объяснил он.

— У меня уже давно нет дочери, — произнесла больная хрипло. — Уходите! Ирина! Я же просила, — недовольно сказала она.

Мужчины в халатах подошли ближе.

— Давайте мы хотя бы проверим ...

— Нет!

Врач нахмурился.

— Возвращаемся в машину, — приказал он своим спутникам и, взяв со стула сумку, направился к стоящей у двери молодой женщине.

— Сами видите: больная отказывается от помощи. Значит, она в ней не нуждается. Выведите нас из этого лабиринта.

Внезапно пациентка застонала и попросила:

— Постойте! Мне действительно очень плохо сейчас. Невероятно болит сердце, вот здесь... и жжет плечо. Простите великодушно!

Врач тут же вернулся, доставая на ходу стетоскоп. Поставив сумку на прежнее место, он склонился над больной и привычно, словно передвигая дамки по шашечному полю, внимательно прослушал сердце и легкие.

— Что вы принимаете? Сколько прошло времени...

— Ириша, ответь, — прошептала пациентка.

— Вот нитроглицерин! Немедленно под язык! Если через 5 минут не поможет, я сделаю укол.

— Вам нужен свежий воздух, — сказал доктор заканчивая осмотр, — а здесь совершенно нечем дышать!

Он подошел к окну и одним движением раздвинул шторы, впуская поток дневного света. Тот, словно обрадовавшись возможности

побывать там, куда ему ранее никогда не разрешали заходить, с любопытством мгновенно заполнил всю комнату.

Провозившись несколько минут с рамами, доктор недовольно заворчал:

— Господи! Ведь лето на дворе, а окна ещё заклеены.

Убедившись в нежелании рам подчиниться и полной бесперспективности дальнейших попыток, он достал из кармана ключ, разорвал им бумагу на огромной форточке и открыл её, толкнув наружу. Коктейль звуков жизни огромного города ворвался в помещение.

— Вот так-то лучше.

Поворачиваясь к пациентке, врач хотел добавить что-то нравоучительное, но всмотревшись в лицо пациентки и незамеченные прежде в полумраке фотографии, глядевшие на него теперь со всех стен, промолчал...

— Постойте! Вы... Не узнал без этих портретов.

— Я и сама себя иногда с трудом узнаю, — видимо, не первый раз отвечая так, усмехнулась женщина. — Мне уже явно лучше. Вы хороший доктор.

— Я ничего для вас ещё не сделал.

— Мне действительно лучше. Резкая боль ушла, а к тупой я привыкла. Простите, что отняла так много времени.

Она посмотрела с укором на Ирину.

— Могли бы помочь кому-то, кто нуждался в этом больше.

— Не думаю, — отозвался врач. — Вы на грани инфаркта. Считаю, что безопасней будет госпитализироваться.

Ирина сразу подбежала к постели.

— Нина Георгиевна! Вот видите! Не я одна так думаю. Давно ведь прошу, а вы не слушаетесь.

— Я говорила прежде, повторю ещё раз. В последний, — сказала она отчужденно и твердо. — Я никуда отсюда не поеду. Ни сегодня, ни завтра! По собственной воле, по крайней мере! Только в бесчувственной форме, готовой для морга или с разумом капусты... Последнее, что я хочу видеть — это дорогие моему сердцу вещи, родные стены и потолок этой комнаты, а не больничную палату. В конце концов я имею *Jus vitae ac necis* (Право распоряжаться жизнью и смертью)

— *Id facere laus est, quod decet, non quod licet.* Похвально делать то, что подобает а не позволяется», — тут же отозвался доктор. — Дело ваше. Не могу настаивать. Подпишите здесь, что вы отказываетесь от госпитализации, и я лечу дальше спасать человечество. Может, все же решитесь?

— Вы добрый! Загляните как-нибудь на огонек после службы. Я уже всё сказала.

Она поставила подпись и закрыла глаза, показывая, что разговоры окончены.

Ирина открыла дверь.

— Михаил! Как же я вам рада! Ей опять было плохо ночью. Сейчас храбрится.

Молодой человек уверенно прошел по тёмному коридору. Вошел в комнату.

— Нина Георгиевна!

— Мишенька! Лучик света! Что привело вас сюда в этот чудесный субботний вечер? Хотя подождите... Порукались, да? А она хорошенькая?

— Как Вы себя чувствуете?

— Замечательно. Вы же здесь!

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Я серьёзно.

— И я тоже.

Актриса с нескрываемым удовольствием разглядывала подошедшего к ней мужчину.

— Ну зачем вам это надо, Мишель? Право, не понимаю. Вместо того, чтобы успешно кружить головы множеству достойных молодых и красивых женщин... Там где много света, шампанского и прелестных ножек... Вы проводите столько вечеров здесь и лишаете себя...

— Мне уйти? К... ножкам? — с мнимой угрозой в голосе предложил гость.

— Если вы уйдёте, вот тогда у меня действительно случится инфаркт! Глупость сказала. Пощадите. Конечно я хочу видеть вас как можно чаще. Просто боюсь отрывать такого замечательного молодого человека от радости общения с людьми его возраста. Одну жизнь я, кажется, уже загубила, — совершенно серьёзно, с грустью сообщила актриса. — Она была моей самой молодой и преданной поклонницей. Когда много лет назад случился первый инсульт, Ирочка осталась единственной из тех кто поначалу вызвался ухаживать за мной и... не сбежал. Ни на шаг не отходила. Я была совершенно беспомощна и ничего не могла делать. Это женщина редкостных добродетелей. И какая красивая, Вы заметили?

Михаил быстро перевёл разговор:

— Давайте, я послушаю ваше сердце.

— Нет! Лучше я ваше! Расскажите, наконец о себе. Вам обо мне известно достаточно много. О некоторых местах даже (О Господи!) больше, чем я бы того желала. Мне же о вас ровным счётом ничего. Я умею слушать. Правда.

— Не так уж много интересного в моей жизни. Работал в художественной мастерской в Загорске. Отец оставил нас, когда мама тяжело заболела. Она умерла внезапно, ночью, несколько лет спустя. Захотелось тогда всех спасать, чтобы не уходили люди вот так рано. Решил под старость лет стать врачом и в 32 года приехал в Москву поступать в мед. Поступил, закончил. На жизнь и учёбу зарабатывал, выполняя заказы за не очень трудолюбивых художников. Я недурно рисую. Работы хватало. Теперь вот набираюсь опыта на вызовах и в травме. Скоро куплю себе в центре комнату и будет совсем хорошо. Всё!

— Вы не рассказали о даме сердца.

— Оно слишком большое, чтобы вместить только одну, — отшутился Михаил.

— Слава Богу! Я уже начала беспокоиться...

— С детства обожаю искусство. Театр, кино.... Мне интересно вас слушать, — продолжил Миша. — Я вижу в вас...

— Стоп! Умоляю! Не говорите, что я напоминаю вам бабушку.

Михаил искренне рассмеялся.

— Ну, может быть, только красотой. Чудесного друга. Вот кого! И безумно интересную собеседницу.

— Ладно. Это я ещё могу принять, заулыбалась Нина Георгиевна. — Готовьте глаза и уши. Не запросите пощады? Предупреждаю — её не будет! Ирочка! Принеси нам ,пожалуйста, альбом. Мой любимый. Спасибо, дорогая!

Она начала бережно переверачивать страницы и рассказывать:

— Театральные роли... Жена Евстигнеев... А это киношные. Здесь мы с Тихоновым снимались... А на съёмках этого фильма (там внизу подписано, видите?) за мной ухаживал Бондарчук. Смешной случай тогда произошёл...

Ириша украдкой вытирала слезу, радуясь появившемуся интересу к жизни у её самой, самой, самой любимой и лучшей актрисы на свете. И не было ревности к этому мужчине, которого её любимица ждала, как цветок солнца. Необычный он. Ирина личная жизнь, увы, не удалась. Да и когда? Даже учёбу в Строгановке пришлось оставить. Ведь она ухаживала за дорогой ей Ниной Георгиевной уже 11 лет. Наверно поэтому и не сложилось, но ни о чем, даже на мгновение, Ира не жалела.

Во время просмотра альбома разгорелись нешуточные страсти.

— Да, именно! Почему полное равнодушие к судьбе такой великой актрисы?! Может быть, кому-то и все равно, а мне нет, — горячился Михаил.

Нина Георгиевна спокойно выслушала и сказала:

— Миша! Мне не нужна их жалость. Жалость тех, кому по сути безразлично, существовала я когда-либо или нет. Вы бы приняли помощь от таких людей?

Миша молчал, насупившись.

— Вот и я тоже думаю. Давайте к этой пустой теме больше не возвращаться. Опять принесли торт, Мишенька? Будем пить чай!

Однажды, поздно ночью, в трубке зазвучал взволнованный голос Ирины:

— Умоляю! Я знаю, что вы приедете быстрее скорой. Ей плохо. Очень плохо.

Актриса лежала в постели, слегка наклонившись на левую сторону.

— Я пыталась её усадить, но она все время падает, — расплакалась Ирина.

Михаил проверил зрачки.

— Нина Георгиевна! Вы меня слышите?

Слегка кивнула. Он взял её за пальцы.

— Сожмите мои руки так крепко, как только можете.

В ответ, правая кисть ощутимо сдавила Мишину ладонь. Левая... даже не шевельнулась...

— Я сделала всё как вы велели, — взволнованно докладывала Ирина. — Сразу раздавила аспирин в порошок и дала ей с водой проглотить.

— Вы умница, — похвалил Михаил и, взяв телефон в руки добавил: — сейчас буду звонить в свою больницу и договариваться о транспортировке.

Актриса затрясла головой.

— О нет! Никуда не поеду, — еле слышно, одними губами сказала она. — Вы забыли. Я ещё жива.

Нина Георгиевна восстанавливалась после инсульта на удивление быстро. Пальцы на левой руке уже шевелились, и она старалась садиться в постели без посторонней помощи.

— Доктор! Смотрите, что я могу.

— Подождите! Я вам подушку подложу.

— Не подушка мне нужна, Мишенька, а надгробный камень.

— Вы знаете, что я не люблю такие ваши шуточки, — с преувеличенной строгостью сказал Михаил.

— Любите, любите! Вот и Иришка тоже ко мне пристаёт последнее время. «Давайте говорит, Нина Георгиевна, вставим вам керамику». А зачем? Чтобы у меня были самые красивые зубы на кладбище? Все рассмеялись.

— Ну, вижу, дело пошло на поправку, — похвалил Михаил.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Нина Георгиевна!

— Да, Ириша.

— Я давно хотела вас спросить... Не сердитесь на меня, ладно? Ваша дочь... Вы не желаете... Вобщем, чтобы я позвонила ей и пригласила приехать...

— Считай, что я не слышала этого вопроса.

— Но вы же мучаетесь....

— Дорогая моя Ириша! Я давно простила её. За всё. Не в этом дело. Ты эту... женщину не знаешь. Видишь во всех доброе... Я ещё не остыну, а она уже метры квадратные да статуэтки считать начнет. Кстати, ту, которую подарила мне Уланова, оставь себе и никогда не продавай. Ценная вещица. А Наталье позвонишь, если захочешь, только когда я уже буду на ладан дышать. Актриса задумалась...

— Вообще-то хорошо, что ты спросила...

И совсем другим тоном добавила:

— Ирочка! Возьми ручку и бумагу. Вон там, в столе. О Господи! Кому я это говорю. Ты лучше меня всё тут знаешь. Сейчас, я продиктую вам, голубушка, кое-что. Вы записывайте, не спорьте и не перебивайте. Сделайте в точности как я скажу.

И актриса начала тихо диктовать, не обращая внимания на протестующие жесты и возгласы, прерывавшие иногда её монотонную речь. Закончив, она потребовала:

— А теперь дай мне ручку.

Спросила число. Поставила и размашисто расписалась.

— Мой последний автограф, — грустно сказала она и добавила с иронией — Самый дорогой... Во всех отношениях. Прочитай вслух.

Ирина начала читать, громко возмущившись в нескольких местах, но актриса с любовью смотрела на неё и только улыбалась.

— Боюсь... Я не смогу... так, — сказала Ирина.

— Хорошо, — произнесла наконец Нина Георгиевна, дождав-шись, когда её доверенная успокоится. — Мы заключим пари. Если я ошибаюсь в своей дочери и она прольёт хоть одну слезу у моей постели, — поступишь по-совести. Так, как подскажет сердце. Значит, ты выиграла, и я не научилась разбираться в людях. Если же нет... То победа останется за мной. Согласна? А то... буду являться тебе каждую ночь и включать свет. Пари?

— Пари, — улыбнулась Ирина, вытирая выступившие слёзы.

Через неделю у актрисы случился ещё один удар, и она лежала в постели совершенно без движения, не реагируя на звуки и прикосновения. Михаил приходил теперь каждый день обрабатывать страшные раны, которые появились на её спине. Как доктор он знал, что улучшения не будет и ничто не может защитить обезвоженные ткани от безжалостного разрушения, но... он должен был что-то делать для ставшего таким дорогим и близким ему человека. Хоть что-нибудь!

— Наталья Станиславовна! Не бросайте трубку. Ваша мама при смерти. Если приедете завтра, то, возможно ещё сумеете её застать и попрощаться. Да, адрес тот же. Она дома. У нас ничего не изменилось. Всё как и 11 лет тому назад.

Дочь приехала с мужем в тот же вечер. Ирина открыла, поздоровалась и, извинившись, ушла. Зайдя в квартиру, супруги брезгливо принялись и первым делом начали придирчиво осматривать состояние стен и сантехники. Муж недовольно морщился:

— До чего всё запущено. Стекло в ванной треснуто. Лепнина вон в центре осыпалась. Остатки сбивать придется. Я на такую высоту не полезу.

— Тебя никто и не заставляет. Найдем кого-нибудь.

Зайдя наконец в последнюю, дальнюю, комнату Наталья Станиславовна с неприязнью посмотрела на лежащую без движения и дышащую, словно забыла, как это делается, мать.

— Ну вот и всё, — произнесла дочь, победоносно оглядывая обстановку вокруг и удобно устраиваясь на стуле, с которого только что поднялась, уступая ей место, бледная Ирина.

— Всё! Дождалась!

Тут она заметила лежащий на тумбочке, прижатый настольной лампой, лист бумаги с аккуратно написанными строчками и знакомой размашистой закорючкой в самом низу.

— Это ещё что?

Её глаза цепко и быстро пробежали по тексту. Брови несколько раз поднялись и опустились.

— Хм... Даже так? Вот сука!

Дочь полезла в сумочку и достала пачку «Мальборо». Держа её как солонку, она вытряхнула оттуда одну сигарету и, щелкнув зажигалкой, жадно затянулась.

К ней в ужасе подбежала Ирина.

— Наталья Станиславовна! Что вы делаете! Тут нельзя курить, — изумленно запричитала она. — Вы...

Насмешливо глядя возмущенной Ирине в глаза, она картинно, как фокусник на сцене, взяла документ и подожгла его снизу язычком пламени от зажигалки. Оно почти мгновенно охватило весь лист. Наталья Станиславовна подула на слегка прихваченные жаром от прогоревшей бумаги подушечки пальцев, демонстративно отряхнула ладони и громко крикнула вглубь квартиры:

— Витя!

Муж бесформенной глыбой возник в дверном проёме.

— Возьми эту приживалку за вешалку, — сказала она, стряхивая пепел с сигареты на пол, — и выпроводи отсюда с вещичками на лестницу.

— Вовремя успела, ой, вовремя, — говорила она себе, довольно улыбаясь, пока муж грубо выталкивал сопротивляющуюся Ирину из комнаты.

— Ирке, «серой шейке» придурочной, квартиру со всей обстановкой, а докторишке дачку отписала, значит! При живой дочери!!!

В дверь настойчиво зазвонили.

— Если это Айболит, то заходить не разрешай. Скажи через дверь, что мы теперь сами о маме заботимся.

Ириша сидела с Михаилом на лавочке в парке и рассказывала:

— В квартиру меня больше не пустили, даже попрощаться... Так на ступеньках и сидела. Соседи несколько раз предлагали подремать у них до утра, но я и слышать не хотела — чувствовала, что уйдет она скоро. Боялась пропустить, когда забирать придут. Умерла наша Ниночка ещё до рассвета. Не ошиблась я... Санитаров дождалась, тронула её ладошкой, перекрестила... Эх! Великие актрисы рождаются раз в столетие, а такие души, бескорыстные и светлые, того реже.

Михаил сидел серый. Не было сил даже плакать.

— Хоронят её послезавтра в полдень. Мэр выделил достойное место. Опомнитесь! Вот адрес... И ещё... Нина Георгиевна для вас видеокассету оставила. «Лично в руки». Там в самом начале завещание записано. Вы о нем ничего не знаете, Миша. Неважно уже. Это она придумала для подстраховки, чтобы не сказали, что силой принудили.

Всё предусмотрела! Ей уже позже мысль пришла на дом нотариуса вызывать. С ним официальное завещание, как положено, и составила. По закону и при свидетелях. А на кассете... Она вам что-то долго наговаривала. Меня выйти попросила. Сказала, личное. Кассета у её адвоката. Вот визитка. Он велел сразу после похорон зайти. Побоялась я за вас... Не стала звонить. Думаю, приедет... Горячий ведь, дров наломает... На ночь глядя все равно ничего не изменишь, а утро оно всегда мудренее.

Помолчали. Прощаясь, Ирина сказала:

— А пари своё она выиграла. Она всегда их выигрывала. Но это последнее... Так надеялась проиграть...

Павел МАСЛОВ

НЕТ

Вы когда-нибудь были в ЗАГСе или Дворце бракосочетания? Наверняка были и, скорей всего, даже не один раз. Даже если не в качестве одного из виновников торжества, то в качестве близкого друга или родственника со стороны невесты или жениха.

Конечно, помните то, мало на что похожее, состояние в виде коктейля из радости и тревоги, волнения и веселья, торжественности и сумасбродства, безраздельно царившее вокруг вас и, не особо спрашивая разрешения, проникающее в вас и захватывающее целиком.

Если вы скажете, что не испытывали в ЗАГСе таких чувств, то либо вы по жизни чрезвычайно хладнокровный и рассудительный человек, либо в силу каких-то причин вы мысленно были в это время не в ЗАГСе.

Такая обстановка всегда царит в холле или зале ожидания, а также на улице перед входом, если позволяет погода. Она проявляет себя светом улыбок и угадываемой напряженностью взглядов, долгими затяжками сигаретным дымом и внезапными взрывами заливающего смеха. Она проникает под Мендельсона в зал бракосочетаний и едва сдерживается одиноким, торжественно-звонящим голосом ведущей до слов: «Родственники и гости, поздравьте новобрачных!»

Но иную обстановку можно обнаружить в других помещениях. Для сотрудников ЗАГСа это очередной рабочий день, наполненный зачастую немалым эмоциональным и физическим напряжением:

— Ир, сколько на сегодня пар записано? Тридцать восемь!? Опять даже в туалет некогда будет сбегать.

Конвейер, людской конвейер проходит через ЗАГС и его сотрудников. Самые разные пары помнят стены зала торжеств: совсем юные и убелённые сединами, ровесники и годящиеся друг другу в родители — дети, с многочисленной шумной толпой гостей или просто вдвоём; невесты в пышных баснословно дорогих свадебных платьях, а иногда в обычных, даже не белых, а то и в деловом брючном костюме; с явными признаками беременности и без оных; женихи, почти не отрывающие счастливого взгляда от глаз возлюбленной или обречённо уставившиеся в потолок, а то и стреляющие глазами по декольте и мини-юбкам подруг невесты. Разные, абсолютно непохожие пары сливаются в глазах работников ЗАГСа со временем в безликую человеческую массу.

Но иногда случаются особенно запоминающиеся бракосочетания. Понятно, что выделяются из общего ряда редкие, необыкновенно красивые пары, как будто прямиком сошедшие с глянцевого обложки или киноэкрана, но эта пара такой не была.

Они зашли в зал под уже опостылевшего музыкантам Мендельсона под прицелом нескольких фото— и видеообъективов. Широкие

двустворчатые двери за ними закрылись, музыка стихла. В наступившей на несколько мгновений тишине торжественно зазвучал хорошо поставленный голос ведущей:

— Дорогие Светлана Евгеньевна и Андрей Леонидович, сегодня для вас знаменательный и ответственный день, вы решили соединить свои судьбы и создать семью!

Несмотря на чуть ли не актёрскую выразительность ведущей, смысл её слов, судя по выражениям лиц молодых, с трудом доходит до их сознания. Но это обычное явление для большинства брачующихся.

Они стоят посреди зала, озаряемые вспышками фотокамер. За ними — их тылы — родные и близкие. Впереди — неизведанная, манящая и пугающая самостоятельная семейная жизнь. Обоим брачующимся лет по двадцать с небольшим и, возможно, к ним впервые в жизни обратились по имени и отчеству.

Она — совершенно обычная девушка, не дурнушка, не красавица, среднего роста, среднего телосложения. Русые волосы в хитроумной причёске под белой фатой. Вполне обыкновенное свадебное платье, в меру пышное, в меру открытое.

Жених — под стать невесте: небольшого роста крепыш, типичное славянское лицо, аккуратная короткая стрижка, строгий серый костюм с галстуком.

И гости самые обычные, среднестатистические — и по количеству, и по виду. Их примерно дюжина или около того, и если кто из них уже и принял по случаю, то в меру, поскольку никак не проявлял своего состояния.

— ...является ли ваше желание стать супругами взаимным, свободным и искренним? — продолжала тем временем вещать ведущая. — Ответьте вы, Светлана Евгеньевна.

— Да, — кивнула головкой невеста.

— Вы, Андрей Леонидович.

— Нет, — голос жениха звучал так просто и буднично, будто он отказывался от предложенной чашки кофе со сливками.

Ведущая на мгновение опешила, но годами приобретаемый опыт никогда не пропадает даром:

— Андрей Леонидович, ваше желание вступить в брак является взаимным, свободным и искренним? — повторила она свой вопрос.

— Нет, — на этот раз жених ответил уже не так буднично, а с лёгкой ноткой не то вызова, не то раздражения в голосе.

— В таком случае я не имею права зарегистрировать ваш брак. Всего доброго, — и ведущая быстрой походкой покинула зал.

— Как!? Почему!? — заволновался жених. — Подождите, вы меня не поняли!

Он бросился к выходу вслед за ведущей, оставив посреди зала невесту и гостей в полном замешательстве.

Объективы камер понуро опустились. В зале повисла неловкая тишина, нарушаемая лишь возбуждённым перешёптыванием гостей. Прошла минута, другая, третья, ещё несколько, а жених не возвращался ни с ведущей, ни без неё. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день: сказал «нет» и был таков...

Невеста держалась молодцом, долго не раскисала, но вот кто-то из близких родственников начал её участливо успокаивать, и это возымело действие: глаза наполнились влагой, носик покраснел, невеста вот-вот разрыдается.

Чтобы хоть как-то разрядить ситуацию музыканты заиграли лёгкий весёлый фокстрот, и действительно, через минуту эмоциональное

Алексей КАРАКОВСКИЙ

ДОЛИНА

1. [долина]

Долина не ведала дерева, кроме жизни,
долина не видела верности, кроме хлеба —
и каждый, родившись, вышел со звёздной выси,
и каждый, закончив путь свой, ступал на небо.

Над горными склонами жили большие птицы,
в небесных ущельях гнездились седые змеи —
одни приносили снизу воды напиться,
другие из рода в род становились злее.

Империй же было по тем временам немало,
империи видели столько невинной крови,
что жизнь не была длиннее клинка кинжала,
и каждый поход тонул в мировой истории.

На древних монетах сменялись века и лица,
на древних курганах не молкло стенанье ветра,
и если единожды дрогнул топор убийцы,
смертельный удар всегда наносился жертвой.

Долина казалась закрытой таёжным лесом,
дорога к долине доступна не всем и ныне —
в воде родниковой по-прежнему вкус железа,
а в воздухе — запах цветущей травы-полыни...

2. [песнь жырау]

Я
человек гордый,
я
человек горный,
да
не смутить торгом
ду-
шу моего слова!
Снов
до чертей разных,
птиц
до небес божьих,
так
пощади разум,
коль
я с тобой тоже!

напряжение в зале стало спадать, а ещё минуты через три-четыре в дверях наконец-то появился жених (где ж его, окаянного, носило?) в сопровождении другой приветливо улыбающейся ведущей, с порога заявившей: «Не волнуйтесь, сейчас мы молодых зарегистрируем, и всё будет в порядке». Все присутствующие облегчённо вздохнули.

Вновь вскинулись наизготовку объективы, грянула музыка, вся процедура пошла с начала и прошла как по маслу. Оба брачующихся сказали «да», словно сговорившись. Подписи. Кольца. Музыка. Вспышки фотоаппаратов.

— Данной мне властью и в соответствии с законом Российской Федерации объявляю вас мужем и женой. Поздравьте друг друга.

Ритуальный поцелуй теперь уже новобрачных под неусыпным вниманием объективов и любопытными взглядами гостей.

— Родственники и гости, поздравьте новобрачных!

Всё, дело сделано! И не было никакого «нет». Все видеокассеты были отмотаны к началу. К единственному началу церемонии. И не было другого. Вы слышите, тётя со стороны невесты, не было! Не надо ничего пытаться напомнить новобрачной, она всё равно не вспомнит. Потому как ничего такого не было. Оставьте ваши бредни для околоподъездных сплетен и скучающих по ним соседок. Вам всё это послышалось и почудилось или приснилось в кошмарном сне. Не надо есть много жирного на ночь.

Гости облобызали новобрачных, вручили невесте помятые в жарких объятьях букеты и проследовали за молодыми на выход. Потому как у входа в зал уже в нетерпении стояла очередная процессия с брачующимися во главе. Людской конвейер не должен вестись остановок, ведь время невозможно остановить в стоп-кадре.

И в других помещениях ЗАГСа не замирал такой же людской конвейер. Сама Жизнь проходила через кабинеты вместе с людьми, и сотрудники регистрировали все ключевые её события: разводы, смерти, рождения. Но в отличие от бракосочетаний, это делалось без шума и помпы.

Вы спросите: «Почему так?» Да просто так принято.

Юрий Пименов. Свадьба на затрашенной улице

3. [история его ханства]

История его ханства
писалась ночью.
История его жизни —
полнейший прочерк.
Известно лишь,
что младшей своей дочери
он доверял чуть более,
нежели прочим.

Убийство, было меж тем,
содеяно утром,
убийство было сработано
чётко и мудро,
и гладила речка убитые
чёрные кудри,
глаза заносила белой
песчаную пудрой.

История его ханства
закончилась летом.
История его ханства
закончилась этим.
Никто не знает, что стало
с его младшей дочерью,
и что приключилось
с его дочерьми прочими.

4. [ахыр заманда]

Не будет слова. Оно потонет,
и хроникеры в столетней мгле
спасут лишь тех, кто спешил в погоню
за ним по мёртвой уже земле.

Уйдут легенды. Седые скалы,
не доставая до облаков,
вновь потеряют первоначало —
источник силы своих богов.

Любви не будет. Она исчезнет,
а храбрых воинов кутерьма,
оставит только слепые песни,
и тьму поглотит всё та же тьма.

И нас не будет. Глухое время
ещё останется где-то там,
чтобы в небесном своём гареме
приблизить палец к сухим губам.

5. [меч]

Словно длинные белые волосы
жизнь наматывается на меч.
Миг один, как цветение лотоса —
и река будет медленней течь,
и замрёт, замолчит медный колокол,
в храме древнем замёрзнет вода,
за горой от кровавого облака
загорятся мосты изо льда.
Кони лёгкие, серые, быстрые,
покорители дальних путей,
будут гаснуть холодными искрами
между мёртвых любимых детей...
Пусть отважны движения воина,
как ни сладок победный хрусталь,
на пороге уже приготовлена
ледниковая белая сталь.

Екатерина БЕЛЫХ

ДЕВОЧКА МАЯ

* * *

Май, читаю я тебе молитву
О своем, о прошлом, о больном.
Горизонта синь мешала литры
Заржавелым Ноевским ковшом,
Затерялось солнце в пасти сумрак,
Растерзали воздух иглы роз,
И под звон стекла крестьянских рюмок
По воде шагал Иисус Христос.
Он, угрюм, свои расправив плечи
Прятал в облаке седом глаза.
Завершал свой путь короткий вечер —
Не поймешь где лист, где стрекоза.
И, сырую землю разрывая,
Девственность кроша природных мест,
Он всё шел и шел не уставая,
За собой неся свой смертный крест.
Из креста кровавый гной сочился,
И, собаками дворовыми загнан,
Иисус внезапно растворился,
На рассвете растворился как туман.

* * *

Шелковистый платок ты накинешь на острые плечи,
По холодному полу босая пройдешь до печи,
Ты училась любить у известной всем Маргарет Тэтчер,
И поэтому сердце твое не излечат врачи.

Бесконечно смешная и смелая девочка мая,

Я в глазах твоих сонных увидела утром печаль,
И ты, крестик горячий с ключицы со страхом срывая,
Устремила свой взгляд безутешный в туманную даль.

Нам ли плохо с тобою по жизни идти улыбаясь?
Обожди, послезавтра наступит надеждой апрель,
Я ведь тоже любила, цветком по утрам просыпаясь,
Посмотри же, что стало с моею любовью теперь.

Твои пальцы цеплялись за гладкость фарфоровой кружки,
Твои губы сливались с чайинкой — малиновый цвет,
Мои слёзы касались поверхности тёплой подушки,
Понимая, что девочки мая у нас больше нет.

Андрей ЛУКьяНОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Обида

Собаке за преданность
Жизнь собачью?
Смерть такую же
По воле случая?

Лежит на сене,
Никого не трогая.
И на тебе,
Называют сукою.

Техника безопасности

Загнанный зверь
Шепчет что-то.
Пощады ждет?
Пощаду дарует?

Охотник мохнатой лапой
Жмет на курок,
Падая за смертью,
В такт выстрелу.

Подарком последним становится
Жизнь сохраненная.
Смерти внезапной сестра,
Подруга рикошета от дерева.

Последний шаг

Сними Христа с креста,
За пазухой его

Есть место только
Для тебя одного.

Предупреждал

Как сердцу не отдашь приказ,
Так печени не скажешь: «Умиляйся!»
Когда вливаешь спиртоносный сок,
Предвосхищая неминуемый экстаз.

Снежная Королева

Теплым дыханием, ветром
По давно не бритому хлебалу.
Обозначает присутствие Герда,
Замерзая в объятиях Кая.

Сукин сын

Я рукотворный памятник себе воздвиг
Из грязи.
Прохожий, не заметив, вляпался
В тщеславья крик.

Выжить 1990

Для рож, просящих лицевого кирпича,
Аукнется не раз не с барского плеча
Памфлетом в печень.
Ответить нечем.

Путешествие из Петербурга в Москву

Веселья час, минуту скуки
Готов делить с вами, мадам.
А той первопрестольной суке
Я даже руки не подам.

Облегчение

Среди вавилонских руин
Я остался один.
Пургеном возобновлен
Круговорот.

Елена БАРИНОВА

СТИХОТВОРЕНИЯ

Что не случится, пустяки,
Всё можно пережить.
И снова нарезать круги
И бестолково жить.

Иду налево, Бог со мной.
Иду направо, черт.
Пусть в бухгалтерии двойной
Ведут отдельный счет.

Ведь я по духу не борец,
И мы не заодно,
Ещё чуть-чуть, и, наконец,
Мне станет все равно.

Выбрасываю зеркала.
Зашториваю свет.
Ты спрашиваешь, как дела.
...Ну что сказать в ответ.

Остановись, колесо жизни и смерти,
Куда спешить, помедли немного.
Ты думаешь, ничего не меняется,
Какая разница, кто жив, кто умер,
Люди для тебя как трава, новая вырастет,
Еще гуще прежней, на месте сожженного леса,
И давишь нас, тяжелое, гусеничное,
Колесо танка, а не скрипучей телеги,
Бегущей впереди лошади.
Остановись.

Иаков, что он знал о жизни...
Первые семь лет жил в надежде и уверенности,
Видеть мог ее каждый день, разговаривать с ней...
Вторые семь лет — в еще большей надежде и уверенности...
Его скоропалительный роман достоин ли библейского стиха...

Я сочинять теперь не мастерица,
Забывшее слепое ремесло,
Но все, что не случилось, а могло,
До самой смерти каждый день мне снится,

Где нежности моей к тебе слова,
За то, что я еще живу, спасибо,
За всё, что не было, ведь не было ошибок —
Ты прав во всем, и жизнь во всем права.

Я не могла бы даже изменить
Круженье звезд в глухонемой Вселенной,
А в нашей жизни, словно вздох, мгновенной,
Жизнь без тебя на что мне заменить.

Мне некуда теперь уже спешить...
Когда б у нас хоть что-то было общим...
Я без тебя не научилась жить,
Но я могу смотреть на вещи проще.

Я по утрам пью кофе без тебя,
И без тебя не выхожу из дома.
Живу как будто, каждый день губя,
Как груды старого металлолома.

Мне даже странно видеть белый свет,
Во мне все — скрип, я — ржавое железо.
Я погружаюсь в суету сует,
В мельчайший быт свой для противовеса.

Чтоб разучиться говорить люблю,
Чтоб слезы выглядели так нелепо...
Поди смешно... в пеньковую петлю
Пытаться уместить всё небо.

и нечего особенно сказать
уже давно все сказано меж нами
ты позвонишь
я помолчу
цунами
не смоет сразу после дом и сад

вот когда губа — не дура
тяжело с такой губою
я её бы поменяла
на обычную сто раз
и жила бы распрекрасно
самой рядовой судьбою
всё случайно получилось
бог не выдал, черт не спас

Виктор ХАРИН

ХРАНИТЕЛИ СКАЗОК

Глава 7. На краю земли

Они летели навстречу солнцу. По уверениям ворона, именно на восточном краю земли находится кузница Инмара. Он обитает там, где Отец Солнце выходит с темной стороны земли. Карак привычно сидел за пазухой у Мартина, а неутомимый Отец Альбатрос мчался на встречу приключению. Мартин привык вставать по утрам еще до восхода солнца, потому сегодняшние сборы были недолгими. Проглотив завтрак и выслушав кучу полезных советов и нотаций от бабули, они вылетели, когда небо только робко алело на востоке. Сейчас солнце было практически в зените и пекло нещадно, несмотря на высоту и скорость полета.

— Карак, а далеко ли до края земли? — через некоторое время спросил Мартин.

Ворон за пазухой начал вертеться и через миг его голова показалась из ворот куртки.

— Я там никогда не бывал, давным-давно я захотел узнать, где заканчивается мор-ре (поспорил с др-рузьями на одной вечеринке, что достигну кр-рая, но речь не о том). Летел я от бер-рега семь дней, и совсем выбился из сил, увидел поср-реди мор-ря дер-рево, присел отдохнуть. Немного отдышавшись, я пр-родолжил свой путь. Еще семь дней я летел, но так и не достиг края мор-ря, и когда совсем выбился из сил и мог погибнуть, упав в воду, я снова увидел дер-рево. Обр-радованный, я пр-рисел на него, и только начал пр-риходить в себя, как голос из глубины кр-рикнул:

— Что за невоспитанность! Все усы мне оттоптал и даже не извинился.

— Пр-ростите, — проговорил я, — но больше мне негде было отдохнуть. Кто вы и что делаете в откр-рытом мор-ре?

— Я Отец Омар, лежу себе на дне океана, и всегда лежал. А ты кто таков, с виду не морской, и что тебе понадобилось так далеко от берега?

— Я Кар-рак, пр-равнук Отца Вор-рона. Я хочу узнать, где у мор-ря кр-рай, вот и лечу на его поиски.

— Какая глупая молодежь, нет края у моря, ты разве не знаешь, что все моря впадают в безбрежный океан. Ты столько летел, а всего лишь пролетел между моими усами. Когда-то я был моложе и тоже хотел найти край моря. Долго я плыл, семь дней и ночей. Выбившись из сил, я заметил пещеру, способную меня вместить. Я забрался вглубь нее, отдохнул и снова поплыл дальше. Еще семь дней и ночей я провел в поисках края моря, и опять, выбившись из сил, заметил другую пещеру. Забравшись в нее, я едва успел перевести дух, как раздался голос:

— Эй, малявка, выплывай из моих ресниц, а то моргну и раздавлю ненароком.

Я поспешил выплыть и спросил:

— Кто вы?

— Я Мать Камбала, лежу на дне испокон веков, а тебя, малыш, что побудило плыть в такую даль?

— Я Отец Омар, ищу место, где заканчивается море.

— Глупый малыш. У моря нет края, ты столько времени плыл, а всего лишь проплыл между моими ресницами. В былые времена, когда я была моложе, я сама искала край моря, семь дней плыла, но, как и ты, не нашла ничего и оставила эти попытки. И ты, малыш, оставь эти поиски и не трать свое время.

Вот что поведал мне Отец Омар-р. Так что кр-рая у мор-ря я не видел. Возможно, это и к лучшему, так как по пр-реданиям на кр-раю мор-ря живет великий змей, он опоясывает собой всю землю. От его дыхания вздымаются волны, когда он шевелится, налетают шторм-рма и цунами, а когда он голоден, то откр-рывает пасть и пр-роглатывает все, что ему попадается. Потому мор-ре никогда не пер-реполняется, хотя все р-реки и текут в мор-ря.

— А как же мы тогда достигнем края земли? — удивился Мартин.

— Ты вер-ришь, что мы ее достигнем?

— Да.

— Тогда достигнем. Не пер-реживай. Ты же с нами.

— А при чем тут я? — удивился Мартин.

— Ты — хр-ранитель. Ты помнишь о сказках, душах мир-ра, в твоих силах восстановить их, откр-рыть, пр-ризвать, — пояснил Карак

— Я ничего не понял из того, что ты сказал, — продолжал Мартин.

— Я говорю о том, что если ты хочешь, чтобы мы достигли кр-рая земли, то мы ее достигнем. Помнишь, что я говор-рил тебе о душе и сказке.

— Да, о том, что сказка и есть душа. Братство душ и все такое.

— Совер-ршенно верно.

— Ты хочешь сказать, если я расскажу сказку о «крае земли», то мы его достигнем?

— И да, и нет, — схитрил ворон.

— Что это значит?

— Неужели для тебя полеты на альбатр-росе к кр-раю земли, навстр-речу солнцу, стали настолько обычными, что это уже не сказка? — Карак откровенно забавлялся.

— Конечно, это чудо, — согласился Мартин.

— Малыш, мы уже в сказке! — крикнул ворон, а Отец Альбатрос в это время заложил крутой вираж, ловя потоки ветра.

На закате они достигли высоченной горы, неожиданно выросшей над облачным морем. На самой вершине горел священный Негасимый Огонь, были слышны удары молота по наковальне. Они пропитывали собой всю землю, казалось, сам воздух вибрирует и сжимается. Альбатрос сделал круг и облетел вершину несколько раз, выбирая место для посадки. Наконец он заметил среди нагромождений камней ровную поверхность и, сложив крылья, камнем упал вниз. У Мартина екнуло сердце и заложило уши, но альбатрос, который раз продемонстрировав свою невозмутимость, в последний момент распахнул крылья на манер парусов, гася скорость.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Мартин спрыгнул и поприседал, разминая затекшие ноги. Карак, насидевшись под курткой, выждался облететь местность и посмотреть что к чему. Вернувшись буквально через минуту, он черной молнией упал на плечо Мартину и затараторил:

— Кар-крак, кар-карак — какракар...

— Да ты по-человечьи говори, что ты как сорока балаболишь, — проворчал альбатрос.

— Инмар-р за повор-ротом. Там пещер-ра и кузница. И, кажется, он меня заметил.

Только в этот момент путники поняли, что звуков молота больше не слышно. Зато слышалось шумное дыхание кого-то большого и рассерженного прямо у них за спиной. Мартин запоздало оглянулся, и, подняв голову вверх, увидел Инмара во всей его красе. Он был огромен. Мартин доставал ему в лучшем случае до колена. Он нависал над ними рассерженным утесом, переводя взгляд черных глаз с одного на другого, а молот, который он подбрасывал и ловил одной рукой, внушал мысль о скорейшем и постыдном бегстве в любом направлении.

— И что мы тут имеем? — пророкотал Инмар, не спуская с путников взгляд.

— Приветствуем тебя, великий герой, — выступил вперед альбатрос, — не гневайся на нас, что потревожили тебя и отрываем от дел. Я Отец Альбатрос, со мной Мартин — юный хранитель и Карак, правнук Отца Ворона. . .

— То-то я вижу знакомую вороватую физиономию, а это ворон. А знаешь, что я с вашим племенем делаю? Суп варю, а перья себе в подушку зашиваю! И ты посмел появиться здесь? Вот сейчас как огрею молотом по голове и поминай как звали.

Карак взлетел, и приземлился на скальном выступе рядом с лицом великана, и дерзко заявил:

— Есть большая вероятность, что попасть будет непросто. Поэтому, чтоб не тратить время и нервы зазря, угостишь нас чаем, да и послушаешь, что тебе путники порасскажут, а ты послушаешь. Небось тут без новостей из мира зачак совсем?

Мартин запоздало отметил, что ворон больше не раскатывает р-р-р, а говорит четко и звонко.

— Не зачак. Мне новости Отец Ветер приносит и побратим мой Отец Гром, когда заглядывают. А с тобой я еще не закончил. Вот повыдергаю перья и дам пинка, да такого, что долетишь до прародителя своего и передашь ему привет от меня. Пламенный.

— Ну что ты все грозишься почем зря. И на предка моего зазря грешишь, — не унимался ворон.

— Зазря? А кто усыпил меня своими песнями? Кто выкрал Священный Огонь и отдал его людям? Подлый ворюга!

— Вот не разобравшись в ситуации, а напраслину наводишь. Ты думаешь, что мой предок выкрал огонь и отдал его людям. Но дать огонь людям — это не его прихоть, а просьба Отца Солнца, и я думаю, что ты давно это знаешь. Потому как вы с Отцом Солнцем братья. А что ты отказался выполнить просьбу старшего брата, так в этом нет вины моего предка. Потом ты в погоню за Отцом Вороном послал своего побратима, Отца Грома. А когда он нагнал моего предка, то стал бить мечом в железный щит, гремел гром и молнии, и Отец Ворон, испугавшись, выронил лучину с тлеющим угольком вечного Огня в море. И до людей его не донес.

— А кто тогда донес? — удивился великан, он даже выронил молот, который, упав, сильно стукнул его по пальцам правой ноги. Инмар вскрикнул и наклонился, потирая уши.

— А донес твой побратим, Отец Гром, — продолжал Карак, — он так сильно метал молнии, что одна долетела до земли и угодила в дерево. Дерево вспыхнуло, словно сухая трава. На том дереве устроила себе гнездо кукушка, уже отложила яйца и высиживала птенцов. Кукушка взлетела, но не успела спасти гнездо, все сгорело. А мимо проходил человек, он был голоден, и съел поджаренные яйца из кукушкиного гнезда, и так ему понравился вкус жареной еды, что он, раздув уголек, унес его к себе в дом. С тех пор люди обладают огнем, который даровало им небо, а кукушка летает по миру и ищет свое гнездо, а пока не нашла, подкидывает своих птенцов в чужие гнезда. Так что зря ты во всем обвиняешь моего предка. Нет его вины в том, что ты наговорил.

— А я и не знал. Выходит, на самом деле, все эти столетия я необоснованно обвинял Отца Ворона, — произнес ошарашенный великан.

— Не забывай еще о том, что он единственный, кто побывал на той стороне земли и выручил Отца Солнца, — вставил альбатрос.

Великан задумался и после минутного молчания произнес:

— Я был несправедлив к Отцу Ворону. Извини меня, мудрая птица, и попроси своего предка простить меня за все необоснованные обвинения.

— А как быть с погубленными воронами и подушкой, набитой перьями? — хмуро спросил ворон.

— Да нет никакой подушки, — смущенно пробормотал великан. — Ни одного ворона с того времени я больше не видел. Никто из вашего племени не залетал в эти места. Ты первый, кто осмелился показаться мне на глаза за многие столетия и, как видишь, не зря. Отныне все твои родичи могут рассчитывать на мою дружбу и мою помощь. Поверьте, мне очень стыдно. Да что мы тут на сквозняке стоим. Пожалуйте ко мне. Правда, у меня не прибрано, гостей-то я особо не ждал.

— Почтем за честь, великий мастер, — ответили ему путники.

— Позвольте полюбопытствовать, с какой целью трое путников очутились в такой глуши? — поинтересовался Инмар. Они сидели в пещере великана, перед горящим в горне огнем. Для удобства камни в пещере были застланы шкурами. По стенам висели орудия кузнечного ремесла, на наковальне лежал огромный серебряный гвоздь, видимо, великан как раз закончил над ним работу, но не успел убрать. Гости пили горячий чай и угощались брусничным вареньем, которое бабушка Мартина положила ему с собой.

— Мы ищем потерянную сказку, — ответил Мартин. И рассказал про маяк на его родном побережье и старого Эрни. Про знакомство с альбатросом, вороном, их совместное путешествие к далеким берегам.

— И вы специально для меня сделали дудочку? — умилился великан.

— Да, конечно, вот полюбуйте, — Мартин достал дудочку и положил ее Инмару на ладонь. Она была такая маленькая, что даже в руках Мартина казалась игрушкой, а на ладони великана смотрелась пылинкой. Инмар приблизил ладонь к лицу и внимательно посмотрел на дудочку.

— Какая тонкая работа. Надо будет мне сделать для нее ларец, а то ненароком потеряется.

— Эта дудочка не простая. В ней сокрыта песня Отца Ветра. Ты подставь ее ветру или прикоснись ею к земле, и она зазвучит. Песня ее будет отдаваться в твоём сердце, — пояснил ворон.

— Вот это чудо так чудо. Сейчас и работать веселее будет. Чем я могу вас отдарить, гости дорогие?

— Великий мастер, нам ничего не нужно, но надеюсь, ты позволишь нам зажечь ветку от Священного Огня, который ты хранишь. Эту

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

ветку мы хотим передать Отцу Солнцу, она должна помочь ему в битве на той стороне земли.

— Конечно, я с радостью помогу вам и своему брату. К тому же он утром пройдет через мою кузницу для починки оружия и доспехов, и я приглашаю вас всех погостить у меня до его прихода. И пока мы ждем Отца Солнце, то не подсобите мне в одном деле? — попросил Инмар. — Нужно поставить новую Полярную звезду на место прежней до наступления темноты, а то старая уже поизносилась.

Он мотнул головой в сторону наковальни, где лежал огромный серебряный гвоздь. Мартин только сейчас понял, что Инмар этот гвоздь и называл Полярной звездой.

— Простите, а как это «выковал Полярную звезду»? — поинтересовался Мартин.

— Ты разве не знаешь эту историю? — удивился великан. — Ну, тогда слушай:

«Побывал однажды Отец Леса на пиру у Морского Владыки, посмотрелся на чудеса заморские, и стало ему обидно, что нет у него никакого чуда, которым он мог бы хвастаться перед другими духами. И поручил он своему младшему сыну, великому охотнику, добыть чудесного оленя с золотыми рогами. Не посмел младший сын ослушаться. Взял лук тугой, колчан со стрелами, сплел из паутины серебристый прочный аркан и отправился в путь.

Долго брел охотник по земле, и вот, наконец, на самом краю земли он повстречал оленя с золотыми рогами и бросился за ним в погоню. Но олень помчался быстрее ветра, не успел охотник и глазом моргнуть, как олень запрыгнул на небесный купол и помчался ввысь. Охотник, недолго думая, ухватился за край неба и вскочил следом. И помчались они по небосводу. Чудесный олень бежал, выбивая из купола искры, его копыта оставляли глубокие следы. Охотник скользил за ним на лыжах. Он бросил свой аркан на рога оленя, но олень тряхнул головой, и петля слетела, так и оставшись лежать на небе. От такой гонки небо зашаталось и заходило ходуном, храбрый охотник не удержался и упал, но его подхватила луна, и на луне до сих пор есть отпечаток, куда упал охотник. Следы этой охоты видны и поныне. Искры из копыт сейчас называют падающими звездами или метеорами, а следы оленя — звездами. Путь лыжника по небу виден как Млечный путь».

А небо было настолько расшатанным, что боги попросили меня изготовить из серебра огромный гвоздь и вбить его в купол, дабы он не упал на землю. Ведь раньше небо держали на плечах четыре великана по краям земли, а сейчас они могут передохнуть, небо держится на одном гвозде, который люди называют Полярной звездой.

— Как странно, никогда бы не подумал. А что случилось с оленем? — спросил Мартин.

— О нем не беспокойся. Они до сих пор гоняются друг за другом каждую ночь, потому и надо раз в год менять Полярную звезду, — махнул рукой Инмар.

— А нам что нужно делать? — решил уточнить Мартин.

— Ты сможешь вбить гвоздь в небесную твердь? — прямо спросил его великан.

— Я бабушке помогал по хозяйству и забивал гвозди, но такого большого никогда не видел, но я постараюсь, — неуверенно пролепетал мальчик.

— «Постараюсь» — мало, — покачал головой великан. — Когда мы выдернем старый гвоздь, небо упадет на землю. Я подставлю плечо и подержу его, пока ты не вколотишь новый. Если у тебя не получится, то когда я устану держать небо, оно упадет на землю и всех раздавит.

Мартина пробрала дрожь от такой перспективы. Карак перелетел с камня на плечо мальчика и сказал ему шепотом:

— В этом деле мы тебе не помощники, но мы тебя поддержим.

— У меня получится, — уверенно сказал Мартин, посмотрев великану прямо в глаза.

— Вот и хорошо, пойдём, поднимемся и начнём починку.

Инмар свернул несколько огромных шкур, взвалил их себе на плечи, взял серебряный гвоздь, длинную лестницу, большой молоток, гвоздодер и вышел из пещеры. Мартин бегом едва поспевал за размашистым шагом великана, и когда они достигли вершины, он, обливаясь потом, едва мог дышать.

Ворон и альбатрос, прилетели раньше них и уже сидели на утесе. Отдышавшись, Мартин огляделся по сторонам. Вершина, на которой они оказались, была плоской, как будто срезанной, внизу не было видно ни зги из-за клубившихся облаков. Небо было совсем близко, казалось, что можно коснуться его рукой. Не было никакого ветра, Мартин даже удивился, он думал, что тут будет такой ураган, сбивающий с ног, сильнее, чем у них на маяке, но его ожидания не оправдались. Инмар сбросил ношу к ногам. Поднял и разложил лестницу, упер ее одним концом в небо, другим в землю. Мартин так до конца и не поверил в возможность забраться по лестнице на небо. Закончив с приготовлениями, Инмар подозвал его:

— Поднимешься на самый верх, Отец Альбатрос принесет тебе гвоздодер. Выдернешь гвоздь, бросай смело на землю, потом подберем, а альбатрос подаст тебе новый гвоздь и молоток. Как только ты выдернешь старый гвоздь, то небо тут же закачается. Я его подержу, но времени у тебя немного. Так что не трать его понапрасну.

Мартин полез по лестнице, ему было очень страшно, хорошо, что землю из-за облаков не было видно, а то голова бы закружилась. Он добрался до самого верха и дотронулся до небесного купола. Купол показался ему теплым и живым. Словно гладишь кошку, только небо не мурлыкало от прикосновения. Полярная звезда торчала прямо у него над головой. Он крикнул ожидающим его внизу друзьям:

— Я готов! Можно начинать!

Инмар свернул принесенные с собой шкуры в валик, положил на правое плечо и, широко расставив ноги, уперся в небесный купол. Альбатрос подлетел к Мартину, держа в клюве гвоздодер. Схватив тяжелый инструмент, Мартин принаоровился и поддел звезду, но никак не мог ее вытащить, настолько крепко она там сидела. Он с силой упирался ногами в лестницу, но звезда не поддавалась. Подлетел Карак и пощекотал ему нос своим пером, Мартин не выдержал и та-ак чихнул, что звезда выпала из небесного купола и только глухой далекий звон известил их, что она достигла земли. Небо тут же закачалось. Мартин обернулся и увидел покрасневшее от натуги лицо Инмара:

— Не теряйте времени. Быстрее.

Отец Альбатрос уже мчался к нему с молотком и новым гвоздем. Мартин вставил гвоздь в то же отверстие, где был старый, поднял молоток и начал забивать звезду в небесную твердь. Когда гвоздь вошел по самую шляпку, он вспыхнул как луч маяка, так что Мартин прикрыл свободной рукой глаза от отблеска света, но, не удержавшись, упал вниз. Альбатрос, сложив крылья, рухнул вслед за ним, успев схватить его за куртку, и с осторожностью опустил на камень.

— Ну что? Дело сделано, — довольно проговорил великан, потирая плечо. — Мартин, ты молодец. Очень хорошо все получилось. Посмотри, как она сейчас ярко горит. Эта работа стоит хорошего чаепития, так что милости прошу, надо как следует отметить это дело.